

В.И. Первушкин, В.Я. Прошкин

Мордва Пензенской области

В.И. Первушкин, В.Я. Прошкин

**Мордва
Пензенской области**

Пенза
2010

УДК 314.122.6(471.327)
ББК 635 - 32(2Рос-4Пен)
П26

Печатается по решению правления Региональной мордовской национально-культурной автономии Пензенской области.

*При финансовой поддержке Правительства Пензенской области и
Правительства Республики Мордовия*

Под общей редакцией доктора исторических наук, профессора Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского

В. И. Первушкина

доктора исторических наук, профессора, директора Мордовского научно-исследовательского института гуманитарных наук

В. А. Юрченкова

Первушкин В. И., В. Я. Прошкин

П26 Мордва Пензенской области / В.И. Первушкин, В.Я. Прошкин;
под общей ред. д-ров ист. наук, проф. В.И. Первушкина и В.А.
Юрченкова – Пенза, 2010. – 124 с.

В книге впервые в научно-популярной форме систематизированы историко-этнографические сведения о мордовском населении Пензенской области: история заселения, динамика численности мордвы, хозяйство, материальная и духовная культура, семейный и общественный уклад жизни. Книга написана на основе анализа научной и научно-популярной литературы, периодической печати, архивного и полевого материала, собранного как авторами, так и этнографами Республики Мордовия и студентами исторического факультета Пензенского государственного педагогического университета в этнографических экспедициях по Пензенской области.

Предназначена для научных работников, студентов, школьников, а также для всех, кто интересуется историей и культурой мордовского народа.

УДК 314.122.6(471.327)

ББК 635 - 32(2Рос-4Пен)

© В. И. Первушкин, В. Я. Прошкин, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели! Эта книга является в какой-то степени уникальной для Пензенской области, потому что в ней впервые собраны воедино материалы по истории, культуре и быту мордовского народа. Именно здесь, на берегах Суры и Мокши, шел процесс формирования, или как говорят ученые, этногенеза мордовского народа. В последние годы народы России переживают качественно новый этап развития, который характеризуется ростом этнического самосознания, обостренным вниманием к проблемам сохранения и развития национальных культур, языков, традиций, обычаев. Национальные диаспоры создают различные институты, самые многочисленные из которых – национально-культурные общественные организации. Так, в Пензенской области активно трудится Региональная мордовская национально-культурная автономия.

В связи с этим правомерным и актуальным представляется изучение исторического прошлого, особенностей традиционной культуры и тенденций современного социального развития мордовского населения, проживающего на территории Пензенской области.

Конечно, не следует думать, что в предыдущие годы никто из этнографов и краеведов не описывал разные стороны материальной и духовной культуры мордовского народа в своих трудах. Мы будем обращаться к их работам в дальнейшем изложении, и внимательный читатель убедится, что их не так мало. Но такие труды выходили либо в прошлом и позапрошлом столетиях и не переиздавались, либо малыми тиражами в очень специальных изданиях. Они рассыпаны по крупичкам во многих областях разных наук. По-видимому, это и привело к тому, что в этнографической литературе о народах Пензенского края остается еще много пробелов. Более полно освещены вопросы, касающиеся хозяйства и материальной культуры сельского населения конца XIX – начала XX века. Проблемы семейного быта, обычаев, обрядов, а также народное творчество и религиозные верования представлены недостаточно. Однако обращаясь к истории вопроса, следует сказать, что в XIX веке, когда этнография выделилась как самостоятельная научная дисциплина, стали возникать организации, научные общества, занимавшиеся этнографическими исследованиями. В России такой организацией было Русское географическое общество (РГО) с отделениями географии, статистики и этнографии, созданное в 1845 году. В течение нескольких лет по тщательно разработанной отделением этнографии программе и с помощью местных корреспондентов собирался уникальный полевой материал, значительная часть которого была аннотирована в справочно-библиографическом труде Д.К. Зеленина «Описание рукописей Ученого архива РГО». Данная работа стала своеобразной энциклопедией для изучения дореволюционной этнографии народов России, в том числе мордвы¹.

¹ Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива РГО : в 2 т. СПб., 1915.

Существенный вклад в изучение культуры мордовского народа внесли также основанные в 60 – 80-е г. XIX в. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Финно-угорское общество в городе Гельсингфорсе (ныне Хельсинки Финляндия). Совместно с рядом этнографических музеев они провели серию экспедиций в различные районы расселения мордвы с целью более глубокого изучения её материальной и духовной культуры. Члены указанных обществ активно публиковали фольклорные тексты, сообщения о быте и обрядности народов Поволжья.

Именно в это время работами В.А. Ауновского, Н.В. Прозина, Н.К. Смирнова были заложены основы пензенской этнографии¹. В них содержится описание специфических черт интерьера жилища, одежды, религиозных, общественных и семейных обрядов. Однако эти данные, зачастую, поверхностны и требуют критического анализа.

В 1920-х годах проводится несколько этнографических экспедиций Пензенским краеведческим музеем и Пензенским Обществом любителей естествознания и краеведения в районах компактного проживания мордвы (Городищенский, Краснослободский, Наровчатский и Спасский уезды). Их участники (Н.И. Спрыгина, Б.Н. Гвоздев, И.Г. Тимофеев, И.Г. Черапкин) сделали оригинальные описания жилища, костюмов, пережиточных форм религиозных, общественных и семейных обрядов, собрали коллекции мужского и женского народных костюмов, вышивок, украшений и т.д.. Собранные материалы были частично проанализированы в работах Н.И. Спрыгиной «Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии» и А.Е. Любимова «Краткий исторический очерк мордовского народа».

Новый этап в истории этнографического изучения мордвы начался с 1950-х годов, когда внимание исследователей было обращено не только на традиционные элементы народной культуры, но и на этническую историю, расселение и динамику численности мордвы. По мере дальнейшего развития этнографии все большее значение стали приобретать количественные (статистические) методы анализа этносоциальных явлений. Таковы работы В.И. Козлова, посвященные вопросам расселения мордвы, анализу основных причин, вызвавших изменения в территориальном размещении и численности, как всего мордовского народа, так и его отдельных групп. В.И. Козлов составил этнографические карты и картосхемы, иллюстрирующие не

¹ Ауновский В.А. Этнографический очерк мордвы-мокши //Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. Симбирск, 1870; Прозин Н.В. Картины мордовского быта //Пензенские губернские ведомости. № 89, 90. 1864, № 39, 40. 1865; Смирнов Н.К. Мордовское население Пензенской губернии //Пензенские епархиальные ведомости. № 1 – 3, 5, 6, 9, 21, 24. 1874, № 1,2,4,6, 7, 10. 1875.

только расселение мордвы в различные исторические периоды, но и ее этническую структуру, динамику численности¹.

В 1980 – 90-е годы в Саранске выходят обобщающие работы «Мордва. Историко-этнографические очерки» и «Мордва. Историко-культурные очерки». Значительным вкладом в изучение мордовского населения Пензенской области можно считать экспедиции Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики в 1993 – 1995 годах в Никольский, Камешкирский, Лопатинский, Белинский и Шемышейский районы. Их участниками Сергеем Дмитриевичем Николаевым и Галиной Альбертовной Корнишиной был собран богатый материал по динамике численности, социальному быту, праздникам и обрядам, промысловой деятельности и истории мордовского населения Пензенской области. Новый подход в изучении мордвы Пензенской области был представлен в диссертационном исследовании В.И. Первушкина «История культуры мордвы-мокши XII – XVI вв.». Все эти наработки были активно использованы авторами в данной книге.

Краткий историографический анализ свидетельствует о том, что несмотря на значительное количество трудов, опубликованных и неопубликованных по данной проблеме, до сих пор нет обобщающих работ по мордве Пензенской области. Сегодня мы восполняем этот пробел.

В работе использовались разноплановые источники: статистические материалы, периодическая печать (Пензенские губернские и епархиальные ведомости), архивы, данные полевых исследований.

Не претендуя на полноту изложения всех вопросов связанных с историей и культурой мордвы, мы тем не менее постарались сказать благожелательное слово об этом народе, которое открывает лучшие его качества и культурные ценности, это сделано с целью максимального показа положительных возможностей мордовского народа. Потому что развитие национальной культуры вносит вклад в мировые духовные ценности подобно тому, как по мере развития отдельной личности вырастают её возможности быть полезной для других. Однако поборники безграничной свободы личности не хотят замечать, что подход к индивидуальности любого народа должен быть таким же, как к личности отдельного человека. Всегда исполнительным уважения.

К тому же нам хотелось по возможности дать жителям отдельных селений и районов ответ хотя бы на некоторые вопросы о прошлом родных мест.

¹ Козлов В.И. Миграции мордвы в капиталистической России // Записки (история, археология, этнография). Саранск, 1958. № 19; Он же. Расселение мордвы-эрзи и мокши // Советская этнография. 1958. № 2; Он же. Расселение мордвы (исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960. С. 5 – 62; Он же. Расселение // Мордва. Историко-этнографические очерки. Саранск, 1981; Он же. Динамика численности // Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск, 2004.

Однако объять необъятное вряд ли возможно. Поэтому работа над этой интереснейшей этнографической проблемой продолжается. Авторы с благодарностью примут от читателей все доброжелательные, конструктивные замечания, советы и предложения, т.к. в дальнейшем предполагается провести определенную доработку и переиздание книги.

Национальная государственная политика, приводимая руководством новой России, позволяет более активно развиваться всем нациям и народностям. Вся проводимая работа позволяет лучше изучать историю, культуру, язык, быт и традиции своего народа. Ярким примером служит история развития и становления мордовского народа. В последние годы во многих регионах Российской Федерации, где компактно проживает мордовское население, созданы национально-культурные автономии и общественные объединения. В Республике Мордовия организован институт национальной культуры при Мордовском государственном университете им. Н.П.Огарева, Министерство по национальной политике Республики Мордовия, а также действуют всероссийское общественное движение «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации», Совет межрегионального общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа, Поволжский центр культур финно-угорских народов в Саранске. Проводятся съезды мордовского народа в столице Республики Мордовия.

Все это позволило поднять уровень работы среди мордовского населения Пензенской области при активной поддержке совета по делам национально-культурных автономий при Правительстве Пензенской области.

В последние годы на территории Пензенской области прочно вошли в традицию, проводимые праздники православной культуры, в частности, «Пензенский Спас».

День единства народов Пензенской области, дни культуры, фестивали народных песен, выставки народного творчества и ремесла мордовского народа, изучение родного языка по школьной программе, а также на курсах и факультативах, на более высоком уровне в школах начали изучать историю родного края, культуру и традиции народов.

Правление мордовской национально-культурной автономии Пензенской области ежегодно на своих конференциях подводит итоги своей работы.

Мордва Пензенской области глубоко чтят память своих лучших сынов: историка В.О. Ключевского, просветителей - Г.К. Ульянова и Я.П. Григошина, героя-пограничника А.М. Кижеватова, певицы, заслуженной артистки РСФСР Л.А. Руслановой (П.А. Лейкиной) многих и многих других.

В процессе работы над книгой нам оказали неоценимую помощь этнографы, историки, археологи, языковеды, сотрудники музеев, библиотек и архивов городов Москвы, Саранска, Пензы и Пензенской области. Ценные сведения получены от многочисленных информаторов, учащихся средних школ Пензенской области и студентов исторического факультета Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Всем выражаем глубокую признательность. Персонально

хотелось бы поблагодарить А.С. Алешкина, М.Н. Вдовину, М.Б. Вельмякину, В.А. Вирясова, И.Л. Демову, В.Н. Зименкова, О.В. Зоткину, В.А. Ивлиеву, Л.П. Истюшкину, А.П. Кондрашкину, И.Л. Кручинкину, В.В. Крюкова, В.А. Курышова, Л.В. Лебедеву, Т.И. Мельникову, В.А. Немцеву, В.Н. Паксяеву, Н.В. Паксяеву, М.Н. Парфенову, А.В. Первушкина, Е.Г. Первушкину, И.М. Петербургского, М.С. Полубоярова, П.В. Прошкина, Л.В. Радайкину, М.А. Размоскину, А.И. Ракову, Н.В. Селюкину, А.В. Смирнову, М.И. Смолькову, Л.Н. Суруткину, Т.В. Терехину, Т.А. Чевачину и О.В. Ягова.

Одним из важнейших стимулирующих факторов для издания этой книги послужил Указ Президента Российской Федерации Д.А. Медведева «О праздновании 1000-летия единения мордвы с народами Российского государства» от 11 января 2009 года и Распоряжение Правительства Пензенской области «О праздновании в Пензенской области 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства» от 16 апреля 2009 года.

ГЛАВА I.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О НАРОДАХ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

Природно-географическая характеристика Пензенской области поможет нам рассмотреть механизмы формирования её этнического состава. Территория, занимаемая Пензенской областью, сравнительно невелика. Ее площадь составляет чуть более 43 тысяч кв. км. Расположена она в юго-западной части Среднего Поволжья и лежит в умеренном географическом поясе, на стыке лесной, лесостепной и степной природных зон. Поэтому природные условия ее разнообразны: на северо-востоке лесом занято более 40% территории, а на юго-западе – типичная степь.

На большей части территории области расположены отроги Приволжской возвышенности, а на крайний запад заходит Окско-Донская низменность. Климат умеренно-континентальный, с довольно жарким летом и холодной зимой.

В области более трехсот рек, речушек, ручьев. Наиболее крупные реки Сура, Мокша и Хопер.

Географическое расположение Пензенской области определяет и ее растительный покров. Леса занимают около 20% площади. В них растут береза, дуб, осина, липа, ясень, клен, ольха, сосна и ель. В лесах водятся кабаны, лоси, лисицы, волки, белки, бобры и другие животные, всего около пятидесяти видов млекопитающих. Остальные площади занимают степи, луга и болота, причем степные участки, в основном, перепаханы. Поэтому растительный и животный мир в этих районах гораздо беднее.

Особенность климата, рельефа, растительности, отсутствие непреодолимых естественных преград, разносторонняя ориентировка речных долин (на север и на юг) играли большую роль в этнической истории края.

Природно-географические условия уже изначально определяли наш край как зону контакта различных племен и народов. Начало заселения Пензенского края относится к эпохе мезолита. В то далекое время поселения человека представляли собой кратковременные стойбища бродячих охотников. В летнее время жильем им служили шалаши, зимой – крытые шкурами сооружения из жердей, которые легко разбирались и переносились на другое место. При этом поселения находились на значительном расстоянии друг от друга, что, естественно, ограничивало контакты между людьми. Поэтому не только в мезолитическую, но и в последующие эпохи межплеменным связям отводилась очень большая роль. В небольшом коллективе очень медленно накапливались новые знания. Не случайно, племена, оказавшиеся в изоляции на долгие столетия, отстали в своем развитии (например, племена аборигенов Австралии). Стремление к контактам между племенами были закреплены в обычаях и, зачастую, приобретали ритуальное значение. Особая роль придавалась межплеменным бракам, которые способствовали активному обмену знаниями между

племенами. Но по мере развития человечества менялись и формы взаимоотношений людей.

Пензенская земля является уникальным местом. Здесь начался процесс формирования или как говорят ученые, **этногенеза мордовского народа**. Уже в I тысячелетии до н.э. предки мордвы – финноязычные племена городецкой археологической культуры населяли Волго-Окское междуречье. В это время начинает складываться мордовский язык, относящийся к финно-угорской группе, волжской подгруппе уральской языковой семьи.

На рубеже нашей эры городецкая археологическая культура «переросла» в древнемордовскую, об этом свидетельствуют Старший Селиксенский, Усть-Узинский и Ражкинский могильники (II – IV века н.э.), находящиеся в Пензенской области. Их материалы позволили проследить эволюцию специфической принадлежности женского головного убора древней мордвы – височной подвески в виде стержня, обмотанного тонкой проволокой, со спиралькой на одном конце и грузиком – на другом. Сначала она имела биконический грузик, затем – бипирамидальный, и наконец в виде капли. Это украшение у пензенской группы древней мордвы бытовало до XII века. Оно было присуще только древней мордве и у других племен не встречалось.

Во II – IV веках мордовские племена жили в условиях начинающегося разложения первобытно-общинных отношений. В то далекое от нас время племена объединяли несколько родов. Каждый род состоял из нескольких больших патриархальных семей. Род или несколько родов составляли поселение – веле. Во главе племени стоял вождь – текштяй, тюштян, тюштя (текш – верх, вершина, атя – старик), выбираемый родовыми старейшинами – покштянами (покш – большой, атя – старик). Родовой старейшина также избирался из глав патриархальных семей – кудатя (кудо – дом, атя – старик).

Археологические находки рассказывают нам о развитии на рубеже I и II тысячелетий н.э. у мордвы пашенного земледелия, ремесел и торговли, что привело к возникновению в древнемордовском обществе неравенства. Из родовых старейшин и вождей боевых дружин стала формироваться племенная знать. Археологи, исследуя то давнее время, чаще и чаще в ходе раскопок стали встречать богатые погребения воинов. О социальной структуре мордвы дает некоторое представление эпос. Так, цикл эпических песен о Тюште характеризует его как владыку мордвы. Кандидат на эту должность отличался от простых смертных тем, что он или «самый богатый на земле, самый богатый под небом», или тем, что «семью сабанами пашет, на двадцати одной лошади», или особыми достоинствами, верховным богом Шкаем (Нишке) награжден. В мифе «На восходе солнца, на вершине горы» говорится о том, что живет Тюштя в серебряных палатах, там находятся его золотые одежды, что одет он в белую рубаху под ним белый конь. Он наделяется чудесными способностями раз взглянув построить город, второй раз оглянувшись, собрать народ.

Вероятно, Тюштя был первым вождем всей мордвы, как эрзи, так и мокши. Воспоминания о нем, овеянные мифическими мотивами, до сих пор

бытуют в мордовских селах. В Керенском уезде (ныне Вадинский район) существовала легенда о смерти Тюшти: «Когда пришло время ему умереть, он задал народу вопрос: умереть ли ему перед его глазами или удалиться куда-нибудь живому и там умереть? Народное собрание на это со слезами объявило ему: «Очевидная смерть твоя будет для нас несравненно прискорбнее неизвестной твоей отлучки. После видимой смерти твоей нам не останется никакого утешения, а если ты уйдешь куда-то и умрешь там, то мы будем ожидать твоего возвращения.

Тюштя послушался народа и ушел неизвестно куда, а на память о себе оставил будто бы трубу в кустарнике близ города Керенска.

В случае непогоды, когда шумел ветер, труба эта издала звуки и мордовский народ, слыша это, с радостью говорил: «Царь наш ещё жив...»¹. «Тюштянское время» прочно закрепилось в народном сознании, до сих пор этим термином мордва обозначает древний период своей истории.

В XI веке у мордвы стали оформляться раннефеодальные, по своему характеру, государственные образования. Из русских летописей известно, что к XII веку их сложилось два, во главе мордвы-эрзи стоял Пургас, а мордвой-мокшей руководил Пуреш. Не успев оформиться и укрепнуть эти раннефеодальные государства оказались втянутыми в борьбу между двумя крупнейшими государствами Восточной Европы – Киевской Русью (а впоследствии русскими княжествами) с одной стороны, и Волжской Булгарией с другой.

Мордовские земли стали ареной ожесточенных схваток, местом ведения боевых действий, что отрицательно сказалось на их дальнейшем развитии. Старинная мокшанская легенда повествует о борьбе с русскими князьями, захватившими город Кадом, что на реке Мокше. «Битва была жестокой и кровопролитной. Многие мокшанские воины не вернулись домой. Русские князья захватили Кадом. Но мокшанские князьки часто нападали на Кадом. Постоянные их набеги заставили русских пойти на переговоры. Русский князь сказал тогда мокшанскому: «Проси, князь, что хочешь, все дадим, только прекрати войну». На что получил ответ: «Пусть Кадом твой, но я хочу, чтобы мой народ всегда был свободен и то, что он имеет сейчас: леса, поля, луга – остались за ним». И установили князья границу, которая проходила по реке Мокше. Западная сторона земель вместе с Кадомом отошла русскому князю, восточная сторона по правому берегу Мокши – мокшанскому князю»².

Борьба мордовского народа с экспансией русских и болгарских феодалов существенно ослабила государственные образования у мордвы и в значительной степени способствовала их гибели в результате монголо-татарского нашествия. Мордовские земли были включены в состав вновь созданного государства – Золотая Орда. В начале XIV века здесь строится

¹ Юрченкова Н.Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009. С. 400.

² Циркин А.В. Русско-мордовские отношения в X – XIV вв. Саранск, 1968. С. 41 – 42.

город, названный монголо-татарами Мохши, который и стал центром Северо-западного улуса. Русские же летописи называли этот город Наручадь (современное с. Наровчат Пензенской области). Его создание повлекло за собой проникновение в край монголо-татарской знати. Одними из первых здесь получили земли татарские мурзы Бахмет и Бехан. Поэтому на южной группе мордвы – мордве-мокше – более чем на эрзе сказалось влияние татарской культуры.

С распадом Золотой Орды и образованием в XV веке Казанского ханства процесс раздачи мордовских земель татарским феодалам продолжался. Это привело к укреплению русско-мордовских связей. В 1444 году совместными усилиями русской и мордовской ратей под Рязанью на реке Листани (правый приток Оки) было разбито войско татарского царевича Мустафы. Мордва также приняла активное участие в Казанском походе Ивана Грозного.

Монголо-татарское нашествие, золотоордынское иго, господство Казанского ханства оказали в целом отрицательное влияние на формирование мордовской народности, надолго задержав ее самостоятельное этническое развитие. Однако мордовский народ смог выстоять, выжить, сохранить свою самостоятельность и самобытную культуру.

Вхождение мордовских земель в состав Русского государства стало важным событием, в силу того, что был положен конец этническому разобщению мордовского народа, которое было вызвано соперничеством Москвы и Казани.

Усиленное проникновение русских на мордовские земли было связано с тем, что эти земли лежали на основном пути продвижения русских в Поволжье, природные условия которого были благоприятны для развития земледелия. Заселение сравнительно слабо освоенной в хозяйственном отношении мордовской территории русскими поселенцами, более развитыми в социальном и культурном отношении и несущими с собой новые орудия труда и методы ведения хозяйства, представляло собой, в целом, явление прогрессивное. Однако в первое время проникновение русских вызывало отход части мордовского населения на «свободные земли», обычно – в лесные районы, так как менее интенсивные формы хозяйства мордвы (подсечное земледелие, лесные промыслы) нуждались в большей по площади территории, чем хозяйства русских переселенцев. Это было одной из причин миграций мордвы, приведшей к ее дисперсному расселению по всем областям Поволжья. Другой причиной переселений мордвы был захват ее земель помещиками. По мере водворения на мордовской территории русской государственной власти и «испомещения» служилого люда земля была разделена между коренными жителями и пришлым населением на основе фактического владения. Земельные владения мордовских поселений, т.е. мордовских общин, были положены в основу «мордовских ободов»: каждому

мордовскому поселению был пожалован свой «обод», т.е. дача в определенных земельных границах¹.

В первой половине XVII века все пахотные земли были переписаны в мордовские писцовые книги и обложены посопом. Посоп представлял собой хлебный налог. Правительственные поборы с лесных промысловых угодий (бортных ухажав, звериной ловли и т.д.) сохраняли название «ясак». Помимо ясака и посопа мордовские крестьяне должны были уплачивать и другие подати и оброки: стрелецкий хлеб, ямские деньги, медвяный и куничный сбор и т.д.

Лесные промыслы хотя и продолжали играть существенную роль в хозяйстве мордвы, но доходность их быстро падала. С увеличением населения вследствие притока со стороны и естественного прироста усилилась вырубка леса под пашню и для других хозяйственных нужд, а вместе с этим начался упадок охоты и бортничества. В XVII веке большой урон лесным промыслам нанесло развитие производства поташа и смольчуга, игравших значительную роль во внешней торговле России. Из-за выгодности производства поташа бояре и помещики захватывали мордовские леса и «хищнически» вырубали их². Увеличением податей и уменьшением земельных владений мордва была поставлена в тяжелые условия, и часть ее пыталась разрешить экономические трудности путем переселения в районы, более обеспеченные земельными и лесными угодьями. Мордовское население массово покидало места проживания, переселяясь в Заволжье³. Таким образом, земельные права мордвы, установленные на основе фактического владения, никем не охранялись.

При неопределенности межевых знаков, воеводском произволе и поголовном взяточничестве приказные, обходя указания межевых книг, отписывали мордовские земли русским помещикам и служилым людям. Незаконный захват земель принял такие размеры, что центральные власти вынуждены были издавать специальные указы, осуждавшие подобные захваты и «утеснения». В частности, в XVIII веке губернаторам предписывалось найти способных офицеров, которые до размежевания измерили бы владения мордвы и в случае споров с землемерами «поступали по справедливости»⁴. По мере овладения мордвой новыми формами хозяйства, в частности – трехпольной системой земледелия, ее миграции стали определяться теми же причинами, что и миграции русского населения. Переселения мордвы облегчались тем, что лишь небольшая часть ее попала в крепостную зависимость (в 1859 г., т.е. накануне отмены крепостного права, в крепостной зависимости находилось лишь около 10 % мордовского крестьянства).

¹ См.: Любимов А.Е. Краткий исторический очерк мордовского народа // Мордовское население Пензенской губернии, его прошлое и настоящее. Пенза, 1927. С. 18 – 19.

² См.: Очерки истории Мордовской АССР: в 2-х ч. Саранск, 1955, Ч. 1. С.114.

³ Мордва Заволжья. Саранск, 1994. С. 11.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ). СПб., 1830. Т. 15. С. 771.

Влияние на миграции некоторых групп мордвы в удаленные малозаселенные районы оказывало, вероятно, и само соприкосновение их с русскими как инородным этническим образованием, вторгавшимся в традиционные нормы жизни мордвы. Это особенно четко проявилось при проведении обязательной христианизации мордвы (она была закончена в основном лишь к середине XVIII века). Несмотря на некоторые экономические льготы, предоставлявшиеся крестившимся, многие группы мордвы старались уклониться от крещения разными путями, вплоть до переселения в другие районы. По конечным результатам христианизация мордвы имела более позитивное, чем негативное значение для мордвы: в условиях, когда православная церковь считалась государственной, принятие его означало социально-правовое уравнивание мордвы с русским населением, способствовало развитию между ними различного рода контактов, привлечению части мордвы на более престижную и сравнительно обеспеченную государственную службу и т.д.

Под давлением русского населения мордва-эрзя начинает переселяться в верховья рек Суры, Мокши и Цны. В результате миграций эрзян на юг отдельные их группы соприкоснулись с мокшанами. В миграциях населения феодального периода участвовали главным образом южные группы мокши. С.К. Кузнецов писал: «К XVI в., а особенно с 1621 г., когда на реке Цне основан был Мамонтов монастырь, мордва стала покидать южные пределы своей территории, отступать на восток и север, так что в первой четверти XVII в. на реке Цне удержались только остатки бывшего мордовского населения. Та же участь постигла соседний Керенский уезд»¹.

Отдельные группы мордвы-мокши, обитавшие в юго-западной части коренного района ее расселения, не отступили «на восток и север», где сосредоточилась основная масса мокши, а приняли участие в колонизационном движении на юг. Результатом этого стало образование групп мордовских поселений в лесистой долине р. Вороны, к западу от г. Чембара, и в долине р. Хопра, к северу от г. Балашова, т.е. в тех районах, лесными угодьями которых цнинская мордва-мокша пользовалась ранее. Некоторые группы мокши, переселявшейся на юго-восток, несомненно, проникали в пределы саратовского края, лесные угодья которого мокша освоила еще в древности, однако численность эрзянских переселенцев в те районы была значительно больше, и мокшане были вынуждены уступить им часть своих владений. Об этом процессе свидетельствовали материалы писцовой книги Д. Пушечникова, анализируемые саратовским краеведом А.А. Гераклитовым в статье «К вопросу о границе между мокшей и эрзей в начале XVII в.». Д. Пушечников описал четырнадцать бортных ухажав, расположенных в северной части саратовского края (большая их часть ныне входит в состав Пензенской области – авт.), и указал, что этими ухажаями

¹ Кузнецов С.К. Русская историческая география. Мордва. М., 1910. С. 42.

владели совместно эрзяне и мокшане, причем мокшане владели ими «по старине», а эрзяне были сравнительно недавними пришельцами¹.

Имеется довольно много документов конца XVII – начала XVIII века об отводе мордве земельных угодий в Пензенском крае. Приведем один из указов, в котором довольно-таки подробно отражены причины переселения мордвы со старых мест жительства. Указ адресован петровскому воеводе Карту и датирован октябрем 1703 года. В нем говорится об отводе земли мордве деревни Захаркино: «...били челом – Великому Государю, Пензенского уезду деревни Захаркиной мордва Савва Алфимов с товарищи: прошлых годов сошли они из Алаторского уезда в Пензенской уезд в деревню Захаркину, а пашни и сенных покосов у них нет и кормиться им нечем, а есть новопостроенного города Петровского в округе за раздачею и за устройением служилых людей порожжая нераспаханная земля многая», об отводе которой они и просили. «...а в Алаторском уезде, – сообщается далее, – жили они, мордва, в тягле, а земли под ними было малое число и на той-де земле жить им было и тягла платить нечем, а те тягла платят с той алаторской земли всякие родственники их, которые ныне живут на той земле, сполна...»².

В 1769 г. выборные сел Чумаево и Пылково представили в Сенат по спору с помещиками села Лопатино Петровского уезда владенную выпись 1693 года, из которой видно, что «в тех урочищах в верховом вотчинном ухोजье владеют они по старинным дедовским и отцовским крепостям». В челобитье, датированном октябрем 1689 года, мордвин деревни Селикса Пиксанка Несмеянов указывал, что «владеет он дедовскою и отцовскою вотчиною верховым ухожьем в Пензенском уезде»³. Документы, выдержки из которых были нами приведены, показывают, что в конце XVII века эти земли уже эксплуатировалась мордвой в виде так называемых ухожаяев. Но указания на «старинные вотчины», на «дедовские и отцовские крепости» не давали никаких хронологических дат, с какого времени мордва получила права на ухожай.

В большинстве случаев мордовские ухожай носили наименование бортных. Тем самым как бы указывалось, что доходы извлекались из продуктов пчеловодства – меда и воска. Вероятность такого предположения подтверждалась и тем, что мед и воск имели довольно высокую рыночную стоимость и обеспеченный сбыт. Бортничество, являясь одним из видов примитивного пчеловодства, предполагало занятие им только в течение теплого времени года. В архивных материалах имеются некоторые косвенные указания на то, что и зимой ухожай не оставались совсем покинутыми их хозяевами. В документе об отказе земли мордве села Старое

¹ См.: Козлов В.И. Расселение мордвы-эрзи и мокши // Советская этнография. 1958. № 2. С. 49 – 50.

² Минх А.Н. Дело мордвы селений Захаркина и Славкина Петровского уезда о земле 1703 – 1798 годов // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1898. Вып. 24. Отд. 1. С. 103 – 104.

³ Гераклитов А.А. Саратовская мордва (К истории мордовской колонизации в Саратовском крае). Саратов, 1926. С. 4.

Славкино Петровского уезда в перечне урочищ, ограничивавших отводимую дачу, наряду с речками, сыртами, дубравами и т.д., встречается «зимница» – «а от того дуба до Мотшинской старой тропы и до зимницы». В цитированной выше отказной книге 1693 года мордве сел Чумаева и Пылкова упоминалась в числе межевых признаков Найманская зимница. Наличие многочисленных зимниц говорит о том, что помимо бортничества мордва в своих ухажаях занималась промыслами и зимой.

В документах конца XVII века имеются сведения, касающиеся отвода мордве угодий «в посоп и оброк на пашню земли». Например, в сенатском производстве сохранилась жалоба помещика села Безводного Петровского уезда Зыкова о землях села Захаркино и деревни Усть-Уза-Мурза. Одной из сторон была представлена в суд копия выписки из отказной книги, из которой видно, что «в октябре 194 г. (1686 г.) подъячий пензенской приказной избы Павел Валяев отказал в Пензенском уезде за Валом на Суре реке мордве Алатырского уезда деревни Верхних Веденских Захарке Челпанову... (следует перечень имен – авт.) с братиею и с товарищи в посоп и в оброк на пашню земли... в урочищах: почин от межи поместной земли саранских и темниковских мурз и татар (теперь с. Усть-Уза Шемышейского района)... от устья реки Везнянги вверх идучи реки Узы правая сторона до черного леса через речку Мортку идучи суходолом до вершины, а от вершин по речке Нянге... Через Няngu к реке Кундлее и через перелесок по липягам до Лемзяевского леса и подле леса... до Вежнянгинской вершины, что вышла из Сурского большого леса и, от Узинские большие дороги... до р. Вежнянги и вниз правая сторона до р. Узы до первого почина... А по хоромной и дровяной лес ездить им мордве... в Сурский большой лес и в липяги около своей земли»¹.

При Генеральном межевании в этой округе за мордвой числилось более 17 тыс. десятин. Причем мордва оказывалась в невыгодном положении по сравнению с соседями, так как по старым крепостям земли отводились им не четвертями, а по урочищам. В угодьях, отведенных в 194 г. (1686 г.) Челпанову «с товарищи», располагались мордовские селения Старое Демкино, Старое Захаркино, Старое Назимкино, Наумкино, Чиндясы и Мордовская Норка. В межах, ограничивавших отказ Алешке Авресеву в июне 197 г. (1689 г.), стоят Мачкасы и Азрапино на Узе. Пылково, Чумаево, Кулясово, Мамадыши и Алексеевка возникли на земле, отказанной 5 октября 198 г. (1690 г.) Бочарке Козаеву «с товарищи». На земле Кивушки Дюнаева в 198 г. (1690 г.) – Дубровки и Коржиман².

Приведенные данные свидетельствуют о том, с какого времени мордва получила в свое владение земли, где проживала. Но точное время основания этих сел и деревень не указывалось. Можно лишь отметить, что дата отказа не являлась вместе с тем и датой основания на отказанной даче селения. Так, при отказе мордве деревни Мачкасы Саранского уезда в июне 197 г. (1689 г.)

¹ Гераклитов А.А. Саратовская мордва... С. 9.

² Там же. С. 17.

в качестве сторонних людей фигурируют мордва деревни Няньги Пензенского уезда. Под Няньгой подразумевалось село Старое Захаркино, возникшее в дачах, отведенных Челпанову в 194 году (1686 г.). Принимая во внимание время составления цитируемого документа, оно могло образоваться не позднее 196 году (1688 г.). Мордовские деревни Нижний Колдаис, Мачим, Наскафтым и Дубровки упоминаются как существующие в деле, возникшем по челобитию новокрещен деревни Кажлатки, просивших в декабре 1692 года об отводе им угодий, которые были отказаны мордве перечисленных деревень в 1687 году.

До 1700 года кроме перечисленных выше селений в документах упоминались Калмантай, Усть-Уза-Мурза (до 1700 г.), Камешкир (до 1701 г.), Каржиман, Мачкасы, Азрапино (1689 – 1690 г.), Тургаково (до 1693 г.), Калдаис (до 1696 г.), Армеево Верхнее и Нижнее (до 1697 г.), Тургаково-Верхний Калдаис, Сыресево-Верхний Калдаис (до 1693 г.), Наумкино и Чиндяскино (до 1701 г.)¹. Данный список является далеко не полным, а расселение мордвы произошло еще в XVIII столетии, одновременно с отводом ей земли в посоп и оброк. С этим моментом совпадает и возникновение постоянных мордовских поселений. Например, основателями Старого Назимкина, Старого Захаркина, Демкина, Наумкина, Чиндяс и Мордовской Норки были выходцы из деревни Верхние Веденские Алатырского уезда. В 1703 году по челобитной жителей деревень Демкино, Захаркино и Назимкино земля, отведенная первоначнику Челпанову «с товарищи», была отмежевана от соседних владельцев, причем в документе кроме известных первоначников названа мордва Напольного и Лесного Волон, которая переведена в те деревни Осташке Тястяшеву «с товарищи» по полюбовному их мордовскому от прежних жителей Новьясской мордвы договору Верхние Введенские». Здесь речь идет о современных селах Большой и Лесной Вьясы Лунинского района. Еще во второй половине XVII века здесь проживало мордовское население и лишь в начале XVIII века, принадлежавшие им земли, были отданы во владение графу Головину². Упоминание о «новьясской мордве» показывает, что и раньше в Демкине, Захаркине и Назимкине были выселенцы из тех же Вьясов.

Селения Дубровки и Каржиман Петровского уезда образованы выходцами из Кержемана Ардатовского уезда. Поселения Мачкасы и Азрапино на Узе получили первых насельников из деревни Мачкасы, которые нужно искать в пределах Городищенского уезда по течению реки Мичкас. Первоначальное население Чумаева, Пылкова, Кулясова, Мамадышей и Алексеевки вышло из деревни Старые Мамадыши Саранского уезда. В Верхнюю и Нижнюю Дубровки, обе Яксарки, Наскафтым, Сучкино, Арапино, Старый Мачим, Пиксанкино и Армеево часть населения

¹ Гераклитов А.А. Саратовская мордва... С. 18.

² Хвощев А.Л. Очерки истории Пензенского края. Пенза, 1922. С. 69, 95.

переселилась из деревни Селикса Пензенского уезда¹ (ныне с. Кижеватово Бессоновского района).

Основная масса мордвы была причислена правительством к ясачным людям, которые по указу 1719 года включались в разряд государственных крестьян. Ясачное крестьянство было уравнено в правах с русскими государственными крестьянами. Лишь небольшая часть мордовского населения приписывалась к монастырям, винокурным, красильным, поташным, железоделательным и другим заводам. Как уже отмечалось выше, крепостных из мордовских крестьян было очень мало. Однако социально-правовая и экономическая политика российского правительства очень часто обосновывалась религиозными мотивами. Например, мордовские феодалы, приняв православие, вливались в господствующий класс Русского государства. Многие из них стали основателями русских дворянских фамилий. Так, от мордовского мурзы (мурза – феодальный титул нерусских народов Поволжья) Ратмана Мордвинова пошел род Мордвиновых, включенный в родословные книги Пензенской, Самарской, Тамбовской, Казанской, Тульской губерний. Кроме того, правительство проводило политику насильственной христианизации местного населения. Это вызывало с их стороны сопротивление, которое выражалось, преимущественно, в уходе с насиженных мест.

Тесный контакт с русскими приводил к естественному восприятию народами Пензенского края русской культуры. Но в условиях феодализма, при господстве натурального хозяйства, замкнутости отдельных районов и слабых экономических связях, этот процесс шел медленно. В период капитализма он ускоряется. Развитие товарных отношений в деревне способствовало образованию постоянных рынков, что укрепляло связи между отдельными регионами. Развитие промышленности вовлекло в сферу производства не только русских, но и нерусских предпринимателей. Происходило перемещение населения как внутри Пензенской губернии, так и за ее пределы. Если в предшествующий период многонациональные деревни в нашем крае были единичны, то в конце XIX – начале XX века их число возрастает. Разорявшиеся общинники были не в состоянии платить подати, поэтому они отказывались от части земли или от своего надела. Община, связанная круговой порукой, вынуждена была пускать на эти земли пришлых крестьян, переселенцев из других мест. Обычно такими переселенцами были русские. В деревнях со смешанным населением нерусские народы быстрее овладевали русским языком и русской культурой.

Одновременно на базе просветительской работы шел процесс формирования национального самосознания. Кроме того, в условиях ожесточенной борьбы за рынки сбыта сталкивались интересы предпринимателей всех национальностей. Старый уклад жизни в данном случае являлся помехой в формировании национальной буржуазии у мордвы.

¹ Гераклитов А.А. Саратовская мордва... С. 20.

Формирование мордовской нации ускорилось после Октябрьской революции 1917 года. Это было связано с ликвидацией экономической, политической и культурной дискриминации мордовского народа, его активным участием в создании нового общества и мордовской государственности: в 1928 году в рамках Средне-Волжской области создается Мордовский округ, в 1930 году Мордовская автономная область, в 1934 году как самостоятельная административно-территориальная единица - Мордовская автономная советская социалистическая республика, которая в 1994 году преобразована в Республику Мордовия.

Вы, наверное, обратили внимание, мы говорим о границах Пензенского **края**, а не Пензенской **области**. Давайте разберемся, чем одно понятие отличается от другого. Понятие «край» географически шире понятия «область». Это, прежде всего, связано с административными границами. Другими словами Пензенский край представляет собой совокупность **административно-территориальных единиц, когда-либо возглавляемых Пензой**. Современные границы Пензенская область получила относительно недавно, в 1939 году, а вот границы края начали формироваться с появлением здесь первых государств. В этом отношении наш край уникален. В стране, пожалуй, нет больше таких мест, которые бы входили в состав пяти государств, последовательно сменявших друг друга: Волжская Булгария, княжество Пуреша, Золотая Орда, Казанское ханство и Россия.

Волжская Булгария – государство, которое создали в X веке тюркоязычные булгарские племена. С XI века Восточная часть Пензенского края, по-видимому, попала в сферу влияния этого государства. По мнению археологов, булгарами здесь был построен город, древнее название которого утеряно историей. Нам с вами он известен уже под русским именем – Городище. Однако его древнейшую часть археологи называют – Юловское городище, поэтому в литературе это название и закрепилось за средневековым городом. Волжская Булгария оказала огромное влияние на хозяйство, быт и культуру народов нашего края.

Как уже говорилось выше, первым раннефеодальным государством, которое начало зарождаться в XII веке непосредственно на территории Пензенского края стало Пурешево княжество. В результате монголо-татарского нашествия оно перестало существовать.

В Поволжье монголо-татары создали новое государство – Золотую Орду. Наш край вошел в состав этого государства. Золотая Орда делилась на крупные административно-территориальные единицы – улусы. Северо-Западный или Мордовский улус включал земли Пензенского края. В XV веке Золотая Орда, раздираемая внутренними противоречиями и пандемией чумы, окончательно пришла в упадок и распалась на ряд ханств. Часть пензенских земель вошла в состав Казанского ханства. В 1552 году в результате военного похода Ивана IV Грозного Казанское ханство пало. Пензенский край постепенно начинает включаться в состав России. Этот процесс становится более интенсивным в XVII веке, потому что в это время русское государство здесь начинает строительство оборонительных черт, которые состояли из

засек (то есть завалов из подрубленных деревьев в лесах) и полевых укреплений (земляных валов и рвов), городков, сторожевых башен, частоколов, острогов и крепостей. В Русском государстве того времени принято делить территорию страны на уезды и станы. В XVII веке Пензенский край был разделен на шесть уездов: Инсарский, Керенский, Краснослободский, Нижнеломовский, Пензенский и Саранский.

В 1708 году в России создаются первые губернии. Территория нашего края была разделена между Казанской и Азовской губерниями. В 1719 году создается Пензенская провинция, а в 1780 году – наместничество, которые входили в Казанскую губернию. В 1796 году наместничество было упразднено и образована Пензенская губерния. Правда, уже через три месяца, в марте 1797 года она была ликвидирована, ее территория разделена между Саратовской, Тамбовской, Нижегородской и Симбирской губерниями. 9 сентября 1801 года Пензенская губерния была вновь восстановлена в составе десяти уездов: Пензенского, Нижнеломовского, Керенского, Наровчатского, Краснослободского, Инсарского, Чембарского, Мокшанского, Городищенского и Саранского. В таких границах она просуществовала до 1923 года, когда в состав Пензенской губернии был включен Спасский уезд Тамбовской губернии.

В 1928 году Пензенская губерния была ликвидирована, а ее территория включена в состав вновь созданной Средне-Волжской области. С этого времени страна перестала делиться на губернии, уезды и волости, а вместо этого вводятся области, округа и районы. Правда, округа просуществовали только до 1930 года. Пензенскую губернию разделили на четыре округа (района): Кузнецкий, Пензенский, Мордовский и Сызранский. В 1937 году большая часть территорий Пензенского края переходит в Тамбовскую область, а в феврале 1939 года была образована Пензенская область из выделенных территорий Тамбовской, Куйбышевской и Саратовской областей. В таких границах наша область существует и сегодня.

Каждый из этносов-народов имеет наглядный и вместе с тем обязательный внешний признак – собственное имя, **этноним**. Изучением собственных имен занимается специальная наука – ономастика (буквально с греческого – имя), которая является частью науки о языке – лингвистики. В свою очередь ономастика делится на множество разделов, связанных с разными категориями собственных имен. Географические названия (топонимы) изучает топонимика, личные имена (антропонимы) – антропонимика и т.д. Нас же интересует этнонимика, которая изучает названия родов, племен, племенных союзов, народностей, наций, а также связанные с этими данными некоторые наименования областей, земель и стран. Названия народов, в свою очередь, могут делиться на самоназвания и иноназвания. Дело в том, что самоназвание народа часто отличается от того, как этот народ называют его близкие и далекие соседи. Например, этнос, называющий себя «дойч», по-русски именуется «немцы», по-французски – «аллеман», по-английски – «джемен», по-итальянски – «тедеско», по-фински – «саксалайнен», по-сербски – «шваб» и т.д.

Мы же поговорим о происхождении названия «мордва». Оно является иноназванием народа. Впервые этноним встречается в сочинении византийского епископа Иордана «О происхождении и деяниях готы» (VI в. нашей эры.). Основу этого слова составляют ирано-скифские языки. Оно переводится как «мужчина». В русском слове мордва частица «ва» носит оттенок собирательности. Его можно сопоставить с этнонимом литва. Название служит общим наименованием народа, который делится на две основные группы (субэтноты): мордву-мокшу и мордву-эрзя, причем этнонимы «эрзя» и «мокша» являются самоназваниями. Одно из самых ранних письменных известий об этнониме эрзя (арису) относится к X веку, а мокша – к XIII веку. Этноним эрзя, вероятно, ведет свое происхождение от иранских языков и означает – мужчина, герой, а мокша – связан с рекой Мокшей, название которой в переводе с санскрита (литературный язык древней и средневековой Индии) обозначает проливание, утеkanie, освобождение. По этнонимам мордва и мокша в средние века назывался и наш край. У авторов того времени встречается страна «Мордия» или «Мокшия».

К наиболее древним **мордовским названиям** на территории края относятся гидронимы, т.е. собственные имена естественного водного объекта. Здесь мы обратимся к известному пензенскому краеведу М.С. Полубоярову. В частности, он пишет: «Индикаторами (в мордовских гидронимах – авт.) являются термины лей (ляй), эрьке, латко, шяй (чей), которые переводятся соответственно река, озеро, овраг, болото. Все они тяготеют к лесам... Связь таких гидронимов с мордовским автохтонным населением бесспорна. По нашим подсчетам, в Верхнем Посурье, включая бассейны Инзы, Узы и Кадады, протекает 90 рек, речек и ручьев, имеющих топооснову лей/ляй. В Верхнем Примокшанье, включая иссинский, ломовский и атмисский ареалы, насчитывается 21 аналогичный гидроним, на Выше и Ваде – 12. В лесостепном воронско-чембарском бассейне таковых – 6.

К числу древнемордовских относится ойконим (собственное имя населенного пункта – авт.) Наровчат (в 14 в. – Наручат). Его компоненты восходят к термину нар («поле, степь»), -ов – показатель прилагательного, чат (от мокша-мордовского шяйт – «болота»): «степные, полевые болота», что соответствует характеру местности. Вероятность данной этимологии подкрепляют гидронимы Нор-Ломовка, верховья которой находятся в наровчатской стороне, и Нару-Тамбов в соседней Тамбовской области как антоним Лесного Тамбова.

Мордовские корни также и у распространенных в Среднем Поволжье гидронимов, оканчивающихся на -га, -ма, -им (примеры: Няньга, Пелетьма, Поим и другие). 40 – 50 лет назад существовало мнение о большей древности речных имен с окончанием -га, восходящих якобы к финно-угорскому йокка – «река». В 1980-е годы Е.М. Поспелов и некоторые другие ученые высказали сомнение по поводу столь широкого распространения данного топоформанта. Действительно, пензенские гидронимы Вирга, Ноксазга,

Няньга и десяток других, по нашему убеждению, не имеют ничего общего с именами крупных рек Русского Севера, как Ветлуга, Молога, Онега, Пинега. Под Пензой топонимы на -га – сплошь малые речки. Самая крупная – узинская Няньга, ее длина 67 км. Малость этих речек позволяет говорить об относительной молодости гидронимов данного класса.

По нашему мнению, в Среднем Поволжье топоформант -га является грамматическим показателем пролатива – переместительного падежа в мордовском языке, употребляемым после согласного, передающим смысл передвижения по чему-либо: по лесу (Вирга), тропе (Няньга), сосняку или Сосновке (Пичинга). Вдоль рек пролегали тропы промысловиков. Одна из них из Поузинья на Хопер прослеживается благодаря топонимам Няньга, Мокшанская тропа, Саполга, Мордовская стёжка. Еще одним доказательством принадлежности форманта к пролативу является его привязка к звонкому согласному. Пролатив встречается и в гидрониме Ива, но в виде -ва, так как стоит после гласного, как и положено в мордовских языках.

Не исключено, что мордовские и окончания -им, -ым (Илим, Качим, Поим, Ручим, Чертеим). Первые принадлежат речкам длиной от 49 (Поим) до 8 – 11 км (Ручим, Мачим). Очевидно, -им – топоформант, выполняющий словообразовательную функцию, имеющий уменьшительный смысл наподобие русского -овка, -евка, -ец. Правда, настораживает то, что гидронимы данного топонимного ряда полностью отсутствуют на исторически эрзя-мордовских территориях Нижегородчины. Если им/ым не эрзя-мордовский индикатор, может быть он тюркский, мокша-мордовский, буртасский? Вопрос остается открытым. Точный ответ можно будет дать после изучения ареала распространения топоформанта за пределами Пензенской области. Правда, здесь, как и в случае с -га, важно не переусердствовать и не искать -им где-нибудь в Восточной Сибири (Витим и пр.), где возможны иные способы образования топонима. Больше уверенности в мордовских корнях окончания -ма. В Нижегородской области он весьма продуктивен: на него оканчиваются, по нашим подсчетам, около тридцати гидронимов, не считая повторений в названиях населенных мест. Значит, он финно-угорский, поскольку нижегородская земля, как и пензенская, – колыбель древней мордвы. В Пензенской области топоформант представлен не так широко, всего в семи случаях – в названиях речек протяженностью от 5 до 36 км: Кельма, Лосьма, Нарма, Оторма, Пачелма, Пелетьма, Сеитьма. В чувашском языке суффиксы -ма, -мэ образуют имена существительные от глаголов, однако носители чувашского языка, булгары, никогда не жили на территории Нижегородской области. Значит, чувашская версия отпадает. А вот в современном мордовском топоформант фигурирует в числе часто повторяющихся в существительных, образованных от глаголов, и это один из суффиксов имен прилагательного.

Как мы полагаем, в древнемордовском топоформант -ма семантически был синонимом русского суффикса -чино/-щино. Сравните названия некоторых сел: Графщино, Генеральщина, Царевщина... Словом, в эпоху

развитых феодальных отношений аффикс -щино с его принадлежностной семантикой наверняка был широко распространен не только у русских. В пользу того, что пензенские и нижегородские гидронимы на -ма – мордовского происхождения, говорит не только ареал распространения, но и этимология корневой части. Она неплохо расшифровывается на материале мордовской лексики: Лосьма – от слова локсей – «лебедь», Нарма – от нар («поле»), Пелетьма (пелеть – «участки, деланки, доли»), Потма (потавкс – «уступка, попятка»), Сеитьма (сеид – аристократический титул у мусульман) – «Сеидовщина». В гибридном топониме Пачелма основа – кипчакская, от пашалы, пашалыма < пашелма - «царское», «Царевщино». В топонимической литературе распространено мнение, что термин -ма – древнемордовский («земля»). Но для этого надо доказать недавнее происхождение нынешних его аналогов мода и мастор. Поскольку -ма попадает в топонимии как элемент оформления топооснов и мордвой никак не переводится. В одних случаях -ма может соответствовать термину «земля», в других – грамматическому суффиксу.

Служебную грамматическую функцию выполняет и окончание -да (Арчада, Кадада, Кевда, Кельда, Керенда, Шуварда). Это показатель местного падежа в татарском языке, означающий: «в Арче», «в Каде»... За исключением Кадады (139 км), топоформант привязан к именам малых рек: длина Кевды – 60, Арчады – 50, Керенды / Керенки – 30, Шуварды – 25 км. Иногда к мордовскому га «приклеивалось» татарское -да. Так, в документах 17 века чисто мордовский гидроним Вирга был дополнен татарским локативом: Виргада. В многонациональном пензенском котле каждый народ варил пищу по собственному вкусу»¹.

В течение многих веков учет **численности населения** России не проводился. В XVI – XVII веках, времени вхождения Пензенского края в состав России, население учитывалось лишь в писцовых описаниях и переписных книгах. Их составляли для того, чтобы определить размер налогов, которые необходимо было взимать с населения. Поэтому точных данных о населении нашего края не существовало. В начале XVIII века положение изменилось. Началась подушная перепись населения, что потребовало новой формы учета – ревизий, то есть всеобщих проверок, подаваемых списков («сказок») о числе налогоплательщиков в каждом населенном пункте. Ревизии в России проводились с первой четверти XVIII века и до 60-х годов XIX столетия. Всего в России было проведено 10 ревизий (1719, 1745, 1763, 1782, 1795, 1811, 1815, 1834, 1850 и 1858 годах). Они дали нам первые достоверные сведения о численности, размещении и составе населения Пензенского края. Так, по данным первой ревизии общая численность населения Пензенской провинции равнялась 434,9 тысячам человек. Русские составляли подавляющее большинство населения провинции – 80,6% (от общей численности населения провинции); мордва –

¹ Полубояров М.С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. М., 2010. С. 31 – 34.

10,2%; татары – немногим более 2%. Причем русские преобладали во всех уездах Пензенской провинции, наибольшее количество мордвы проживало в Инсарском, Керенском и Наровчатском уездах, татары в небольшом числе рассеялись по многим уездам, но больше всего их было в Пензенском, Саранском и Верхнеломовском уездах. В конце XVIII века (по данным четвертой ревизии) в Пензенском наместничестве уже проживало 545,6 тысяч человек. Русские продолжали оставаться самым многочисленным населением наместничества. Однако происходит некоторое снижение их доли в общей численности населения, при увеличении численности мордвы. Но уже в 1790-х годах картина начинает меняться, так как часть мордовского населения переселяется в Саратовскую губернию. По той же причине снижается численность татарского населения.

В начале XIX века, как и прежде неуклонно шло общее увеличение численности населения Пензенской губернии, по данным шестой ревизии оно насчитывало 862,5 тысяч человек.

Во второй половине XIX века на смену ревизиям приходит текущий административно-полицейский учет, который определял численность и состав населения России. Всего подобных общероссийских исчислений населения было проведено шесть. Наиболее полные данные конца XIX века дает «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года». Согласно «Переписи» общая численность населения Пензенской губернии равнялась 1 млн. 470,4 тысячам человек. По сравнению с 1811 годом оно увеличилось на 41%. Бок о бок с русским народом, самым многочисленным – 1 млн. 204,5 тысячи человек (81,9%), здесь проживали мордва – 187,8 тысяч человек (12,8%), татары – 58,5 тысяч человек (4%), мещера – 16,7 тысяч человек (1,1%), поляки – 902 человека (0,06%), немцы – 654 человека (0,04%), евреи – 483 человека (0,03%). Русские проживали во всех уездах и городах губернии. Мордва же наиболее компактно рассеялась в Краснослободском, Инсарском, Наровчатском, Городищенском, Чембарском и Саранском уездах; татары – в Краснослободском, Инсарском, Саранском, Керенском, Чембарском и Городищенском уездах; мещера – Керенском, Н.Ломовском, Пензенском и Чембарском уездах; поляки, немцы и евреи в основном жили в городе Пензе.

По данным на 1912 год в Пензенской губернии уже проживало 1 млн. 859,9 тысяч человек, то есть за пятнадцать лет население увеличилось на 21%. Для губернии конца XIX – начала XX века характерен довольно высокий естественный прирост населения (16%).

Основную массу населения Пензенской губернии составляли сельские жители. По «Переписи» 1897 года горожане составляли не многим более 11% населения губернии. В среднем по России эта цифра равнялась 14,4%. Самым крупным городом губернии являлась Пенза. Здесь проживало 60 тысяч человек. Причем население города постоянно росло, так с 1811 года по 1914 год оно увеличилось в 5,3 раза.

Для характеристики динамики численности населения Пензенского края после 1917 года имеется немало статистических материалов. В первую

очередь, это данные десяти переписей (последняя была проведена в 2010 году). В отличие от предыдущего периода наблюдается непрерывное падение численности населения края. Это явилось результатом прямых потерь в годы гражданской и Великой Отечественной войн, эпидемий тифа и испанки, голода, репрессий, миграции населения за пределы региона и страны. По данным на 1925 год доля мордвы в Пензенской губернии в общей численности населения восьми уездов составляла: в Краснослободском – 31,7%, Городищенском – 30,3, Рузаевском – 27,2, Беднодемьяновском – 24,1, Саранском – 17,2, Чембарском – 6,4, Пензенском – 3,8 и Нижнеломовском – 2,1 %¹. По переписи 1926 года численность населения Пензенской губернии составляла 2 млн. 208 тысяч человек, а к 1939 году она уменьшилась до 1 млн. 649 тысяч человек; с 1939 по 1959 год – до 1 млн. 508 тысяч человек; с 1959 по 1979 год – до 1 млн. 503 тысячи человек; с 1979 по 1989 год – 1 млн. 505 тысяч человек. По данным на 2002 год в области уже проживает 1 млн. 453 тысяч человек и численность населения продолжает падать.

Этнический состав населения Пензенского края и его изменения лучше всего прослеживаются по таблице.

Этнический состав населения (в %).
(данные переписи 1926 года даны по Пензенской губернии, по остальным переписям – по Пензенской области).

Годы Националь- Ность	1926	1939	1959	1979	1989
Русские	75,2	86,8	87,0	86,5	86,2
Мордва	18,7	7,8	7,3	6,3	5,7
Татары	3,9	3,9	4,1	5,2	5,4
Мещера	1,9	–	–	–	–
Чуваши	–	0,4	0,4	0,5	0,5
Украинцы	–	0,6	0,7	0,8	1
Белорусы	–	–	0,1	0,17	0,2
Евреи	–	0,1	0,2	0,15	0,1
Другие					
Национально	0,3	0,4	0,2	0,46	0,9
сти	100	100	100	100	100
Все					
население					

Как мы видим изменения в национальном составе произошли между 1926 и 1939 годами. В это время резко снижается процент мордовского населения. Это, прежде всего, связано с ликвидацией Пензенской губернии и созданием Мордовского округа, области, а затем республики. В новое

¹ Разживин В.Ф., Широкова И.В. Народ Мордовии: социокультурная динамика (первая четверть XX – начало XXI столетия). Саранск. 2007. С. 12.

национально-государственное образование из состава Пензенской губернии отошли три уезда (Краснослободский, Саранский, Рузаевский) с большим количеством мордовского населения. С созданием Пензенской области эти районы в ее состав уже не были включены, а присоединяются районы из Тамбовской, Куйбышевской и Саратовской областей, в которых, в основном, проживали русские. В дальнейшем уже мы не наблюдаем таких резких изменений в национальном составе населения Пензенской области.

Пензенский край в довоенный период по темпам роста городского населения значительно уступал другим районам страны. Да это и понятно, начатая в конце 1920-х годов в СССР индустриализация не была здесь такой интенсивной. Но картина начинает изменяться в послевоенный период, потому что в нашу область было эвакуировано большое количество фабрик и заводов из промышленных районов страны, которым были нужны рабочие руки. В это время в области начинается интенсивный процесс урбанизации. Его источниками являлись: миграция людей из села в город, естественный прирост населения и преобразование сельских поселений в городские. Если в 1939 году доля городского населения составляла только 17,1% (от общей численности населения области), то в 2002 году – 65,1%, то есть городское население стало преобладать над сельским. Крупнейшим городом, по-прежнему, оставалась Пенза. За послевоенный период к городским поселениям области добавилось четыре города – Каменка, Сурск, Никольск, Заречный и десять поселков городского типа.

В настоящее время в Пензенской области 11 городов, 16 поселков городского типа и более 1800 сельских населенных пунктов.

Современный этнический состав населения Пензенской области весьма разнообразен. Сегодня в здесь проживают представители 74 национальностей. Русские являются преобладающим населением области, они составляют 86,4% (от общей численности населения области), вторым по численности населением являются татары – 6%, далее идет мордва – 4,9%. Остальные национальности – чувашаи, украинцы, белорусы, евреи и другие не превышают одного процента каждая. Причем наблюдается небольшое повышение доли русского населения, что связано с переездом на территорию области русских из стран СНГ. Значительное снижение удельного веса мордовского населения происходит за счет его миграции за пределы области и частичной ассимиляции. Уменьшение удельного веса мордвы происходит при снижении их численности (с 1989 по 2002 год с 86,4 до 70,7 тысяч человек). При этом наблюдается рост татарского населения области (с 1989 по 2002 год с 81,3 до 86,8 тысяч человек). Это связано, на наш взгляд, с тем, что рождаемость у татарского населения не снизилась, в отличие от русских и мордвы.

В большинстве районов области преобладают русские. Наибольший их удельный вес наблюдается в группе северо-западных (Мокшанский, Нижнеломовский, Вадинский, Беднодемьяновский, Лунинский, Иссинский, Наровчатский), западных (Башмаковский, Земетчинский) и юго-западных (Тамалинский, Сердобский, Колышлейский, Бековский) районах, тогда как

большинство татарского населения проживает на востоке области, лишь в одном – Неверкинском – районе оно преобладает. По переписи 2002 года больше всего **мордвы проживает** в городе Пензе – 11997 чел.; в Шемышейском районе – 9846 чел.; Сосновоборском – 5852 чел.; Бессоновском – 5288 чел.; Никольском – 4517 чел.; Пензенском – 4407 чел.; Камешкирском – 4264 чел.; Белинском – 3910 чел.; Городищенском – 3115 чел.; Лопатинском – 2377 чел.; Малосердобинском – 1180 чел. и Мокшанском районе – 1163 чел.

Религиозный состав Пензенской области также весьма разнообразен. Однако подавляющее большинство верующих в области являются православными. Сохранились в области и старообрядцы. Однако здесь живут и представители других конфессий: католики, протестанты (лютеране, баптисты, пятидесятники и другие), армяно-григориане, иудаисты и мусульмане, которые в своем подавляющем большинстве являются суннитами.

Мы же расскажем о православии. Слово «православие» (православный) подчеркивает правильность и неизменность этой ветви христианства по отношению к католическим, протестантским и другим отделившимся частям единой в древности церкви. Название православная закрепилась за восточной церковью после раскола в XI веке (в то же время за западной церковью закрепилось название католическая – вселенская).

Догматы православия сформулировались еще до разделения церквей: триединство Бога (Бог – Отец, Бог – Сын и Бог – Святой Дух), Боговоплощение, искупление, воскресение и вознесение Иисуса Христа. По православному вероучению Иисус Христос имеет двойную природу: Бога и человека. Православные признают как Священное писание (Новый и Ветхий заветы) так и Священное предание (постановление церковных соборов (съездов) и учения Отцов Церкви), считают, что для спасения людей необходима помощь духовенства. У православных семь таинств – культовых действий, которые должны дать человеку Божью благодать: крещение, миропомазание, евхаристия (причастие), покаяние (исповедь), брак, священство, елеосвящение (соборование). Таинства в православии имеют свою специфику, несколько отличающую их от культовых действий других направлений христианства. Так, обряд крещения выполняется путем погружения человека в воду, миропомазание совершается сразу же после крещения. Есть и другие особенности в православных обрядах. Например, богослужения в православных храмах сопровождаются только хоровым пением (инструментальная музыка отсутствует), люди молятся стоя.

Каждая церковная организация делится на экзархаты, епархии во главе с архиепископами и епископами, благочиния – объединение нескольких церковных приходов, приходы при каждом храме. Пензенская область составляет самостоятельную – Пензенскую епархию. Во главе с епископом Пензенским и Кузнецким Вениамином.

Православное духовенство имеет три степени священства: 1) диаконство – диаконы, протодиаконы (приставка «прото» означает первый, старший),

которые организуют молитву прихожан и помогают священнику; 2) иерейство – иереи, протоиереи, то есть, собственно, священники; 3) епископство – епископы, архиепископы, митрополиты и патриарх. Все духовенство делится на белое (женатые приходские священники и диаконы) и черное (давшие обет безбрачия). Причем третьей степени священства может достигнуть только черное духовенство.

Каждый день года в православии памятный. Ежедневно церковь вспоминает каких-либо святых или события. Наиболее важные памятные даты являются праздниками. Праздники бывают непереходящие, то есть ежегодно приходятся на один и тот же день Рождество Христово, Крещение Господне, Благовещение и другие и переходящие – даты праздников меняются год от года и отсчитываются от главного праздника Пасхи (праздник Воскресения Христова), которое празднуется в воскресенье после первого весеннего полнолуния. Ее дата определяется по специальным формулам. К переходящим праздникам относятся: Вербное воскресенье, Вознесение Христа, Пятидесятница (Троицын день) и другие.

Христианство стало проникать на Русь с VI века. Однако его распространение началось лишь в 988 году, когда великий князь Владимир Святославович (Владимир Святой) принял решение о крещении Руси. Христианство пришло сюда из Византии. Новая религия оказала большое влияние на нравственное состояние древнерусского общества, способствовала прогрессу культуры и укреплению Киевской Руси, а на более поздней исторической стадии и формированию этнического самосознания русского народа. На протяжении веков в результате миссионерской деятельности шел процесс обращения в христианство народов, населяющих Русское государство. На территорию нашего края православие стало проникать лишь в конце XVI века, когда началась русская колонизация этих земель. В настоящее время православие в Пензенской области исповедуют русские, мордва, чуваша, украинцы, белорусы, цыгане и ряд других национальностей. Начавшийся в середине XVII века раскол Русской православной церкви коснулся и нашего края. Здесь также появляется старообрядчество, которое является своеобразной эсхатологической разновидностью русского православия. В 1971 году на соборе Русской православной церкви была снята анафема на старообрядчество. Во второй половине XIX века его центром в Пензенской губернии считалось село Поим¹.

Мордва – народ православный, по признанию самих православных миссионеров, наиболее христианизированный из всех народов Поволжья. Многовековое этническое партнерство с русским народом привело к тому, что мордва стала народом ассоциированным с русскими, связанными с ними тысячами видимых и невидимых нитей, народом, который был, есть и будет

¹ Самойленко А.И. Старообрядчество как основа формирования культурно-бытовых традиций села Поим //Российская провинция XVIII – XX веков. Материалы III Всероссийской научной конференции. Пенза, 1996. Кн.1. С. 389.

наряду с русскими одним из создателей и защитников Российского полиэтнического государства.

Первые сведения о народах нашего края содержатся в трудах арабских дипломатов и купцов X – XIII веков и русских летописях XII – XVI веков. В них рассказывается не только о важнейших политических событиях, но и поселениях, жилищах, хозяйственных занятиях, религиозных верованиях и обрядах, общественном устройстве и семейном быте, межэтнических взаимоотношениях, этнических границах и многом другом. Однако эти сведения не давали целостного представления о народах края.

Много сведений о мордовском народе содержится в произведениях западноевропейских путешественников XIII – XVII веков. Так, например, венгерский монах Юлиан, который проехал через Пензенские земли в начале XIII века, представлял «царство Мордванов» как обширную страну, населенную жестокими язычниками. Это восприятие отразилось в описаниях итальянца Плано Карпини и фламандца Гильема де Рубрука (XIII век). Рубрук был первым западноевропейским путешественником, который обратил внимание на существование двух больших групп в составе мордовской народности – эрзи и мокши. На базе работ XIII века и новых исследований, в XV веке появляются работы, касающиеся народов нашего края. Если до этого авторы, говоря о мордве, указывали лишь на то, что они язычники, не характеризуя существа язычества, то итальянский купец Иосифато Барбаро впервые делает попытку осветить некоторые его стороны, но об этом речь пойдет в других главах.

В XVI – XVII веках круг авторов, представляющих те или иные знания о народах нашего края, значительно расширяются. Это связано, во-первых, с возвышением Московского государства, а во-вторых, с вхождением в его состав Пензенских земель. К наиболее важным исследованиям этого времени относятся труды С. Герберштейна «Записки о московитских делах», Д. Флетчера «О государстве Русском», Н. Витсена «Северная и Восточная Татария», К. де Бруина «Путешествие через Московию». Однако перечисленные работы не ставили целью специального этнографического изучения народов нашего края. В поле их зрения попадали лишь наиболее доступные и примечательные стороны материальной культуры, в частности, постройки и одежда. Однако наблюдения этих путешественников имеет большую ценность. Потому что в них зафиксированы некоторые ранние и утраченные в XIX веке элементы культуры.

Начало систематическому изучению народов Пензенского края было положено в XVIII веке. Если раньше основные этнографические сведения содержались в трудах зарубежных авторов, то с этого времени, особенно после открытия Российской Академии наук, началось более углубленное изучение всех народов России. Важно отметить, что оно не было любительским, поверхностным, а проводилось по специально составленным программам, утвержденным Академией наук.

Исследованием народов нашего края в XVIII веке занимались крупнейшие ученые России В.Н. Татищев, Г.-Ф. Миллер, П.И. и Н.П.

Рычковы, П.-С. Паллас, И.И. Лепехин, И.Л. Фальк, И.-Г. Георги. Большинство наблюдений и выводов, которые они сделали, основывались на непосредственных экспедиционных материалах, собранных из первых рук, что определило их достоверность и непреходящую ценность. Собранные этими учеными этнографические материалы являются важнейшими источниками по русской, мордовской, татарской и чувашской этнографии. Наибольшей информативностью отличаются описания И.И. Лепехина и П.-С. Палласа, в которых, например, отмечается бинарная структура мордовского народа, сходства и различия в языке, компонентах материальной и духовной культуры его двух этнических групп – эрзи и мокши. Заслугой ученых XVIII века является также попытка показать отдельные этногенетические и этнокультурные связи народов Пензенского края.

Более широкий и планомерный характер этнографическое изучение народов России начинает приобретать с середины XIX века – времени становления этнографической науки. Как уже отмечалось выше, в это время появляются научные общества, которые стали специально заниматься этнографическими исследованиями. В них работали видные российские ученые М.Е. Евсевьев, П.И. Мельников, В.Н. Майнов, А.А. Шахматов, Д.К. Зеленин, Д.Н. Анучин, И.Н. Смирнов, Г.Н. Ахмаров, Е.А. Малов, А. Гейкель, Х. Паасонен и многие другие. Они создали первые крупные работы, касающиеся этнографии народов Пензенского края. В них использовались ценные материалы, которые были собраны за время поездок по Пензенской губернии. Именно в это время работами краеведов А.Ф. Леопольдова, В.А. Ауновского, Н.В. Прозина, Г.П. Петерсона и Н.К. Смирнова были заложены основы пензенской этнографии.

Этнографический материал публиковался и в небольших заметках, которые помещались в «Пензенских губернских ведомостях», «Пензенских епархиальных ведомостях», «Памятных книжках Пензенской губернии» и «Сборниках Пензенского губернского статистического комитета».

Вместе с тем работы ученых и краеведов во многих случаях носили описательный характер. Но в совокупности, исследования конца XIX – начала XX века создали необходимый базис для изучения народов нашего края.

Октябрьская революция 1917 года внесла изменения в задачи научного исследования народов России. Это было время ликвидации прежнего административно-территориального деления страны и становление новых национально-государственных образований, что требовало осознания и переосмысления прошлого и будущего каждого этноса. С этой целью в 1920-х годах проводится несколько этнографических экспедиций Пензенским краеведческим музеем и Пензенским обществом любителей естествознания и краеведения в районах компактного проживания мордвы (Городищенский, Краснослободский, Наровчатский, Спасский уезды). Их участники (Н.И. Спрыгина, А.Н. Гвоздев, Б.Н. Гвоздев, И.Г. Тимофеев, И.Г. Черапкин) сделали оригинальные описания жилища, народных костюмов, общественных и семейных обрядов, говоров, а также собрали коллекции

мужской и женской одежды, головных уборов, вышивок, украшений и т.п., которые и по сей день хранятся в Музее этнографии народов России им. Петра Великого и Пензенском областном краеведческом музее. Собранный материал частично проанализирован в работах Н.И. Спрыгиной «Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии» (Пенза, 1928), Б.Н. Гвоздева «Из быта мордвы-эрзи (этнографический этюд)» (Пенза, 1925), «Типы великорусских говоров Пензенской губернии» (Пенза, 1925), «Говор села Сивинь Краснослободского уезда Пензенской губернии» (Л., 1927), А.Е. Любимова «Краткий исторический очерк мордовского народа» (Пенза, 1927).

В 1930-х годах сталинскими репрессиями был нанесен непоправимый урон этнографии, что являлось основной причиной прекращения изучения народов Пензенского края. Только в 1953 году начала работать Мордовская этнографическая экспедиция Института этнографии Академии наук СССР и Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики, по изучению этнической истории мордовского народа. В то же время выходят уникальные по своей значимости книги А.П. Анисимовой «Песни и сказки Пензенской области», «Песни и сказки Поимского района», «Народное красное слово». В 1952 году увидел свет многолетний труд выдающегося финского ученого У. Харвы-Холмберга «Религиозные верования мордвы».

В 1970 – 80-х годах фрагментарные этнографические исследования народов нашего края проводили: Пензенский областной краеведческий музей, Пензенский государственный педагогический институт, Институт языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР. Главным образом исследовалась одежда, предметы домашнего обихода и фольклор русского, мордовского и татарского народов. Эти исследования позволили написать и издать следующие монографии; Е.П. Бусыгин «Русское сельское население Среднего Поволжья» (Казань, 1966); Р.Г. Мухамедова «Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование» (М., 1972); О.П. Мартыненко «Фольклор Пензенской области» (Рязань, 1977), «Мордва. Историко-этнографические очерки» (Саранск, 1981).

В 1990-х годах и начале XXI столетия в Пензенской области провели экспедиции: Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Республики Мордовия, Загорский музей-заповедник и Московская государственная консерватория. В ходе их работы главным образом исследовались материальная и духовная культура народов нашей области. Частично материал о народах нашего края нашел отражение в трудах Н.Ф. Мокшина, И.М. Петербургского, В.А. Юрченкова, Т.П. Девяткиной, Л.В. Лебедевой, В.И. Первушкина, Т.П. Прокиной, И.А. Поповой, а также в коллективных работах «Мордва. Историко-культурные очерки» (Саранск, 1995); «Мордовский народный костюм» (Саранск, 2007); энциклопедии «Народы России» (М., 1994).

ГЛАВА II.

ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Природно-географические условия нашего края способствовали развитию различных отраслей хозяйства, но особенно **земледелия**. Наиболее ранние сведения о земледелии относятся к первой половине I тысячелетия нашей эры. В это время оно было подсечно-огневое. Археологические материалы говорят, что основным орудием по уборке урожая был слабоизогнутый серп. Зерновыми культурами, которые выращивали наши предки, были полба, ячмень и просо.

Во второй половине I тысячелетия нашей эры в нашем крае начинается переход к пашенному земледелию. Об этом нам рассказывают археологические находки почвообрабатывающих орудий. Первым пахотным упряжным (с использованием домашнего скота) орудием являлось рало. Оно применялось для обработки уже использованных почв и целинных земель, освобожденных из-под леса. В начале II тысячелетия нашей эры в лесных районах повсеместно идет расширение пахотных площадей за счет вырубки леса. Этому способствовало и усовершенствование земледельческих орудий труда. Появляются двузубая соха и плуг с железным лемехом, типа сабана. Эти орудия применялись для обработки тяжелых и целинных земель. Совершенствуются орудия по уборке и переработке урожая. В археологических находках этого периода встречаются косы-горбуши и изогнутые серпы. Зернотерки начинают заменяться каменными жерновами. Кроме полбы, ячменя и проса, выращиваются рожь, горох, лен и конопля. Причем начинают внедряться озимые посевы. Примерно с X века в крае внедряется трехпольная система земледелия. Но еще длительное время наряду с трехпольем здесь сохранялась переложная система земледелия. Постепенно оно начинает занимать господствующее положение в хозяйственной жизни народов Пензенского края.

Покровительницей урожая у мордвы была богиня Норовава, а хозяйкой ржаного поля Паксява. Люди их почитали, старались, чтобы они были всем довольны. Весной женщины со всего села собирались на праздники в честь этих богинь. Им жертвовали мясо, хлеб, мед, пуре. От урожая зерновых зависела жизнь человека. Существовали приметы, например, если летом по полю шла Паксява и будто посвистывала. Урожайный будет год!

В первой половине XVII века все пахотные земли были переписаны в мордовские писцовые книги и были обложены посопом. Посоп представлял собой хлебную подать (взималось 40 % с количества высеваемого зерна). Если население пахало десятинную пашню на государя или выплачивало эту десятину деньгами, то посоп уменьшался до половины. Посопный хлеб плательщики должны были сами доставлять в хлебные амбары при уездных городах, а всеми делами по сбору посопа заведовал Московский приказ хлебных заводов.

После окончательного вхождения края в состав русского многонационального государства были созданы условия для более интенсивного развития хозяйственной деятельности. Например, ускорился процесс перехода к сплошной трехпольной системе земледелия. Однако последующая политика российского правительства практически парализовала дальнейшее развитие крестьянских хозяйств. На протяжении столетий система земледелия и орудия труда мало изменялись.

По мере развития во второй половине XIX века капиталистических отношений крестьяне всех национальностей края втягивались в товарно-денежные отношения, среди них росло имущественное расслоение. После крестьянских реформ 1861 и 1866 годов развитие буржуазных отношений проявилось во всех сферах крестьянского хозяйства. Однако земледелие продолжает играть ведущую роль. Потребность крестьян увеличить товарность хозяйства путем расширения запашки, приводила к стремлению улучшить пахотные орудия. Совершенствуя постепенно свои сохи, они создали косулю – орудие, имевшее корпус сохи, но более крупный лемех, плужный отрез (нож, резец) и отвал. Название косуля произошло от слова «косой», которым русский народ обозначает все то, что не имеет симметрии, а у косули лемех и отвал расположены на правой стороне. Железные заводские плуги в Пензенском крае появляются только в начале XX века. Совершенствуются и бороны, в это время стали применяться бороны на деревянной основе с железными зубьями. Целая железная борона в то время была большой редкостью. Сеяли зерновые вручную, семена брали из плетенного или лубяного лукошка. Сеял всегда старший человек в семье, равномерно разбрасывая семена по пашне. Урожай убирался серпами. Только в том случае, если он был плохой, его косили. Сжатые колосья связывали в снопы. На некоторое время их оставляли в поле, а затем урожай везли на гумно, где его складывали в скирды и так хранили до обмолота. В скирдах хлеб мог сохраняться в течение нескольких лет. Обмолот производился поздней осенью или зимой. Но до обмолота снопы сушили в хлебосушильнях. Они были трех типов: шиш, овин и рига. Наиболее древним и примитивным был шиш. В старину они бытовали повсеместно. В начале XIX века бытование шишей стало не устойчивым. К ним прибегали временно из-за их дешевизны. Сооружение шиша не требовало больших затрат, потому что его мог построить каждый крестьянин. Для этого надо было вырыть большую яму и в ней сложить небольшую печурку. Вокруг ямы ставились жерди и связывались наверху. Со стороны такая хлебосушильня напоминала жилище кочевых народов севера – чум. Для того чтобы просушить снопы их прислоняли к жердям и начинали топить печь. Дым и жар идущие вверх сушили зерно. Большим их недостатком было то, что они очень часто горели. Поэтому крестьяне старались при первой же возможности заменить шиш более совершенной хлебосушильней. Второй тип – срубный овин. Это двухъярусное сооружение. В первом ярусе, который находился в яме, помещался источник тепла, второй (наземный) служил для сушки снопов. Обычно на дне ямы ставили кирпичные или глинобитные печи без трубы.

Печи в овинах топили соломой или дровами. Они были огнеопасными, топить их надо было очень осторожно, поэтому обычно данное дело поручали старикам. Пламя должно быть ровным, невысоким, чтобы зерно и солома не прокоптились. Топили овин и сушили хлеб ночью, а утром молотили. Овин, как правило, строили на коллективных началах. Обычно несколько семей имело один общий овин. Для мордвина он был священным, поэтому его охраняло божество Авнява. Жила она в погребе, которым отапливался овин, но людям на глаза никогда не показывалась. Крестьянин пытался задобрить Авняву, устраивая в её честь жертвоприношения перед началом молотбы, чтобы урожай не сгорел во время сушки, и в четверг после Пасхи, в благодарность за удачное завершение молотбы. Авняве обязательно жертвовали красного петуха, учитывая её тесную связь с огнем. Кроме того, на ток приносили пуре и другую еду. Голову и кости жертвенной птицы бросали в овинный погреб, туда же выливали первую кружку пуре. Остальное выпивали и съедали сами жертвующие. На крышу овина поднимали один обмолоченный сноп, а в овине оставался необмолоченный.

Однако с конца XIX века овины стали вытесняться ригами. Это было обусловлено большей простотой и дешевизной их устройства и пожарной безопасностью риг по сравнению с овинами. Принципиальное их отличие состоит в том, что в риге печь и колосники находятся в одном помещении. Рига представляла собой однокамерную сушильную без ямы, а в овине делалась яма. В большинстве случаев это был квадратный сруб высотой около 4 метров с двухскатной крышей. В одной из стен риги имелось большое окно для подачи снопов, в той же или противоположной стене прорубалась дверь. Печь ставили на земле ближе к одной из наружных стен, но не вплотную к ней.

Хлеб молотили на току, который представлял собой очищенную от травы, хорошо утрамбованную ровную площадку, где раскладывали снопы. Молотили зерно цепями 4 – 6 человек. Они становились друг против друга и равномерно били по снопам.

Трудно было крестьянской семье пережить зиму без проса. Это неприхотливое растение в наших климатических условиях всегда давало стабильный урожай. Просо – любимое растение богини Анге Патяй, поэтому и употребляли его на всех празднованиях в её честь. Анге Патяй любит просо за то, что оно дает много семян и растет на благо человеку. Заболевшему ребенку варили просяную (пшенную) кашу на овечьем молоке и верили, что это поможет ему выздороветь. Пшенной кашей кормили молодых на свадебном пиру, осыпали пшеном после венчания, что бы их союз был крепким и дал большое потомство. На Новый год колядующих тоже осыпали пшеном, чтобы каждому этот год принес столько счастья, сколько зерен на него упало.

Сельскохозяйственные машины были в селе чрезвычайной редкостью. Примитивная сельскохозяйственная техника, отсутствие удобрений приводили к тому, что урожаи были очень низкими. В начале XX века

урожай в среднем составлял сорок пудов зерновых с десятины (1 га и 1197, 44 кв. м).

Огородничество у мордвы получает широкое распространение в конце XIX века. В большинстве крестьянских хозяйств овощи выращивали только для личного пользования. Однако со второй половины XIX века некоторые села начинают специализироваться на выращивании отдельных сортов овощей.

Животноводство у народов Пензенского края имело второстепенное значение и было тесно связано с земледелием. Покровительницей скота у мордвы считалась Кардаз сярко. Живет она под святым камнем во дворе. Радует, когда почитают её – белого гуся жертвуют, перья и кости под камень кладут. Ещё в начале XX столетия в основном разводили лошадей, коров, овец и свиней, из домашней птицы – кур, гусей и уток. Лошадь была и рабочей силой и транспортным средством. Культ коня у мордвы развит с древнейших времен. Об этом свидетельствуют захоронения коней и сбруи в древних мордовских могильниках, украшения в виде коня, его изображение в вышивке и деревянном зодчестве. Во второй половине XIX века обряды с ним проводились практически во всех мордовских населенных пунктах Пензенского края. На праздник Сошествия Святого Духа двоих мужчин наряжали в лошадь, на которую верхом сажали мальчика. Вся сельская молодежь шла за ней в поле, где накрывали стол. В конце XIX века в ряде сел Верховному богу Шкаю приносили в дар жеребца¹. По некоторым данным именно конь перевозил умершего в потусторонний мир. Ряд элементов этого культа сохранился в празднике Тудонь ильтема (проводы весны), проводимом до настоящего времени в селах Малое и Большое Перьмиево, Вичкелей Никольского района и др.² У мордвы всегда сохранялось особое отношение к коню. Люди устраивали моления о лошадях. К этим праздникам пекли хлеб, напоминающий по форме лошадь, и относили его в конюшню. В молениях участвовали только мужчины. Все приезжали верхом на лошадях. Животных окропляли святой водой, молились и просили им здоровья.

Боги тоже любили это животное и радовались, когда им жертвовали лошадей. В весенний праздник жертвоприношения божествам воды морду лошади обмазывали медом и солью, гриву украшали лентами, ноги обвязывали веревками, к шее привязывали два мельничных колеса и топили, чтобы умиловить богов.

Редкий праздник обходился без лошадей. После Петрова дня на веселый праздник «Пуре девушек» парни приводили самых горячих коней. Смелые девушки с кнутом в руках прыгали в седло и мчались по деревне. Быстрый

¹ См.: Снежников И. Праздник «Петрооскс». Петровмолян в день св. Петра и Павла в мордовском селе К-се // Пензенские епархиальные ведомости. 1870. № 20, 22, 23.

² Николаев С.Д. Современные праздники и обряды мордвы Пензенской области // Этнокультурные процессы мордовской диаспоры. Труды НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2005. Т.4 (121). С. 104 – 105.

конь, подгоняемый звоном праздничного головного убора девушки, скакал во всю мощь, и редко какой наезднице удавалось удержаться в седле¹.

Молочное скотоводство являлось самой древней отраслью хозяйства. Поэтому почти в каждом крестьянском хозяйстве имелась и корова, так как в рационе питания молочные продукты занимали очень важное место. Она также почиталась людьми. Любой хозяин при покупке долго выбирал корову и вспоминал при этом народные приметы: «На лбу у коровы большая ямка – корова молочная», «Черная корова всегда молочная», «Сколько колец на рогах у коровы – столько раз она отелилась». Корову не забивали на мясо. Её продавали даже в случае болезни или старости, только для общественных праздников и жертвоприношений – на Петров день и на Троицу – делали исключение. Овец разводили не много. Только в зажиточных хозяйствах их насчитывалось два-три десятка. Обычно их держали для того, чтобы обеспечить семью шерстью, так как вся теплая одежда изготавливалась из шерстяных и суконных тканей домашнего производства. В отличие от современности, в конце XIX – начале XX века свиноводство было развито слабо. Свиней разводили очень мало и в основном малопродуктивную длиннощетинную породу. Накануне Нового года мордва отмечала праздник бога свиней – Тавунсея. Он начинался с жертвоприношения этому божеству. За три дня до жертвоприношения свинью оставляли в доме и кормили под печью. За два дня до Нового года свинье заматывали шею вышитым полотенцем, с завернутыми в него березовыми ветками и, держа за концы полотенца, вели в передний угол. Там её поили водой, в которой стояли березовые ветки. Затем хозяин дома выводил её во двор, сняв предварительно все украшения. Зарезав свинью, кровь спускали в ямку. Все участники праздника усердно молились: «Бог свиней, сохрани наших свиней от волков, дай нам больше свиней»². Кроме того, в старину, чтобы «очистить» и уберечь скот от нечистой силы, после весеннего сева крестьяне устраивали прогон скота сквозь «новый огонь». Из домашней птицы в это время больше всего разводили кур. Потому что яйца служили своеобразной меновой единицей. Многие товары можно было получить в обмен на яйца. Мордовские предания рассказывают, что богиня Анге Патяй относилась к курице с особой любовью. Только она подчинялась приказу богини плодородия каждый день, чем заслужила её особое расположение. Своим кудахтаньем, которое всегда сопровождает кладку яиц, курица сообщает богине об исполнении своего долга. Считают, что курица и яйца – самая приятная жертва богине Анге Патяй. Наряду с курами было много гусей, которых разводили как на мясо, так и на пух.

Развитие животноводства в нашем крае ограничивалось, во-первых, недостатком пастбищ, а во-вторых, недостатком кормов, потому что 7 – 8 месяцев в году скот содержали в стойлах. На этот период необходимо запастись большим количеством кормов.

¹ Юрченкова Н.Г. Указ. соч. С. 361 – 362.

² Юрченкова Н.Г. Указ. соч. С. 391.

В XIX веке, как и сейчас, скот пасли в стадах под присмотром пастухов. Раньше же скот в летнее время без всякого присмотра бродил в лесу. Чтобы его там было легче обнаружить, животным на шею привязывали колокольчики. Обычно коровы и овцы на ночь возвращались в деревню, но свиньи часто оставались и днем и ночью в лесу на все лето. Зимой скот содержался в холодных хлевах. Молодняк – телят, ягнят, поросят – приносили в избу, где они оставались до наступления теплых дней.

В целом же продукты животноводства использовались для нужд собственной семьи и лишь в небольших количествах шли на продажу.

Среди **крестьянских занятий и промыслов** древнейшим у мордвы считается пчеловодство. В своем развитии пчеловодство прошло три основных этапа: дикое или бортовое, колодное и рамочное. Древнее бортничество мало походило на современное пчеловодство. Мед добывали от лесных диких пчел, которые жили в дуплах деревьев. Вот такие деревья и назывались бортью. Обнаружив такое дерево, человек ставил на нем знак собственности – тешкс (э.), тяштъкс (м.) в русских письменных источниках они назывались «бортные знамена». И уже из этого дерева никто не мог брать мед. Большое количество мордовских «знамен» зафиксировано в писцовых книгах русского делопроизводства XVII века. Так, в «Списках с писцовых книг письма и меры Дмитрия Пушечникова да подьячего Афанасия Костяева», датированных 1624 – 1626 годами читаем: «а знамена у них в той вотчине Чиндясово (видимо речь идет о Чиндясах – авт.) вилы да четыре глаза», «дуга да пять глазов»¹. Бывали случаи, когда люди делали искусственные борти. Для этого выбирали толстое дерево и на высоте пяти – шести метров в нем выдалбливали дупло. В археологических находках мордовских могильниках XI – XIV веков встречается большое количество, так называемых, бортных топоров и долот, с помощью которых и выдалбливалось дупло. С XVI века у мордвы появляются колодные ульи, которые могли устанавливаться не только на деревьях, но и на земле. Они бытовали вплоть до начала XX века. Затем стало развиваться пасечное пчеловодство. Пасеки обычно устраивались в лесах, на полях, в защищенных от ветров лощинах, пологих оврагах, балках, но обязательно вблизи от леса, луговых трав или посевов гречихи. На пасеке непременно стояло несколько длинных шестов с надетыми на них лошадиными черепами, которые должны были защищать пасеку «от сглаза». Об особом отношении мордовского народа к пчеловодству говорит обычай зажигать восковую свечу – штатол. По сообщению Пензенского краеведа XIX века Н.К. Смирнова, были такие свечи, о которых «самые глубокие старики не знали, кем она первоначально сделана. Сколько этой свечи сгорало во время мольбы, столько потом налепляли на неё нового воска, чтобы она не умахлялась»².

¹ Мокшин Н.Ф. Мифология мордвы. Этнографический справочник. Саранск, 2004. С. 269.

² Смирнов Н.К. Мордовское население Пензенской губернии // Пензенские епархиальные ведомости. 1875. № 4. С. 6.

Рамочные ульи, которыми пользуются пчеловоды и сегодня, в Пензенском крае появляются только в конце XIX века.

Продукты пчеловодства мед и воск в первую очередь употреблялись в собственном хозяйстве. Из меда делали разнообразные напитки, из воска свечи, макеты для литейных формочек и так далее. Но они также использовались при выплате государственных налогов (ясака) и в торговле, что являлось значительным подспорьем для крестьянской семьи. Видимо, поэтому мордва считает пчел самыми чистыми насекомыми. В древности их хранительницей выступала богиня Анге Патяй, так как пчелы к её радости, множились все лето. Но покровительницей пчел в языческом пантеоне богов мордвы все же считалась Нешкепирява. По преданиям она жила в самом большом улье. Людям представлялась то женщиной в блестящем золотистом одеянии, то большой трудолюбивой пчелой. В честь Нешкепирявы устраивались большие праздники с жертвоприношениями. Жертвовали обычно белого гуся, которого готовили тут же на пасеке¹.

Прошло время, многое изменилось. Но только летом, когда цветут травы, трудолюбивые пчелы летят за нектаром, чтобы подарить людям целебный мед.

Охота и рыболовство также являются древнейшими занятиями народов Пензенского края. Охотились на мясных (лоси, медведи), пушных (зайцы, лисицы, куницы, бобры, белки) зверей и птиц. Приемы охоты были разнообразны. С древности охотники применяли различные ловушки, западни, капканы, петли, ловчие ямы и так далее. Дальнобойным оружием охоты были лук и стрелы, которые имели широкое распространение вплоть до XIX века. На охоте иногда использовали собак. В XIX веке среди охотников стали распространяться охотничьи ружья. Но продолжали использоваться и традиционные орудия охоты. Вот как изобразил медвежью охоту мордвы пензенский краевед второй половины XIX века Н.В. Прозин: «Когда охотник борется с медведем при помощи рогатины, то он старается выбрать удобную минуту подвести зверя к тому месту, где воткнут нож, и потом отнять вдруг рогатину от упершегося в неё медведя и затем заставить его упасть на острие ножа. Были такие охотники из мордвы, которые убивали на своем веку несколько десятков медведей»².

В мифологии мордвы медведь являлся хозяином леса. Это излюбленный образ сказок, загадок, пословиц и поговорок. Потому что медведя считали ближайшим родственником людей, далеким предком, поэтому ряженный в медведя обязательно должен быть на свадьбе, вместе со всеми ходить на колядки и в других праздниках участвовать.

Однако с вырубкой лесов охота постепенно теряла промысловое значение. В конце XIX века она превратилась в любительское занятие.

¹ Юрченкова Н.Г. Указ. соч. С. 379.

² Прозин Н.В. Город Краснослободск и Краснослободский уезд // Пензенские губернские ведомости. 1865. № 40. С. 30.

Значительное место в хозяйственной жизни населения нашего края занимало рыболовство. Рыбу ловили в реках и озерах, которые изобиловали рыбой. В древности хозяевами воды и рыбы мордва считали Ведяву и Ведятю. Они могли перегонять рыбу из одного водоема в другой, по уговору с рыбаками загонять рыбу в сети и превращаться в крупную и мелкую рыбу, ведущую за собой целые косяки.

В преданиях мордвы возникновение суши, воды и света связывалось с образами трех рыб-сестер (севрюги, белуги и осетра), которые держат на своих спинах сотворенный Нишкепазом мир.

В мордовских сказках рыба обладает чудодейственной силой: от съеденной рыбы у женщины рождается сын силы немереной; мордовка выходит замуж за рыбу и рождает сына-богатыря.

В XVIII – начале XIX века в Суру заходил каспийский лосось, в её холодных правых притоках до 20-х годов XX века обитала форель. Далеко за пределами Пензенского края была известна сурская «мерная» стерлядь (длиной от глаза до пера около 20 см), отличавшаяся большой жирностью. Всего к началу XX века здесь насчитывалось более 30-ти различных видов рыб.

Рыбу ловили волоковыми сетями, бреднями и неводами, мережками, вершами и переметами, которые плелись из ивовых прутьев, а также удочками и продольниками. Мелкие речки и протоки перегораживали рыболовными заборами. Практиковалось лучение рыбы острогой ночью с факелами. Рыболовство чаще всего было потребительским. Каждый крестьянин занимался им в свободное время.

Мордва с давних пор занимались разнообразными домашними **промыслами**. Прежде всего, крестьяне перерабатывали сельскохозяйственную продукцию, изготавливали орудия труда, посуду, домашнюю утварь, ткали холсты и шили одежду, возводили дома и хозяйственные постройки. В конце XIX века в Пензенской губернии насчитывалось около сотни видов кустарных промыслов.

К промысловым занятиям крестьянина толкала низкая продуктивность земледелия. Кустарные промыслы более всего были развиты среди русских крестьян. Так, по данным на 1888 год в Инсарском, Наровчатском и Саранском уездах Пензенской губернии на 10 тысяч человек русского населения приходилось 147 кустарей, а среди мордовского – только 67. Это, в какой-то степени, было связано с политикой правительства. Так, например, в связи с запрещением в 20 – 30-х годах XVII столетия нерусскому населению заниматься кузнечным делом, этот промысел целиком перешел в руки русских крестьян. Самым распространенным промыслом у мордвы было ткачество. Оно являлось исключительно женским занятием. Ткани делали из конопли или льна. Достаточно описать процесс их изготовления и станет понятна тяжесть этого труда. В конце лета стебли конопли выдергивали, сортировали по длине, связывали в пучки и вешали сушить. После этого их молотили и замачивали в воде на три-четыре недели и опять сушили. Потом стебли конопли мяти, трепали и чесали. Получившийся

продукт называли куделью. Расчесанную кудель пряли, наматывая нить на веретено. С веретен нитки с помощью мотовила перематывались в мотки и белили, а уж затем начинался процесс изготовления ткани. Для этого использовали ручные ткацкие станы, которые были в каждом доме. В Пензенском крае пользовались ткацкими станами трех видов. Самым совершенным был стан, который имел широкое распространение среди русского и мордовского населения. На задний навой наматывались нити основы (продольные нити), и рама, куда прикреплялись нитченки (поперечные нити) – уток. Для того чтобы удобнее было продергивать уточную нить между основными, использовали приспособление, которое придерживало то одни, то другие нити. Внизу ткацкого стана делались деревянные подножки, количество которых колебалось от двух до шести. Вверху ткацкого стана прикреплялись нитченки, которых было столько, сколько подножек. Толстые крепкие нитки завязывали петлями между двух палочек в ширину полотна. Петли пропускали через нити основы. Подножка и нитченка соединялись веревкой. Наступая в нужной очередности на подножки, нитченки поднимали то одни, то другие нити основы, образовывалось пространство, через которое было легко продвигать челнок. Благодаря этому приспособлению женщины могли ткать различные узоры. Однако в большей степени у мордвы встречался стан второго типа, который отличался тем, что у него не было навоя и рамы. Основа в таком стане закреплялась в косу и прикреплялась к стойке, нитченки подвешивались на веревках к отдельной палке. Наиболее примитивным был третий тип ткацкого стана. Перед началом работы его ставили на нары. Нитченки привязывали к потолку, а основу, закрепленную в косу – к колышку, который устанавливался на нарах. Для удобства ткачихи в нарах вынимали одну-две доски, чтобы можно было опустить ноги вниз.

Холст на весеннем лугу женщины отбеливали и пели песню:

Пахать выеду, новую землю вспашу,
Новую землю вспашу, лен посею,
Он уродится, высокий будет,
Высокий будет, на нитки пойдет.
Холст натку, что бумага,
Вышивки сделаю, что рисунки на карте,
Точи сделаю, словно ленты,
На себя надену (рубашку) – село похвалит...¹.

Проникновение в деревню фабричных тканей, привело к тому, что ткачихи кроме холстов стали в подражание фабричным изделиям выработать полосатые или клетчатые пестрые ткани – пестрядь. Быстрее всего домашнее ткачество исчезло у русских и татар. У мордвы оно же сохранялось до 30-х годов XX века.

¹ Юрченкова Н.Г. Указ. соч. С. 370.

Помимо конопляных и льняных изготавливались и шерстяные ткани для теплой одежды. Однако технология их производства мало отличалась от той, которую мы описали выше.

К широко бытовавшим, в конце XIX века промыслам, относилось плетение лыковой обуви (лаптей) и предметов домашнего обихода (кошелей, туесков, лукошек и так далее). Эту работу выполняли только мужчины. Причем особенность мордовских лаптей была в способе косого плетения. Они получались с низкими бортами и специальными петлями из лыка для крепления обор. В простонародье такие лапти назывались «мордовскими». Под влиянием мордовских мастеров русские крестьяне стали делать двупяточные (пятка на лапте была утолщена в два раза) лапти. По этой причине наших земляков стали называть «пензенцы толстопятые». Развитие кустарных промыслов во многом зависело от природных условий. Издавна мордовский народ проживал в лесах, и неслучайно он воспевал деревья в песнях, рассказывал о них в сказках. С ними были связаны разные поверья. Была такая примета: «Сосну нельзя сажать – умрешь». По традиции девушку, выданную замуж от дома за семь верст, содержали в сосновом амбаре, а спать укладывали на еловую скамью. Из дерева изготавливали сани, телеги, колеса, бочки и разнообразную деревянную посуду, рогожи и кули, а также добывали смолу, деготь, древесный уголь и поташ. Так, например, в XIX – первой половине XX века в селах Кулясово и Мамадыш (Камешкирский район) изготавливали телеги, сани и колеса, а в селе Пылково (Лопатинский район) производили пари (сундуки), бочки, стойки и лохани¹.

Большое значение в экономической жизни крестьян Пензенского края второй половины XIX века играли отхожие промыслы. В них была последняя возможность человека прокормить себя и семью. Как правило, этим видом промыслов занимались обедневшие или малоземельные крестьяне. Отхожие промыслы были очень разнообразны. Это и извоз, и работа на промышленных предприятиях, горных разработках, и рабочих артелях, бурлачество и плотничество.

В целом же промыслы населения Пензенского края были менее развиты по сравнению с центральными губерниями Европейской России. С одной стороны, промыслы имели огромное экономическое значение для крестьянской семьи, потому что наряду с земледелием и животноводством они составляли существенный источник существования. С другой стороны, промыслы являлись составной частью культуры народа. И остается только сожалеть, что на сегодняшний день большая их часть безвозвратно утеряна.

Самые древние **поселения** на пензенской земле принадлежат мордвемокше. В русских летописях XII – XVI веков мордовские поселения называются погостами, селами, зимницами и твердями (городищами-убежищами). Погостами в мордовских землях, по-видимому, называли определенные административные центры, которые позднее стали центрами

¹ Научный архив научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (НА НИИГН). И-1314, л.24 – 25.

летописных мордовских «волостей». Иногда русские поселенцы на их месте строили города-крепости. Селами обычно назывались многодворные поселения, в которых после обращения мордвы в христианство стали строиться церкви, являвшиеся одним из основных отличительных признаков села. Зимницы, видимо, были меньшими, по количеству дворов, поселениями. Они впоследствии преобразовались в деревни. Все перечисленные поселения являлись открытыми земледельческими поселками мордовских сельских общин. С целью защиты от нападения врага сельская община или несколько общин строили города-убежища (ош – э., м.). Вооруженный захват подобных городищ был главной задачей при покорении данной территории, потому что его захват обеспечивал господство над окружающим населением.

Для мордвы XVI – XVII веков были характерны два типа поселений – деревни и несколько меньшие первоначально по числу дворов выставки. В XIX веке в связи с увеличением населения распространяются такие виды поселений как выселки, поселки и хутора.

Хозяйкой деревни языческая мордва считали Велень кирди азораву. В честь неё вся деревня собиралась на молян. На общий стол ставили бочонок пуре, на траве раскладывали подарки – блины, пироги и другие угощения. Во время молитвы люди просили Велень кирди азораву принять дары, дать им богатый урожай, спасти от эпидемий скот, защитить от злых людей.

Как уже говорилось выше, в процессе христианизации в наиболее крупных мордовских деревнях строились церкви, и тогда они получали статус села. Нередко таким селам давались новые названия, подчас церковного происхождения, а прежнее их наименование сохранялось как второе. Например, село Ачасьево Наровчатского района имеет церковное название – Ильинское; Верхозим Шемышейского района – Черкасское, Козьмодемьянское; Чумаево Камешкирского района – Архангельское и т.п.

Распространенным типом селений были выселки. Они начали возникать во второй половине XIX века, когда малоземелье заставляло часть крестьян выселяться на новые места. Например, Луговые Выселки, Маркинские Выселки, Мичкаские Выселки и другие.

Размещение поселений на местности – тип заселения – определялся природными условиями края, особенностями хозяйства и историческими традициями. Как правило, поселение начинало строиться вблизи рек, так как там находятся удобные для обработки земли, пойменные луга для выпаса скота. Кроме того, реки служили основными путями, которые связывали поселения между собой. Приречной тип поселений самый древний в нашем крае. Наиболее распространенным типом селений здесь являются долинный или овражно-речной. Чаще всего подобные поселения располагались в низине вблизи водоема, где наиболее удобные земли для огородничества. Среди них выделялись притрактовые селения. Тракты (большие наезженные дороги), являвшиеся на большей части территории края единственно возможными путями сообщения (особенно во время распутицы), имели

огромное значение в жизни населения. Поэтому на всем протяжении тракта вытягивалось большое количество населенных пунктов.

Планировка поселений также весьма разнообразна. На территории края встречались поселения с линейной, круговой, кучевой, радиальной и уличной планировками. Причем наиболее древними для мордвы являются круговые и кучевые, для русских – линейные поселения. Кучевая или гнездовая планировка связана с обычаем близких родственников селиться рядом гнездами. Например, такая планировка сохранилась и по сей день в селе Армиево Шемышейского района.

С середины XIX века у всех народов края стала преобладать уличная планировка. Причем не последнюю роль для мордвы в этом процессе сыграли мероприятия правительства 70-х годов XIX века. По которым эта планировка стала обязательным требованием для каждого поселения. При такой планировке все дома выходили фасадом на улицу. В центре села находилась церковь. Дома строились в ряд по черте. По рассказам стариков, категорически запрещалось при строительстве дома выступать за эту черту. На вопрос: «Почему?» обычно отвечали «Нету порядка». Может быть поэтому в русском языке вместо слова «улица» иногда говорят «порядок». Например, в старых названиях улиц города Пензы встречается восемь порядков: Боголюбовский, Кузнечный, Воронцовский и другие. И как результат для большинства сел Пензенского края в XIX веке стала характерной следующая планировка – на самом видном месте в мордовских селах находилась церковь; в центре села обычно жили зажиточные крестьяне.

Любое поселение, как известно, состояло из жилых домов с усадьбами. В усадьбу входили: жилой дом с двором, надворные постройки, баня и огород. Основу, конечно, составлял дом или как его называют этнографы – **жилище**. Дом в народной культуре это центр основных жилищных ценностей, таких как счастье, достаток, единство семьи и рода, включая не только живых, но и умерших. Основным материалом для возведения домов в Пензенском крае являлось дерево. Саманные и глинобитные постройки встречались редко.

Наиболее ранние этнографические описания жилых крестьянских домов народов нашего края относятся к XVIII веку. В это время основным жилищем была курная изба, топившаяся печью без трубы, по-черному. Курные избы начали заменяться белыми (с топкой по-белому, т.е. печь была с трубой) в XIX столетии, окончательно исчезли они только в самом конце XIX – в первой четверти XX века.

Новоселье – радостное событие в жизни человека. Помогали хозяевам строить дом все члены их большого рода. Как и полагается, первой в дом пускали кошку, чтобы она принесла с собой счастье. Если кошке понравилось в доме, можно в него заходить остальным.

Но прежде приглашали в избу хранительницу дома Кудаву. Для переезда из старого дома в новый ей приносили лапоть. Без Кудавы в доме нельзя, она бережет его, поддерживает порядок, способна предчувствовать будущее его обитателей, а перед несчастьем, чтобы предупредить хозяев

стонет и плачет. Хранителем дома считался также и Кудатя – старичок в белой рубахе до пят, с пушистой седой бородой до колен и веником в руках. Ночью он спал на скамье, стоящей у окна, но утром он перебирался под печь.

Новый дом строился строго по правилам. Долго выбирали место для него – гадали, ворожили, где будет самое лучшее. При закладке фундамента, подъеме балки-матрицы, установке первого венца, крыши произносили заклинания. Чтобы крепче дом получился, приносили специальную жертву: петуха или курицу, а богине Кудаве – черную овцу. В некоторых селах из ближайшего леса приносили молодую березу или рябину и ставили ее в будущий передний угол. Для гостей накрывали стол и молились, чтобы этот дом «сгнил на том же месте», т.е. не подвергся стихийным бедствиям. После проведения обряда березу (рябину) высаживали перед будущим домом.¹

Самым почитаемым местом в доме считался красный угол, печь и порог. Во время семейных жертвоприношений дары складывали у дверного косяка, а под порог клали кашу и выливали немного пуре.

Люди во все времена считали, что дом – это крепость. Он защитит человека от осенней непогоды, зимней стужи и летнего зноя. В сказках, легендах, быличках рассказывается, как человек укрывался в доме от преследовавших его врагов. Они не в силах переступить порог дома, который является границей между «своим» и «чужим» мирами. Для защиты своего дома от нечистой силы применяли магические средства: рисовали на дверях и окнах кресты, развешивали освященные травы, применяли разнообразные обереги.

А когда же появилась срубная изба в Пензенском крае? И как всегда нам на помощь приходит археология. Материалы раскопок мордовских поселений показывают, что в древности люди жили в землянках и полуземлянках. Лишь в конце I тысячелетия нашей эры они стали заменяться наземными бревенчатыми срубами – избами. По мнению этнографов, мордва-эрзя рано испытала влияние русского населения, с глубокой древности они строили избы мало чем отличающиеся от русских. У мордвы-мокши дело обстояло несколько иначе. Мокшанская изба отличалась по внутреннему устройству и планировке от эрзянской. Мокша вряд ли ее заимствовала от русских. Скорее, наоборот, русские, жившие по соседству, переняли это жилище у мордвы. Но возможно, этот тип избы сложился в местных условиях как у русских, так и у мокши.

До начала XX века жилище народов Пензенского края строилось без фундамента, лишь под углы дома ставились столбы или подкладывались большие камни. Концы бревен на углах срубов скреплялись различными способами. Наиболее распространенной была рубка в «простой угол» или «в обло». Близкой к этой рубке была рубка «в крюк». Была известна также рубка «в лапу», но она встречалась крайне редко. Сруб обычно состоял из 14 – 16 венцов. Пол настилался так, чтобы могло образоваться подполье

¹ Николаев С.Д. Указ. соч. С. 104.

(подпол). Там хранили молочные и другие продукты, овощи. С увеличением посевов картофеля подполье стало использоваться для его хранения. Попасть в подпол можно было из избы через люк в полу. Крыши домов обычно покрывались дранью, корой и соломой. В конце XIX века крыши стали покрываться тесом, который заменил дрань. Однако и в начале XX века широко использовалась в качестве кровельного материала солома.

До появления пилы жилища в Пензенском крае целиком сооружались топором. И, как правило, снаружи ничем не украшались. Только с развитием отходничества в деревнях стали появляться мастера, которые украшали избы резьбой. Но о ней мы с вами поговорим в главе, посвященной декоративно-прикладному искусству.

Во внутреннем устройстве жилища у народов Пензенского края много общих черт. Наиболее древним типом жилища здесь были избы с двухраздельной планировкой – изба + сени. Но в XIX веке получило распространение трехраздельное жилище. При такой планировке дом состоял из двух изб и сеней между ними. Обе избы имели печи. Это жилище связано с длительным существованием больших патриархальных семей. С распадом этих семей стали исчезать и подобные постройки.

Если в строительной технике и планировке жилища у народов нашего края не наблюдалось значительных особенностей, то во внутреннем убранстве они проявлялись ярко. Несмотря на то, что у всех народов оно зависело от расположения печи в доме. По поверьям мордвы печь является местом проживания духа – покровителя дома и семьи, поэтому с печью связано много сказок и суеверных обрядов. Существовал обряд перенесения при въезде в новый дом золы из старой печи; когда кто-нибудь уходил из дома, печь закрывали заслонкой, чтобы человеку повезло в пути и его не поминали лихом оставшиеся дома. Покровительницей печи у мордвы-мокши считалась Петнагэдава, а у эрзи – Каштомава. Женщины, поставив в печь пироги, обычно говорили: «Хранительница печи, матушка, испеки наши пироги хорошо, пусть они удадутся на славу». В праздники первый лакомый кусок в печь бросали и просили её хозяйку принять с благодарностью подарок. Видимо, поэтому устройство печей на протяжении столетий не менялось, и они в доме помещались в определенном месте. От этого зависела и внутренняя планировка избы. Печь кроме своего основного назначения – отопления дома и приготовления пищи – имела и другие функции. Пространство над ее сводом служило местом, где сушились дрова, семена и одежда. На печи спали больные и старики. Иногда печь служила и баней. Печь, по существу, была единственным источником отопления избы. Печи-голландки, подтопки и железные печки стали появляться только во второй половине XIX столетия.

Внутренняя планировка эрзянской избы во многом напоминала русскую. Справа или слева от входа в дом располагалась печь. Ее устье (топка) обычно было обращено к передней стене. Эта планировка в этнографической литературе получила название среднерусской. Если печь стояла налево от входа, то в народе такая изба называлась «непряха», так как на «долгой

лавке», идущей вдоль боковой стены, напротив печи, прясть было не с руки (правая рука приходилась к стене, а не к окну). По диагонали от печи находился красный угол. Наиболее ритуально значимое место в доме. В оформлении красного угла и его символики велика роль христианских элементов: божница, которая ассоциировалась с алтарем православного храма и осмыслялась как место присутствия самого христианского Бога. Помимо икон в божнице хранились освященные предметы: сосуд с богоявленской водой, веточки освященной вербы, троицкая зелень и др. Здесь стоял стол с двумя прикрепленными к стенам лавками. Место за столом в красном углу считалось самым почетным: оно предназначалось для хозяина, священника или почетных гостей, причем престижность места убывала по мере удаления от красного угла. Под потолком над входом, от печи до боковой стены устраивались полаты (настил из досок), на которых зимой спали дети и старики. Влезали на полаты с печи. Под полатами у задней стены дома спали хозяин и хозяйка дома. Никакого деления избы на комнаты не существовало, и только иногда отгораживалась кухня занавеской или легкой дощатой перегородкой. Здесь обычно стояла лохань и висел подвешанный к потолку чугунный или глиняный рукомойник. Зимой в запечье кормили, а иногда и содержали мелкий скот. По боковым и передней стенам дома, выше окон, прикреплялись полки, служившие для хранения мелкой домашней утвари и посуды. Почти в каждой избе под потолком висела «зыбка», где спали грудные дети. Стены и потолок не оклеивались. Их мыли лишь к большим праздникам. Пол скоблили большим ножом (кесарем) каждую субботу. С почтением мордва относились и к двери. Божествам двери Кенкшаве и Кенкшате посвящались специальные моления. Стоя на коленях лицом к двери говорили: «Дверь, дай нам здоровья, хлеба и скот во дворе!». Чтобы умиловить эти божества, на порог или рядом клали жертвенные дары: хлеб, соль, яйца, мясо, ставили кружку пуре. Как мы говорили выше, изба мордвы-эрзи по внутреннему устройству мало чем отличалась от русской. Иное дело – жилище мокши. Печь в старых мокшанских домах стояла в переднем углу устьем к входу (южнорусская планировка), вдоль одной из боковых стен стояли небольшие нары. Подобную планировку жилища переняли и русские, проживающие по соседству с мордвой-мокшей. Сейчас в большинстве случаев мокшанская изба имеет среднерусскую планировку, где по диагонали от печи находится красный угол, который в селе Новые Пичуры Наровчатского района и ряде других сел называется в честь главного мокшанского божества Шкай-угол.

Завершая рассказ о крестьянских жилищах мордовского народа, отметим, что размеры, архитектурные украшения, планировка и внутреннее убранство определялось не только традицией, но и экономическими возможностями семьи.

Говоря о крестьянской усадьбе, необходимо сказать и ещё об одной важной составляющей – бане. Они обычно строились за огородами, на дворах, при реках и озерах, где они есть. Мордовская баня представляла собой небольшой сруб под соломенной или тесовой крышей, с потолком из

колотых бревен, крытых дерном. Маленькое оконце, прорубленное в боковой стене, еле-еле пропускало свет. В старину топились бани по-черному. Каменка или глинобитная печь стояла обычно в дальнем от двери углу и была обращена челом к боковой стене, в которой помещалось окошко, а если его не было, то к двери. Предбанник часто бывал плетневый.

По всей вероятности баня являлась прототипом избы. Еще недавно мордва называла баню так же, как и избу куд (м.), кудо (э.). До настоящего времени предбанник назывался кудонголь (м.), кудыкелькс (э.), то есть сени¹.

Считалось, что в бане обитает божество, её держательница Банява. Ей поклонялись и просили смывать с людей грязь круглый год и беречь от болезней. Баняве жертвовали хлеб, соль, кашу. Для этого в полночь ходили со знахаркой в баню, а жертвенные дары оставляли у косяка с петлями. Баня играла и играет большую роль в семейных обрядах. В прошлом здесь принимались роды. Перед свадьбой невеста жила несколько дней в бане, оплакивая свое девичество. В девичью баню или баню девичества невеста ходит со своими подругами, причем ходит с непокрытой головой, какой бы ни был мороз. Покрывать голову невесте не полагалось. На страстной неделе (в великую пятницу) топили баню для предков, приглашая их прийти попариться.

Из всех элементов материальной культуры **народная одежда** более всего сохранила своеобразные черты, которые отличали мордву от других народов России. Для того чтобы понять это своеобразие обратимся к описанию мордовского народного костюма.

Мордовская народная одежда развивалась по двум направлениям – эрзянскому и мокшанскому. Мужская и женская одежда отличалась простотой, а вот праздничная одежда, особенно женская, была всегда яркой и нарядной, что придавало ей неповторимый вид. Она-то и будет больше всего нас интересовать.

В древности, впрочем, как и сейчас, мужская одежда, в отличие от женской, не была такой сложной, не имела столько украшений и не была подвержена столь частым капризам моды. Основу мордовского народного мужского костюма составляла туникообразная (туника – одежда древних римлян свободного покроя) рубаха. Шили ее из отдельного домотканного белого холста. На месте плеча полотнище перегибали пополам, к нему пришивали рукава. В центре перегнутого полотнища делался вырез для головы. Для того чтобы рубаху было удобнее надевать, на груди делался небольшой прямой разрез. На мордовских рубахах грудной вырез обычно располагался справа. Такие рубахи не имели пуговиц и завязывались тесемками. Лишь в конце XIX – начале XX века к некоторым рубахам стали пришивать стоячий воротник и пуговицы. Украшались они вышивкой и цветным узорным тканьем, которые наносились на грудной вырез, воротник, концы рукавов и подол. Носили рубахи всегда навыпуск и

¹ Мокшин Н.Ф. Материальная культура мордвы: Этнографический справочник. Саранск, 2002. С. 39.

подпоясывали самотканым узким пояском или ремнем. Наряду с рубахой в мордовский мужской костюм входили штаны, сшитые из домотканного сукна. Носили их заправленными в онучи или сапоги. Самой распространенной обувью являлись лапти, которые носили с онучами. Наиболее состоятельные люди носили кожаные сапоги. В качестве мужских головных уборов были высокие с небольшими полями войлочные шляпы и сшитые из овчин шапки.

Мордовская женская народная одежда, несмотря на то, что она проделала большой путь в своем развитии, вплоть до начала XX века сохраняла многие древние черты.

Основу женской одежды, как и мужской, составляла туникообразная рубаха без воротника – панар (э.), щам (м.). Её шили из домотканного холста белого цвета. Причем рубаха мордвы-эрзи отличалась от мокшанской. Последняя шилась по принципу мужской рубахи – перегнутое пополам главное полотнище являлось основой рубахи, к которой по бокам пришивались полотнища покороче. Такой покрой создавал у плеча квадратную пройму для рукавов. Рукава делались длинными. Ширина рубахи в подоле равнялась четырем полотнищам. Выкроенные детали панара украшались вышивкой, а уж затем сшивались. Эрзянский панар также состоял из четырех полотнищ, только его основу составляли два сшитых вместе полотнища, перегнутых пополам по плечу. В данном покрое швы располагались посередине груди, спины и по бокам. В прореху, оставленную в боковых швах, вшивались прямые рукава. У рубахи вышивались ворот, рукава, подол, швы на груди и спине. Причем в отличие от мокшанского, этот панар вышивали после того, как он был полностью сшит.

Широкая рубаха требовала множества дополнительных деталей, которые помогали женщине придать необходимый силуэт одежде. Прежде всего, рубаха подпоясывалась шерстяным поясом – каркс. Кроме того, эрзянские девочки с 13 – 14 лет начинали носить набедренное украшение – пулай. В костюме он был своего рода символом зрелости, совершеннолетия. Пулай, как никакая другая часть одежды, видоизменялся в зависимости от места проживания его хозяйки, другими словами в каждом районе Пензенского края он имел свои особенности. Так, например, разновидностью подобного украшения в селе Вышелей Городищенского района является мукороцёк. Он украшался насечками, глазками из цветного стекла и имел подвески из цепочек, рядов крупных бусин, стекляруса, бисера, чередующихся с металлическими жетонами и медными пуговицами. Составной частью женского эрзянского костюма являлся передник – икеле паця, нижнюю часть которого украшали аппликацией и вышивкой.

Мокшанская женская одежда также имела много набедренных украшений, которые делались из шерсти, шелка, бус, металлических жетонов. Кроме того, в поясной набор мокшанки до начала XX века включались полотенца – кеска руця, украшенные вышивкой и лентами. Панар у мокши дополнялся доходившими до щиколоток штанами – понкст. Также как и у эрзи, непременным атрибутом народного костюма был

передник – запон, сапоня. Со второй половины XIX века в мокшанском женском костюме появляются жилетки.

В праздники и торжественные дни поверх панара замужние женщины надевали легкую туникообразную распашную одежду – мокшанки ее называли мушкас, а эрзянки – руця. В прошлом она была исключительно ритуальной одеждой. Поэтому на каждый случай жизни шилась специальная руця. Руця молодых женщин была более нарядной, чем у пожилых, солдаток и вдов.

Важное место в мордовской народной женской одежде занимали головные уборы. Головные уборы эрзянок (панго, шлыган, сорока) делались на твердой основе и имели форму цилиндра, полуцилиндра, конуса, реже лопатообразную. Их основу изготавливали из луба и бересты. У замужних женщин села Вышелей в обязательном порядке присутствовали – плетюшкат (плетюшки), заплетенные и завязанные спереди особым способом волосы, если же женщина не обладала шикарнейшей шевелюрой, из чего можно было бы сделать плетюшкат, тогда они заменялись налобной повязкой в виде обруча из луба или картона, обтянутого тканью. Мокшанские головные уборы (панга, златной) делались на мягкой основе путем различных вариантов ношения платка, шали, полотенца. Одной из особенностей мокшанского головного убора было то, что он имел такую же форму как и прическа женщины, то есть он полностью зависел от прически мокшанки. Иногда прическа напоминала рога (кодавкс), таким же способом повязывались головные полотенца и платки. Сегодня наиболее распространенным женским головным убором является шаль с бахромой. Головные уборы девушек отличались от женских. Они были в виде налобных повязок, вышитых бисером и позументом, или из искусственных цветов, бус и раковин. После свадьбы девичий убор менялся на женский. Богат и разнообразен набор украшений мордовских женщин. К ним относятся: воротники, нагрудники, ожерелья, гайтаны, которые изготавливались из бисера, бус, стекла, раковин, жетонов, монет, бубенцов, колокольчиков. Из серебра, бронзы, реже золота делали серьги, браслеты, кольца, перстни и цепочки. В древности типично мордовским головным убором были височные подвески в виде стержня, обмотанного тонкой проволокой, со спиралькой на одном конце и пирамидальным или каплевидным грузиком на другом. В XIX – начале XX века височными украшениями были уже белые пуховые шарики (сёргт).

Специфической принадлежностью мордовского женского костюма была застежка ворота рубахи. У эрзи и мокши они различались. Эрзянская застежка-сюлгамо представляла собой согнутый из медной проволоки овал с незамкнутыми концами и подвижной иглой. Мокшанская застежка-сюлгам – по форме напоминала трапецию, в центре которой располагался медный треугольник вместе с кольцом и булавкой вверху.

Основным видом обуви у женщин и мужчин были лапти (карть). Для них характерно косое плетение и низкие борта. Как эрзянки, так и мокшанки обертывали ноги белыми или черными онучами (пракстат). По

торжественным дням и на праздники женщины надевали кожаные сапоги со сборами и острыми носками (кямот м., кемть э.). Их шили из коровьей или телячьей сыромятной кожи. Сапоги имели массивный задник.

Межсезонной одеждой как мужчин, так и женщин являлся сумань, напоминавший кафтан. Его шили из домотканного шерстяного сукна черного или коричневого цвета. Зимой носили тулупы и халаты с шиворотом. Тулупы были длинными, с большим меховым воротником и прямой спинкой. Халат с шиворотом шили из домотканного коричневого сукна, очень широким, длинным и с большим воротником, потому что его надевали поверх полушубка. Верхнюю одежду обычно подпоясывали широким и длинным (3 метра) поясом – кушаком. На ноги надевали серые, белые или черные валенки.

В местах близкого проживания эрзянского и мокшанского населения (Городищенский, Никольский и Сосновоборский районы) многие элементы женской народной одежды этих народов слились воедино. Здесь зародился новый мокшанско-эрзянский тип народного костюма.

Изменения народной одежды мордвы началось в конце XIX – начале XX века в связи с активным проникновением в крестьянскую среду тканей и одежды фабричного изготовления. В первую очередь, изменения коснулись материала одежды. Во многих семьях использовались фабричные ткани. В 20 – 30-е годы женские головные уборы, неудобные для ношения, повсеместно заменялись на покупные фабричные платки.

В настоящее время мордовский народный костюм используется только в качестве обрядового или сценического. Однако в некоторых селах женщины иногда стали надевать панар на свадьбу, похороны или поминки. Причем большинство из них вновь сшито по старым образцам.

Заканчивая рассказ о традиционной одежде мордовского народа, хотелось бы отметить женский народный костюм, который, в основном, и нес в себе специфические этнические черты, что отличало народный костюм мордвы от других народов Пензенской области. В начале XX столетия женская и мужская одежда стали обогащаться городскими компонентами. И, наконец, в это время окончательно было нарушено возрастное различие в одежде.

Традиционная крестьянская **пища** с давних пор зависела от продуктов, получаемых в собственном хозяйстве. Как мы уже говорили, главенствующую роль в хозяйстве мордвы играло земледелие. Поэтому и рацион питания был в основном растительным. Хлеб был основой основ крестьянского стола. Под словом «хлеб» (кши) и по сей день мы понимаем выпечку из ржаной муки или как мы сейчас говорим «черный» хлеб, а пшеничные изделия назывались «калачами», «пирогам», «лепешками». Конечно же этими названиями не ограничивались блюда из пшеничной муки. Хлеб выпекали в печи в каждом доме через два-три дня. Согласно традиции, хлеб в мордовской семье пекла свекровь до тех пор, пока имела силы. Невестка допускалась к самостоятельной выпечке хлеба, требовавшей больших навыков, лишь после того, как у неё нарождались дети. Хлеб пекли

в основном из кислого ржаного теста, поскольку пшеничный был доступен лишь состоятельным слоям. Его ставили на закваске, в качестве которой выступало старое тесто. Реже для брожения применяли хмель или размоченный хлеб. Закваска хранилась в квашне или для нее специально определяли небольшой глиняный горшок. В настоящее время закваску сохраняют чаще всего в стеклянных банках.

Месят тесто в большинстве случаев непосредственно на столе руками или в квашне. Хлеб обычно пекут круглой формы, вес каждой ковриги 2 – 3 килограмма. Взяв мокрыми руками нужное количество теста, его формируют и кладут на стол или специальную доску, предварительно посыпанную мукой, чтобы оно подходило. Раньше был распространен обычай крестить хлебы. В эрзянских селах крестили все хлебы, в мокшанских – только первый, причем его никогда не давали взаймы. Существовала примета о связи первого хлеба с первенцем в семье: не следует отдавать хлеб в люди, чтобы сын не стал беспутным.

Сажали хлеб в печку с помощью широкой деревянной лопаты на заранее высушенных капустных листьях. Готовые хлебы обтирали водой для смягчения корки. В прошлом для определения готовности выпекаемого хлеба кусочек теста размером с кулак опускали в горшок с водой одновременно с посадкой хлебов в печь. Когда тесто всплывало, считалось, что хлебы пропеклись.

С хлебом у мордовского народа связано представление о богатстве и счастье. «Шумбра кши» («Хлеб здоровья») брали с собой сваты, начиная обряд сватовства. «Шумбра кши» помещали на дно паря с имуществом невесты (приданым) перед выездом ее в дом будущего мужа. «Шумбра кши» клали на стол в доме после рождения ребенка. «Хлебом здоровья» мордва встречала и провожала гостей.

Однако наиболее древним видом выпечки мордвы являлись пресные лепешки. На праздники пекли пироги (прякат *м.*, пряка *э.*) с репой, морковью, свеклой, капустой, картошкой, калиной, грибами. У мордвы был широко распространен рыбный пирог – рыбник, с начинкой из рыбы и пшенной каши. Мясо в качестве начинки к пирогам употреблялось очень редко. Любимым блюдом мордвы являются блины (пачат *м.*, пачалксет *э.*) из ржаной, пшеничной, пшенной, гороховой муки. Их делали очень толстыми. Для того, чтобы блины были мягкими и пышными в тесто добавляли крахмал или мятый картофель. Ели их с молоком и маслом. На праздники пекли ватрушки с картофельной или творожной начинкой, «жаворонков» и «кресты».

Из картофеля, капусты, щавеля варились щи (капста *ям*). Из пшена с добавлением небольшого количества картофеля готовили супы (шонгарям *м.*, вецаям *э.*). Из пшена чечевицы, гороха готовились жидкие каши. Их заправляли маслом. Пельмени с мясной, капустной и картофельной начинкой пришли к нам из Приуралья. О чем говорит название блюда «пельмени». Оно произошло от коми-пермяцкого слова и переводится на русский язык как «хлебное ухо».

Из гречихи, пшена, чечевицы и овса готовили разнообразные похлебки, каши и кисели. Свинина, говядина, баранина и мясо птицы для большинства крестьянских семей были только праздничным кушаньем. В древности мордва также употребляли в пищу конину. Правда, с принятием христианства конина из рациона мордвы стала постепенно выходить. Мясо (сывель) заготавливали впрок несколькими способами. Один из самых древних способов – сушка, который к XIX веку исчез, но в основном мясо солили и коптили. Иногда его хранили в замороженном виде. Сегодня это основной способ хранения мяса. Важное место в питании занимало молоко (лофца м., ловцо э.). В свежем виде его употребляли очень редко. Из него делали сметану, масло, творог и сыр. Но любимым блюдом у мордвы было кислое молоко (шапама лофца м., чапамо ловцо э.). Его готовили обычно из снятого кипяченого или топленого молока, которое охлаждали до температуры парного и смешивали с закваской – старой простоквашей. Выдержав молоко в теплом месте до загустения, его выносили в погреб.

Куриные яйца (ал) ели весьма редко. Потому что они шли на продажу горожанам. Лишь небольшая их часть использовалась в виде обрядовой пищи, например, на Пасху.

Большое место в рационе питания занимали овощи. До XIX века главной овощной культурой в крестьянских хозяйствах была репа. Ее ели как в свежем, так и вареном виде. Со второй половины XIX века главенствующее значение приобрел картофель (модамарь). Сейчас его часто называют «вторым хлебом» и без него не обходится ни одна семья. Капусту, огурцы и помидоры на зиму засаливали, а морковь, лук, свеклу складывали в подполье в свежем виде.

Мёд (медь), также как и куриные яйца, шел только на продажу и приготовление ритуальных напитков, особенно пуре – медовухи. Мед использовался в качестве ясака. Шведский посланник И. Кильбургер, посетивший Россию в 1673 – 1674 годах, говоря о мёде, отмечал, что «в провинции Мордве собирается все-таки наилучший»¹.

Издавна лакомым кушаньем мордвы являлась рыба (кал). Из свежей рыбы готовили первые и вторые блюда, её солили, сушили и коптили. Она была важным товаром не только на местных базарах, но и в Москве, Петербурге и даже за границей, особенно сурская стерлядь.

Широко использовались ягоды рябины, черемухи, малины, ежевики, земляники, а особенно калины, которая служила начинкой для пирогов, а смешанная с пшеном – для приготовления каш. На зиму ягоды сушили и реже из них варили варенье. Правда, в последнее время ягоды сушат редко из них, в основном, делают варенье, компоты и замораживают. Особенно ягодам радовались дети.

С давних пор любимыми были грибные кушанья. Из грибов (панга) готовили первые и вторые блюда, их жарили, солили, сушили, в последнее время некоторые сорта грибов стали мариновать и замораживать.

¹ Мокшин Н.Ф. Материальная культура мордвы... С. 91 – 92.

Покупные продукты в питании крестьян в конце XIX – начале XX века занимали очень небольшое место. Лишь изредка с базара привозили баранки, пряники, сахар и чай.

Многие кушанья употреблялись только при свершении обрядов и на праздники. Так, например, яичница была обязательной на мордовских общественных молениях. Потому что издавна яйца считались символом плодородия. Обязательным блюдом на крестинах была пшенная каша. Кроме того, у мордовского народа с ней связано специальное общественное моление – бабань каша (бабья каша). В эрзянской свадьбе последний день пребывания невесты в доме своих родителей назывался кашадо ярцамо чи (день каши), с которого и начиналась свадьба. Некоторые праздники и по сей день не обходятся без своих кушаний. Например, к Пасхе варят куриные яйца, окрашенные настоем луковой кожуры. Начиная с XX столетия в число обрядовых блюд к церковным православным праздникам в некоторых эрзянских селах стал входить «лапшевник». В селе Старая Селя Никольского района он готовится в печи из лапши, масла, яиц, пшена, сметаны. На масленицу обязательно пекут блины, которые своей круглой формой напоминали солнце и как бы символизировали приближение весны, а вместе с тем начало сельскохозяйственных работ. Как уже говорилось выше, из мёда на праздники готовили ритуальные напитки. Например, у мордвы с давних пор известен медовый напиток – пуре. Старинный рецепт его приготовления заключался в следующем: 2,5 фунта (1 кг) мёда разводили четвертью (3 л) воды и добавляли хмель. После брожения процеживали через слой соломы и костры.

На праздники пили и хмельные напитки – позу. Процесс её приготовления был длительный, трудоемкий и требовал особых навыков. В старину позу делали только из ржаной муки, позднее, уже во второй четверти XX века, её стали варить также из свеклы (красной и, особенно, из белой, сахарной). Для получения браги из ржаной муки вначале приготавливали солод из проросших, затем пареных и высушенных в печи зерен ржи, которые перемалывали на ручных мельницах или толкли в ступах. Солод смешивали в определенных пропорциях с ржаной мукой, заливали холодной водой и ставили в чугунах в печь на два – три дня. Полученный раствор сливали в специальную кадушку с краном внизу, добавляли в него лузгу, обычно от проса или гречихи, перемешивали, вновь разливали по чугунам и ставили в жаркую печь, чтобы масса загустела, покрылась бурой коркой. Заслон печи замазывали глиной для длительного сохранения высокой температуры.

Тем временем подготавливали кадушку. На дно опускали деревянную решетку, которую застилали ржаной соломой, а промежутки затыкали пучками ржи, колосьями вниз. Выкладывали ржаной соломой и стенки кадушки. В подготовленную таким путем кадушку выкладывали массу из чугунов и заливали кипятком. После остывания сусло спускали через кран в сосуды. Вымыв кадушку, сливали в нее всю полученную после очистки жидкость и добавляли закваску, в качестве которой использовали осадок от

старой браги или её специально готовили из хмеля, дрожжей. В завершение процесса брагу разливали в глиняные сосуды.

Для приготовления позы из свеклы ее очищают, нарезают на небольшие кусочки и парят в печи два – три дня. Затем разминают, смешивают с ржаной мукой и вновь томят в печи. Дальнейшие процедуры те же, что и при получении позы из солода и ржи. Позу, как и другие напитки, раньше черпали старинным ковшом с резной ручкой, выдолбленным из целого обрубка дерева.

Неалкогольные напитки употреблялись как в праздники, так в будние дни. У мордвы это, в первую очередь, квас и кисель. В жаркую летнюю погоду пили кислое молоко, разбавленное водой. Чай, любимый сегодня всеми напиток, появился у нас в крае довольно-таки поздно. Вместе с чаем во второй половине XIX столетия стали распространяться и самовары. Самовар стал олицетворением гостеприимства, семейного благополучия и материального достатка. Чаепитие у самовара в крестьянском быту распространялось медленно, так как самовары оставались всегда сравнительно дорогими. Чай пили в большинстве случаев с «таким», то есть заваривали в кипятке сушеную морковь, свеклу, листья смородины, душицы, зверобоя, иногда еще добавляли топленое молоко. «Фамильный» и «кирпичный» (настоящий) чай пили только на праздники, либо с сахаром «вприкуску», либо без сахара «вприглядку», то есть смотря на кусочки сахара, положенные на блюде. Эта традиция сложилась в силу того, что вплоть до середины XIX века сахар в Пензенском крае был привозным. Везли его сюда из-за границы и из других районов страны. Поэтому стоимость этого продукта была высокой. Кроме того, набожные люди долгое время считали сахар скоромным продуктом и не употребляли его в постные дни «думая, что сахар делается из крови».

Как правило, в крестьянских семьях было трехразовое питание (завтрак, обед, ужин). Пищу готовила хозяйка дома, если семья была большая, то ей помогали младшие женщины. Обычно трапезы совершали всей семьей, за общим столом. Разreshалось «хлебать» после того, как старший в семье ударял ложкой по краю миски, после второго удара разрешалось есть. За обеденным столом размещались в определенном порядке: мужчины и дети садились ближе к переднему углу, остальные места занимали женщины, среди них снохи – «молодушки» – садились на самый край стола, так как они подавали на стол. Если семья не умещалась за одним столом, то сначала ели мужчины, а затем женщины и дети.

Рацион питания менялся в зависимости от времени года. Осенью и зимой ели каши, пироги, мясо. Весной же не только не было мяса, но очень редкими были каши, в основном преобладали молочные продукты. Лето было самым трудным временем года, потому что мучные, мясные блюда и каши исключались из рациона и большинство крестьянских семей вели полуголодное существование.

У мордвы с давних пор **домашняя утварь** и посуда изготавливались из глины и дерева. Из глины делали миски, горшки, корчаги, цедилки,

сковородки и т.п.; из дерева – миски, чашки, ложки, половники, солонки и т.п. Лишь во второй половине XIX века в крестьянский быт начинают входить металлические изделия. В это время металлическая домашняя утварь состояла из чугунок, железного ковшика, кочерги, ухвата, ножей, косаря, а все остальное по-прежнему делалось из глины и дерева.

Мука и крупы обычно хранились в деревянных ларях, парях и сусеках, которые стояли либо в сенях, либо в чуланах, либо в амбарах. Для просеивания муки делали решето. Питьевую воду обычно держали в кадках и ведрах. Зимой они стояли у печи, а летом в сенях. Воду из колодца носили в ушатах или ведрах, на деревянных коромыслах. Более низкие ушаты – лохани – ставили под рукомойник. Рукомойником служили чугунные или глиняные сосуды с двумя симметрично расположенными носиками для слива воды. Зимой его подвешивали к потолку в запечье, а летом на крыльце.

Молочные продукты хранили в глиняных кринках и горшках (сяканя м., чакш э.). Мёд разливали в липовые кадушки или глиняные сосуды. Яйца, сушеные грибы и другие подобные продукты хранили в берестяных туесках и кузовках. Плетеные из липовой, березовой, ольховой коры кузовки (парга м., парго э.) и лукошки (кептерь м., кептере э.) брали с собой в лес по ягоды и грибы. Соль держали в деревянных солонках (салдоркс) самой разнообразной формы. В поле обед носили в плетеных лыковых сумках или холщевых мешках. Кислое молоко, квас и пиво наливали в деревянные ведра с носиком для слива и крышкой. Для сбора картофеля и грибов обычно использовали плетеные из прутьев корзины. С распространением в начале XX века стеклянной посуды (четвертей), в которой возили в город молоко, стали плести для бутылей специальные футляры.

Сливочное масло готовилось в специальных деревянных пахтальницах. Для получения растительного масла использовали деревянный короб с отверстием, через который при давлении на семенную массу вытекало масло. В деревянных корытах (очка м., очко э.) металлическими тяпками рубили капусту. Для её засола, как и мяса, грибов, мочения яблок использовали дубовые кадушки. В липовых месили тесто.

Белье стирали в деревянных корытах, лоханях и ступах. Стирка в ступах более всего была распространена в мордовских селах. Полоскали белье в реке, куда его носили на деревянных коромыслах. Воду из белья выколачивали тяжелыми дубовыми вальками. После просушки его наматывали на деревянную скалку и прокатывали длинным ребристым вальком – рубелем. Утюги стали появляться в крестьянских избах только в конце XIX века.

В больших лыковых коробах хранили одежду. В конце XIX столетия в богатых крестьянских семьях стали появляться деревянные, обшитые железом сундуки, с ручками по бокам. Мордва также использовали крупные долбленные из цельного дерева кадушки (сундуки) – пари. В них, как правило, хранили приданое невесты.

Из глины сначала налепом, затем с помощью гончарного круга делали горшки (сяканят м., чакшт э.), чашки (шаванят м., вакант э.), кувшины.

Сваренные жидкие блюда, как и каши, подавали на стол в деревянной или глиняной чашке, накладывали большой деревянной ложкой, ели также деревянными ложками (пенч). Напитки подавались в деревянных братинах и глиняных кувшинах, горшках, пили их из деревянных и глиняных стаканов, кружек, ковшей (кечить).

В начале XX века в Пензенском крае крестьянская домашняя утварь под влиянием городской культуры начала постепенно меняться. В обиход входит фаянсовая посуда: тарелки, чайники, кружки. Для молока стали употребляться стеклянные четверти. Домашняя утварь пополнялась железными ведрами, чугунами, металлическими ложками и т.п. Все шире в быт стали входить керосиновые лампы.

В настоящее время посуда и домашняя утварь сельского жителя мало отличается от посуды и утвари жителей городов. Хотя в хозяйстве продолжают использоваться глиняные кринки, горшки, корчаги, а также деревянные кадки и бочонки. Но это связано со спецификой сельского быта.

ГЛАВА III.

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА И СЕМЬЯ

Ученые называют объединение крестьян, живущих в одном или нескольких селениях и решающих совместно земельные, хозяйственные, налоговые и другие вопросы, **общиною**. Сами крестьяне называли это объединение «миром», или «обществом». Официально, в бумагах властей, тоже обычно писали «общество», а не община.

И действительно община это целый мир – мир крестьянина. Из учебников по истории вы уже имеете представление об общине. Но в них община представлена таким образом, что её основной целью было перераспределение земли. На самом деле крестьянин мог проявиться только в жизни семьи и общины и их взаимодействии. Здесь столетиями копился социальный опыт крестьян. Он был так же многообразен как приемы хлебопашества. И как в земледелии крестьянин приспособливал эти приемы, сложившиеся в результате длительной коллективной практики, к конкретным природным условиям, так и община изменялась, перестраиваясь в зависимости от социальных обстоятельств.

Сельская или соседская община пришла на смену родовой общине ещё в эпоху «военной демократии», когда появляется неравенство, складывается государственность и народность. По предположению историков у мордвы этот процесс начался в X –XI веках. В рамках общины на основе обычного права регламентировался ряд существенных аспектов экономической, социально-политической и культурно-бытовой жизни мордовской народности. Социальный состав мордовской общины был неоднороден ещё до присоединения Мордовской земли к Русскому государству. Включение мордвы в российский социальный организм усилило процессы её дифференциации. Богатые и зажиточные дворохозяева, формально «выборные», составляли опору официальных властей, доминировали над «рядовыми» общинниками.

Соседская община, бывшая основой общественной структуры мордвы начала приспособливаться к господствующей в стране феодальной системе. Причем в зависимости от частных владельцев вплоть до отмены крепостного права находилось не более десяти процентов мордовского крестьянства. Основную его массу составляли «ясашные», затем «государственные» крестьяне, находившиеся в феодальной зависимости непосредственно от государства, то есть государственные крепостные. Земли, которые они обрабатывали, и бортные ухажай, в которых занимались лесными промыслами, в силу феодального права считались пожалованными им государем. В пользу государя они должны были выплачивать феодальную ренту – подать (натурой или деньгами), нести другие повинности, не покидая этих земель.

Община представляла собой коллектив, который обладал общей собственностью, в первую очередь, на землю. Вся пахотная земля, луга, пастбища, леса принадлежали всей общине. Кроме того, общей собственностью считались пруды, озера, дороги, мосты, выгоны, улицы, переулки, поэтому ремонт мостов и дорог, чистка прудов и т.п. были обязанностью всех членов общины.

В повседневных делах община обладала значительной самостоятельностью. Секрет определенной независимости общины в том, что государство было заинтересовано взять с деревни налог, а чтобы его получить наверняка, было выгодным переложить его сбор на самих крестьян.

До начала проникновения капитализма в деревню сельские общины у мордвы отличались своей замкнутостью. Они неохотно принимали в свою среду людей со стороны. В капиталистический период эта замкнутость была нарушена. Разорявшаяся беднота, не способная обрабатывать землю, часто отдавала ее в аренду или совсем отказывалась от земли. Если община не страдала от малоземелья, то она охотно принимала на пустующие земли людей со стороны, часто другой национальности, особенно русских.

В XIX веке у мордвы преобладали сложные общины. Они включали в себя несколько населенных пунктов. Подобная община представляла собой объединение нескольких простых общин (каждая размером от 9 до 50 дворов) в одно сельское общество.

Основным документом, который исходил от самой общины, был «приговор» – решение схода. Приговоры выносились устно, но наиболее важные записывались. Сельский сход состоял из глав семей или старейшин семей от каждого двора, преимущественно мужчин. Исполнение административных функций (сбор налогов, податей, контроль за общественным порядком и другое) возлагалось на выборных должностных лиц – старост, сборщиков податей, десятских. Всех их выбирали на сходе большинством голосов. Старост обычно избирали на три года, всех других должностных лиц – на один год. Сход выносил решения, выполнять которые обязаны были все члены общины.

Пахотная земля периодически делилась по числу мужчин, которые были зарегистрированы во время ревизии государственной администрацией. Поэтому во всех документах того времени они назывались ревизскими душами. При этом учитывались все мужчины в семье, включая младенцев. Срок перераспределения земли зависел от решения сельского схода. В конце XIX века пахотная земля перераспределялась через каждые 12 – 15 лет. В малоземельных общинах переделы устраивались гораздо чаще – через 3 – 5 лет. Землю делили весной перед началом полевых работ. Этим самым выравнивалось количество земли, имевшееся в пользовании отдельных семей. В одних семьях состав увеличивался, в других – уменьшался. Поэтому одним семьям земли не хватало, другие наоборот не были в состоянии её обрабатывать, и община это положение регулировала при помощи периодических переделов. Участки земли по жребию перемещались от одного хозяина к другому. Но полного уравнивания земли между семьями в

общинах не было, так как она давалась только мужчинам, женский состав семьи при этом не брался в расчет. Но зато и денежные и натуральные повинности, которые выполнял крестьянин, распределялись между ними по количеству земли, приходившуюся на каждую семью.

По количеству мужчин в семье перераспределялись и сенокосные участки. Общинными лесами пользовались все крестьяне по мере надобности. По решению схода каждый год отводился определенный участок леса для рубки дров. Пастбища, выгоны, водопои не подлежали никакому разделу, и ими пользовались все жители селения сообща.

Община строила общественные амбары, в которых хранился страховой запас зерна, предназначенный на случай каких-либо стихийных бедствий. Также обязанностью общины была забота об осиротевших детях. На сельском сходе им назначался опекун, который отличался хорошим поведением и пользовался уважением общины, обычно это был какой-либо родственник. Сход периодически контролировал опекуна, заслушивая отчеты о его деятельности. Община могла вмешиваться и во внутрисемейные дела. В первую очередь это было связано с системой круговой поруки, то есть она следила, чтобы семья была способна платить налоги. Но община вмешивалась и в дела состоятельных семей. Это было связано со спецификой быта мордовской общины, в которой соседские отношения тесно переплетались с родственными. В общинах действовал негласный закон родственной помощи, какой бы тяжелой и нежелательной она ни была. Единство общины выражалось и в общих молениях с жертвоприношениями, в праздниках, свадьбах и т.п.

Капиталистические отношения способствовали расслоению общины, с одной стороны выделялись зажиточные крестьяне, с другой – бедные. Развивающиеся товарные отношения заставляли крестьянина вести сельскохозяйственную продукцию на рынок. Главным предметом продажи был хлеб. Для того, чтобы получить богатый урожай хлеба, нужно землю обрабатывать более тщательно, применяя новые агротехнические приемы, удобрения и т.п. Но этому-то и мешали общинные переделы земли, так как земля, за которой ухаживал крестьянин, могла перейти к другому. Это одна из причин, что с конца XIX века переделы становились редкими, а где-то уже начинали носить формальный характер. В это время все большее значение получает аренда земли. Землю арендовали как зажиточные крестьяне, так и бедняки. Беднота арендовала землю, чтобы как-то выжить и не умереть с голоду. Правда, часть крестьян искала средства к существованию в заработках на стороне, увеличивая этим самым число отходников, чьи земли община могла сдавать в аренду. Зажиточные крестьяне путем аренды земли увеличивали производство товарной продукции, в основном хлеба.

Но все же община всегда пыталась отстаивать интересы крестьянства, насколько это было возможно в конкретных социально-политических условиях. При этом ей необходимо было учитывать и интересы отдельного хозяйства, и всей общины в целом. Разрешение противоречий, связанных со взаимоотношениями хозяйства отдельной семьи и жизни всего селения –

общины – и создавали основу для накопления большого социального опыта. Значительная часть этого опыта принадлежит к непреходящим культурным ценностям человечества и с огромным успехом может быть использована и сегодня.

Община и семья были организующим началом во многих сферах жизни крестьян. **Семья** не только воспитывала и вела совместное хозяйство. Она еще являлась основным носителем глубоких традиций, связывающих человека с окружающим его миром, хранительницей коллективного опыта. Но все же хозяйство определяло уклад семейной жизни. И, прежде всего, форму семьи.

Анализ актового материала XVII века показывает, что в это время у мордвы бытовали две формы семьи: неразделенная и малая. Первая состояла из совместно живущих с главой семьи групп родственников по прямым либо боковым линиям с несколькими брачными парами («у отцов дети, у братьев братья, у дядь племянники»), вторая – из одной брачной пары с детьми или без детей, иногда с иными родственниками. В связи с тем, что до 1719 года основной единицей податного обложения был жилой двор, мордва старались сократить число дворов за счет уменьшения семейных разделов, вопреки проводимой дворцовым ведомством политике увеличения числа тягловых дворов, путем выдела («розсаживания») членов семьи. В ходе Ландратской переписи 1716 – 1717 годов обнаружилось стремление уклониться от обложения посредством увеличения скученности населения двора. Однако в конце XIX века подобных семей почти не осталось. Сохранились лишь большие семьи, где жили близкие родственники – глава семьи, его женатые сыновья и иногда женатые внуки (3 – 4 поколения). Обычно в таких семьях жило от 12 до 40 человек. Экономической основой большой семьи являлись: совместная обработка, выделенной части общинной земли, а также общая собственность на орудия труда, усадьбу, жилище и совместное ведение домашнего хозяйства. Причем все члены семьи были обязаны трудиться. Старики выполняли наиболее легкие домашние работы или присматривали за малолетними детьми. Вся тяжелая физическая работа выполнялась мужчинами. Это, прежде всего, обработка земли. Большой круг обязанностей в такой семье лежал на женщинах. В страду ни одна женщина не оставалась дома, даже если у нее был грудной ребенок. Она брала его с собой, положив в люльку, висевшую у нее за спиной. Женщины помогали косить и сушить сено, убирать хлеб с полей, молотить и веять зерно. Кроме того, все огородные работы, за исключением вспашки, выполняли женщины. Также они ухаживали за домашним скотом, за исключением лошадей. Так как пищу в доме в основном готовили женщины, они и распоряжались всеми домашними продуктами, и мужчины не вмешивались в их дела.

Малые семьи, входившие в состав большой, не имели никакого отдельного имущества (за исключением приданого снох).

Большая семья не всегда помещалась в одном доме. Поэтому строились второй, а если необходимо и третий дома на одной усадьбе. Но, несмотря на

на что, пища в такой семье готовилась на всех. Причем каждый знал свое место за общим столом.

Во главе семьи стоял обычно старший мужчина. Он ведал всеми работами в семье, заботился об её благополучии и считался ответственным за все неудачи и несчастья, которые претерпевала его семья. Глава семьи распоряжался всем имуществом, но не имел права злоупотреблять своим положением, так как оно принадлежало всей семье. Если же он неправильно распоряжался имуществом, то его разбирали на сельском сходе. Поэтому прежде чем что-либо купить или продать устраивался семейный совет, в котором наравне с мужчинами принимали участие и женщины. Но решающее слово всегда оставалось за главой семьи.

Отношения между мужем и женой обычно характеризовались сердечностью. Муж по всем вопросам советовался с женой. Так, например, мордовское обычное право осуждает человека, который грубо относится к женщине, а тем более к жене. «С соседом обходись рублем, а с женой – лаской», «За девушкой ухаживать не будешь – чувств её не разбудишь», «Живут – друг другу угождают, друг друга уважают» – гласят мордовские пословицы. Поэтому кроме главы огромную роль в большой семье играла старшая женщина, обычно его жена. Ей подчинялись все женщины. Она распоряжалась домашним хозяйством, и мужчины не имели права вмешиваться в ее дела.

Женщина в большой семье должна была «одевать» мужа и детей. С этой целью для каждой снохи выделялась конопляная полоса, которую обрабатывали все мужчины вместе, но убирала ее каждая женщина отдельно (основной технической культурой, из которой изготовлялась одежда, была конопля). Если сноха получала в приданое овец, то она стригла с них шерсть, пряла и ткала сукно для зимней одежды. Но в отсутствие у нее личных овец ей выделяли общую шерсть, для изготовления одежды мужу и детям. Вообще снохи в семье занимали особое положение. Потому что они пришли туда из другого рода. Снохи приносили в большую семью приданое. Отношение к нему в разные исторические периоды было различным. В период феодализма, когда большие семьи были прочными, приданое вливалось в общее хозяйство семьи, и сноха не имела на него никаких особых прав. В капиталистическую эпоху, в связи с распадом больших семей, это положение изменилось. Женщина, выходящая замуж в большую семью, знала, что рано или поздно она вместе с мужем и своими детьми выделится из этой семьи и будет жить отдельным домом. Поэтому приданое стали считать собственностью снохи и оно уже не вливалось в общее хозяйство большой семьи. Положение снох в большой семье не было одинаковым. Особым почетом и уважением пользовались старшие снохи. Самым тяжелым было положение младшей снохи. Ей приходилось больше всех работать и всем угождать. Однако главным, что определяло положение снохи, были её личные качества (доброта, уживчивость и трудолюбие). Ее поведение в семье регламентировалось строгими неписаными правилами. Сноха не пряталась

от свекра и от других мужчин в семье и всю жизнь не могла показывать им открытой головы и голых ног.

Дочери в больших семьях занимали несколько иное положение, нежели снохи. Они пользовались большей свободой и выполняли меньше работ, так как считались временными в семье. Потому что рано или поздно они должны выйти замуж и покинуть семью. Дочери обычно помогали работать в поле, но домашним хозяйством занимались мало, так как им нужно было шить, вышивать, пряхсть, ткать – готовить себе приданое. Они не имели никаких прав на семейное имущество. Выходя замуж, дочь получала только приданое, размер которого зависел от решения семейного совета или главы семьи. При распадах больших семей она, как правило, оставалась с родителями, или, если их не было в живых, с кем-нибудь из братьев, который обязан был выдать её замуж.

О неоднозначном положении женщины в семье может говорить следующий пример. У мордвы были случаи, когда после смерти главы большой семьи его жена становилась во главе семьи и выполняла все его функции. Несмотря на то, что в семье были женатые сыновья. Односельчане называли её не по собственному имени, а по имени мужа с прибавлением языкового компонента “ыресь” (Иваныресь и т.п.).

С проникновением капиталистических отношений в деревню патриархальные устои больших семей ослабевали. Этому во многом способствовало отходничество, которое повышало экономическую самостоятельность и самосознание младших членов семьи, усилило в них стремление к ограничению власти домохозяина и созданию самостоятельного хозяйства. Это приводило к обострению взаимоотношений, к ссорам и, в конце концов, к разделу семьи. Причем процесс разложения больших семей среди различных групп крестьянства проходил по-разному. Зажиточные семьи распадались сразу на несколько малых семей. Но в большинстве случаев распад происходил медленно, постепенно, часто растягиваясь на несколько лет. Сначала выделялась семья старшего сына, затем следующего по возрасту и т.д. В доме родителей оставался обычно младший сын. Такой медленный распад больших семей был связан только с экономическими причинами. Потому что каждая малая семья, выходящая из большой, должна была иметь самое необходимое (дом, скот) для ведения самостоятельного хозяйства. Поэтому большая семья, выделив одну семью, собиралась с силами, чтобы выделить следующую. Выделялись малые семьи обычно мирным путем, «полюбовно», но если такого не случалось, в этот процесс вмешивался сельский сход.

При разделе общесемейного имущества всегда придерживались определенных традиций. Если делилась большая семья, состоявшая из родственников различных степеней родства, то раздел имущества производился по древнему обычаю – поколенно. Например, если в семье жили дядя и несколько племянников, то имущество делилось на две равные части, одну получал дядя и его семья, другую – племянники, независимо от их количества и численности их семей. Если же семья состояла из отца и его

женатых сыновей, то при разделе имущества эта традиция уже не действовала. Отец считался хозяином всего семейного имущества, он его и делил по собственному усмотрению. Бывали случаи, когда отец, выделяя сына, ничего не давал ему, и тот довольствовался только приданым жены.

Долгое время считалось, что сохранение больших семей являлось феодальным пережитком. Но если внимательнее присмотреться к крестьянской жизни, то оказывается, что это было не так уж плохо. Более того в этом было много разумного, обеспечивающего устойчивость «двора» как первичной и основной хозяйственной единицы. При таком взгляде мифическая «отсталость» оборачивается ценным опытом, который учитывал национальные, природные и прочие особенности.

Основным типом семьи в Пензенском крае со второй половины XIX века становится малая индивидуальная семья. Во главе такой семьи также стоял мужчина – муж, отец. В его распоряжении находилось все семейное имущество. Он платил налоги и представлял семью на сельском сходе. Жена не имела никаких имущественных прав в семье. Ее собственностью было только приданое. Но женщина в такой семье была более самостоятельна, чем в большой. Она подчинялась только своему мужу. В малой семье не было такого разделения труда между женщинами и мужчинами. Здесь женщина в большей степени участвовала в полевых работах, помимо того, что она вела домашнее хозяйство и воспитывала детей. Дети в крестьянских семьях рано привыкали к труду. С 7 – 8 лет мальчик уже начинал бороться с полем, а девочку приучали прясть, вышивать, выполнять разные домашние работы.

Капиталистические отношения оказали значительное влияние на быт малой семьи. Главным из которых было постепенное нарушение патриархальной замкнутости. Но, несмотря на это, женщина по-прежнему не пользовалась правами ни в семье, ни в обществе. Она не имела прав на получение земли в общине, не допускалась на сельский сход. После смерти мужа, хозяина и главы семьи вдова, если у нее были несовершеннолетние дети, возглавляла семью, но не получала прав на владение имуществом семьи, которое считалось собственностью её детей.

В советское время брак превратился в равноправный союз мужчин и женщин, в котором нравственные отношения стали занимать главенствующее положение, что обусловило изменение всех сторон современной семьи. Однако её роль в материальном и нравственном благополучии человека очень велика. Поэтому из поколения в поколение люди проявляют заботу о создании и сохранении семьи.

Полевые исследования этнографов из Мордовского научно-исследовательского института гуманитарных наук, проведенные в Пензенской области в 1990-х годах показали, что среди мордовского населения преобладают малые семьи из одного – двух поколений. Причем неуклонно идет рост семей состоящих из одиночек. Данный процесс

характерен почти для всех народов России, начиная с 70-х годов XX столетия¹.

Сейчас общенациональной стала проблема рождаемости. Повсюду в России преобладающей является малодетная семья. Причинами такого явления можно считать низкое материальное состояние и медицинское обслуживание людей, последствия морального и психологического кризиса 1990-х годов, природно-климатические условия и т.д. Низкий уровень рождаемости влечет за собой множество проблем. Он прямо или опосредованно влияет на увеличение лиц преклонного возраста, на рост дефицита трудовых ресурсов, нарушает оптимальность половозрастной структуры населения, увеличивает число женщин, рождающих ребенка в возрасте от 30 лет и старше. В связи с этим сельские населенные пункты, где чаще умирают, чем рождаются, стали обыденным явлением и как итог – сокращение сел и деревень, а в перспективе ликвидация малонаселенных субъектов Российской Федерации.

Значительное место в жизни человека занимали, да и занимают **семейные обряды и обычаи**. Они устраивались по поводу начала некоторых сельскохозяйственных работ, переселения в новый дом, вступления в брак, рождения ребенка и т.п. Поэтому мы расскажем о наиболее ярких и значимых семейных праздниках.

Большим разнообразием отличались обряды и обычаи, связанные со вступлением в брак.

Браки между близкими родственниками были запрещены. Пожениться могли родственники не ближе седьмого колена родства. До XIX века у мордвы был обычай левирата. После смерти мужа вдова выходила замуж за его младшего брата или племянника. Обычай сорората, то есть когда вдовец женился на сестре умершей жены, был распространен в гораздо меньшей степени. Например, существовал такой обряд: когда вдовец приходил сватать сестру умершей жены и получал отказ, он старался незаметно положить на стол каравай хлеба и убежать. Если ему это удавалось сделать, то отказ считался недействительным. Но браки по обычаям левирата и сорората были очень редкими, как правило, они заключались в чисто экономических интересах, в стремлении сохранить имущество и рабочую силу в своей семье.

Браки между людьми разных национальностей имели очень незначительное распространение. Главной преградой при заключении таких браков являлись религиозные различия. Поэтому даже в конце XIX – начале XX века межнациональные браки заключались между русскими и мордвой.

Девушки выходили замуж обычно в 17 – 18-летнем возрасте, а парни женились не моложе 19 – 20 лет. Но бывали и исключения, когда невесты были намного старше женихов. Это явление историки объясняют экономическими условиями малой крестьянской семьи. Чтобы поскорее получить дополнительные рабочие руки в семье, отец стремился пораньше

¹ Николаев С.Д. Типология и структура современной сельской семьи Пензенской области // НА НИИГН. И-1314. Л. 2, 4.

женить своего сына, не дожидаясь его совершеннолетия. Бывало так, что 8-летнего мальчика женили на 25 летней девушке.

У мордвы браки были патрилокальными, то есть жена переходила в семью мужа. Переход мужа в дом жены мог быть только в особых случаях. Например, если в семье жены не было сыновей и чтобы сохранить хозяйство, её родители брали в дом зятя. В такие зятя, которых в деревне называли примакими шли неохотно. В селе к ним относились с пренебрежением. Пойти в примаким заставляла только великая нужда, поэтому ими становились парни из очень бедных семей. Пока были живы родители жены, примак не пользовался никакими правами в семье. Он становился хозяином только после их смерти.

Жениха или невесту обычно выбирали родители, не спрашивая согласия парня и девушки. При выборе невесты основное внимание уделялось имущественному положению её семьи, затем трудоспособности и трудолюбию девушки и в последнюю очередь её уму и красоте. Поэтому при заключении браков не последнюю роль играли выкуп за невесту и приданое. Образ выкупа невесты уходит своими корнями в седую старину, когда каждый род берег девушку для себя и не хотел уступать ее чужеродцам. Если же парню понравилась девушка из чужого рода, то, чтоб иметь её женою, ему необходимо было её похитить. Это похищение, естественно, вызывало вражду между родами. Поэтому похититель, не дожидаясь межродовой войны, предлагал за девушку вознаграждение, что, в конечном итоге, породило обряд выкупа невесты. Величина выкупа зависела от зажиточности семьи жениха. Богатые давали большой выкуп, бедные – самый незначительный. В тесной экономической связи с выкупом стояло приданое, которое невеста должна была принести с собой в дом жениха. Здесь также богатые родители давали своей дочери все необходимое в хозяйстве, начиная от лошадей с упряжью и заканчивая ложкой. Бедные же только – одежду. Приданое обычно переходило по наследству от матери к дочери.

Во второй половине XIX – начале XX века у мордвы существовало три способа заключения браков: 1) путем сватовства; 2) путем похищения невесты; 3) путем добровольного ухода девушки к жениху без согласия родителей (в народе такие свадьбы назывались «самокрутками»).

При заключении браков по сватовству соблюдались все свадебные обряды, которые были очень многообразны и сложны. Первым этапом такой свадьбы был обряд сватовства (лядяма м., лядямо э.). Он начинался с предварительной договоренности о сватовстве. К родителям невесты для начальных переговоров посылались крестные либо тетка, либо дядя. В доме девушки посланный обязательно садился под матицу, так как считалось, что она «спутывает», «связывает», поэтому пришедших нельзя выгнать. Разговор начинался с посторонних предметов, а затем переводился в нужное русло. Этот процесс обычно затягивался родителями невесты для того, чтобы о нем узнало большее количество людей и, таким образом, давалась возможность посвататься и другим женихам. Если выбор был сделан и родители невесты дали согласие на брак, устраивали сговор. Основное внимание на нем

уделялось размерам выкупа, приданого и подаркам, которые должны быть подарены родственникам, как со стороны жениха, так и со стороны невесты. Через родителей отец жениха дарил невесте серебряную монету, а мать – платок и украшения. Невеста, в свою очередь, также дарила им подарки, кроме того, она передавала подарок жениху и его родственникам.

Накануне свадьбы в доме невесты проводили «день каши» (кашадо ярасмо чи). Её родственницы собирались в доме девушки, принося с собой горшок пшенной каши, и каждый она должна была попробовать. Каждой женщине, принесшей кашу, невеста в причитаниях выражала свою благодарность и жаловалась на судьбу. В некоторых селах невеста сама обходила родственные дома.

Широко распространенным предсвадебным обрядом было мытье невесты в бане (стирень баня м., тейтерень баня э.). Перед баней одна из подруг расплетала косу невесте и отдавала её матери накосник, а волосы перевязывала лентой. Весь обряд сопровождался причитаниями невесты.

Вторым этапом свадьбы было – пиршество или сама свадьба. Утром в доме жениха родственницы пекли свадебные пироги, их насчитывалось от 5 до 9. Каждый из пирогов имел свое название и назначение. Затем с ними родственники жениха отправлялись к невесте. Причем, приглашенные на свадебный пир обязательно приносили в дом жениха провизию (муку, масло, яйца и многое другое), без неё на свадьбу приходиться было нельзя. Родственницы невесты, в свою очередь, пекли пирог, предназначенный будущему зятю.

Жених на свадьбе активной роли не играл. Во многих селах он даже не ездил за невестой. Утром свадебного дня жених мылся в бане, надевал новую одежду. Для предохранения от нечистой силы в его одежду на грудь и спину втыкали иголки, после чего он вместе с родственницами отправлялся за свахой, которая играла главную роль в свадебном поезде. Обычно свахой (кудавой) бывала крестная мать жениха. Ею не могла быть девушка, беременная женщина или вдова. Вторым лицом по почету и важности в поезде являлся уредев. Его обязанность охранять жениха и весь поезд от порчи и распоряжаться столом. Уредева молодушка стыдилась и боялась больше, чем свекра: она до конца жизни не могла произнести вслух его имени, как и имени свекра. При уредеве она не могла садиться.

Обряд подъезда свадебного кортежа к дому невесты назывался кудань вастома. Он начинался с того, что сваты вставали у ворот, и сваха исполняла песню. Одну из таких песен записал выдающийся просветитель мордовского народа Михаил Трофимович Маркелов в 1921 году в селе Мачкасы (текст приводится в транскрипции и переводе автора):

Панджидаіа, панджида,
Васыла таркаста ардыникъ.
Нолдамизь-ка, нолдамизь,
Кедень бильгинь эжд'ама,
Каринь бракстань кост'ама,
Кяниря пакарьяга кедемь балцьть,

Пуспангава пильгимь балц
Вача пякинь андума,
Листа іат'а карчизым,
Боіарава- свахинимь,
Визд'ан киіакс ланга молемамь.
Кивиса валызь киіаксыт,
Визьд'ан эземь бр'аздыт озама,
Сиіаса валуфт эземеть
Нака кундыкь боіарава-свахинимь,
Теньцеть кеца баславканьть,
Кода чумбраста баславимизь,
Ист'а чумбраста сыникь,
Ил'а варьть, дугакай, ил'а варьть,
Ауль юамама сайд'адызь,
Ауль арама сайд'адызь.

Открывайте-ка, открывайте,
Из дальнего места приехала.
Впустите-ка, впустите,
Руки, ноги согреть,
Лапти, портянки высушить.
По локти руки иззябли,
По колена ноги иззябли,
Голодных накормить,
Выходи-ка навстречу,
Барыня-сваха.
Стесняюсь идти я по полу,
Оловом залит пол твой,
Стесняюсь сесть я на лавку,
Серебром залиты твои лавки,
На-ка, возьми, барыня-сваха,
В свои руки благословение.
Как в здоровьи благословили нас,
Так в здоровьи прибыли мы.
Не плачь, сестрица, не плачь,
Не для потери тебя берем мы.
Не для (того, чтобы) извести тебя берем мы.

Подруги и родственники невесты запирали ворота и двери, требуя от приехавших выкупа. Только после того как они его получали жениха и тех кто приехал с ним впускали в дом, где их ждало угощение. Войдя в дом, поезжане, в свою очередь, ставили на стол пироги и другую еду, затем после моления начиналось угощение. А невеста в это время со своими подругами находилась в соседнем доме, откуда вскоре сваха, дав определенный выкуп, приводила и усаживала её в передний угол к жениху. После окончания

пиршества родственницы невесты одаривали поезжан. Затем родители невесты ее благославляли. Только после этого молодые в сопровождении друзей и родственников ехали в церковь венчаться, а оттуда в дом жениха.

В доме жениха молодых встречали хлебом-солью. Невесту осыпали хмелем, желая ей быть радостной и многодетной. Затем участники свадьбы входили в дом, где начиналось пиршество. Этот день заканчивался обрядом укладывания молодых.

На второй день группа ряженных со стороны невесты шла с шуточными прибаутками в дом жениха, где продолжалась свадьба.

На третий день свадьбы для молодых устраивали угощение их родственники. Этот обычай назывался од рвяня якафтома (м.), одирвань якавтомо (э.) – хождение молодой.

Послесвадебные обряды закрепляли вступление молодой женщины в род мужа и половозрастную группу замужних женщин, а также укрепляли отношения между родами мужа и жены.

К обрядам приобщения молодой к новому роду относились: уборка невестой всего дома после свадьбы; хождение за водой с коромыслом, когда вся родня мужа и соседи собирались смотреть умеет ли сноха носить воду коромыслом, не прольет ли воду? В древности этот обычай означал представление нового члена семьи богине воды Ведяве; посещение молодой бани вместе с новыми родственницами в первую субботу после свадьбы и их одаривание. На следующий день молодая вместе со свекровью ходили к её родителям за прялкой (штерень-пакарень кис). Спустя две-три недели после свадьбы за молодушкой приезжали урываля и увозили её гостить к отцу, где она жила около месяца. Этот обычай назывался меки потама (м.), мекев потамо (э.) – возвращение, отступление. На пасху молодушку водили по домам родственников мужа, а также принимали в женское сообщество на празднике «авань поза» – женская брага.

Заметный отпечаток на мордовские свадебные обряды оставило язычество. Так, в своих многочисленных причитаниях женщины обращались с просьбами к покровителям дома, двора, бани, умершим предкам. Яркой иллюстрацией сказанного может послужить текст причитания невесты, который был записан М.Т. Маркеловым в 1921 году в селе Мачкасы (текст приводится в транскрипции и переводе автора).

Ауф покштяйтня, ауф покштяйтня,
Сай-джись лисимя поланзи,
Сада, пеняцязь покштятня.
Ваннумазь покштятня,
Кода чарафтан, кода вялафтан
Аюф тятятняй, тятятняй,
Баславамак тятякай,
Лама тятькас, лама авкас,
Аюф маштан тятьканям,
Ломань мелень ванума,
Ломань горэнь гирдимя,

Аюф вят'ан тятяй, аюф вят'ан,
Ушка паласа баславканьть.
Баславамака тятяняй,
Аф кафта чине эр'ама,
Аф кафта вяня удума,
Баславамака тятяняй,
Кувака пиньгинь эр'ама,
Кувака пиньгинь бячтима.

Деды-прадеды, деды-прадеды,
Пришел день выходить замуж,
Придите с жалобой, деды-прадеды,
Посмотрите на меня, деды-прадеды,
Как буду кружиться, как повернусь,
Отцы вы, тятенька,
Ко многим отцам, ко многим матерям.
Не умею, тятенька,
На людской произвол смотреть,
(подчиняться людскому произволу),
Людской характер держать
(под чужим влиянием жить),
Не прошу, тятенька, не прошу,
Погоди-ка поцелую благословение.
Благослови ка, тятенька,
Не два дня жить (замужем),
Не две ночи спать,
Долгую жизнь жить,
Долгую жизнь проводить.

Кроме того, совершались различные магические действия: суть одних сводилась к тому, чтобы молодая имела много детей (осыпание головы хмелем), суть других – предохранение молодых от «нечистой силы» (покрывание головы невесты, троекратный обход свадебного поезда). В прошлом большое место, в мордовских свадебных обрядах отводилось медведю, как покровителю рода невесты. На свадьбе он был символом деторождения, силы, достатка и требовал к себе особого уважения и почитания.

Необходимо также отметить, что многовековое проживание мордвы и других народов Пензенского края в сходных природно-климатических и исторических условиях, тесные экономические и культурные контакты между собой привели к идентификации целого ряда черт в их производственной и культурно-бытовой жизнедеятельности, в том числе в свадебных обрядах.

В современной обрядности мордвы наблюдаются три направления развития: 1) критическое осмысление большинства традиционных обрядов и

призыв к их несоблюдению; 2) тенденция к сохранению свадебной обрядности, но в трансформированном виде; 3) стремление к соблюдению полного традиционного обряда. Каждое из этих направлений воплощается в своем типе современной свадьбы мордвы. В частности, наиболее радикальным выражением первого направления в недалеком прошлом являлась так называемая комсомольская свадьба, во многом напоминающая «красную» свадьбу 1920 – 30-х годов. Сценарий её проведения, как правило, был лишен национального колорита. Этот тип свадьбы, несмотря на его усиленное введение, особенно в 1950 – 70-е годы, в быт народов нашей страны, включая мордву, все же не получил массового распространения.

Второе направление выражено в переосмыслении, трансформации мордовской свадьбы. Общий сценарий остается традиционным, но многие его элементы и этапы приобрели новое содержание и чаще всего имеют и новые функции. Этот обрядовый комплекс характеризуется определенными местными особенностями и варьируется в зависимости от степени использования в нем традиционных элементов. Упрощается свадебный ритуал, теряет прежнюю жесткость его регламентация, переосмысливаются многие сохранившиеся обряды, оттеняя их шуточную, развлекательную окраску («знакомство» родственников невесты с хозяйством жениха, первый выход невесты за водой, отплясывание свадебного пирога и т.д.). В силу того, что молодые предварительно сами договорились о женитьбе, сватовство как обязательный обряд свадебного ритуала приобретает лишь символический характер. Жених и его наиболее близкие родственники приходят в дом невесты, чтобы обсудить срок свадьбы, размеры расходов с обеих сторон, хотя некоторые элементы традиционного сватовства при этом сохраняются. Например, сваты, как и прежде, садятся под матицу, ведут разговор в аллегорической форме.

Третье направление, как и первое, также не получило на практике широкого распространения.

Саратовский краевед Сергей Александрович Щеглов в 1902 году описал свадьбу по сватовству в селе Наскафтым (ныне Шемышейский район Пензенской области): «После венца из церкви молодых привезут к жениху на двор. Невеста становится в телеге и начинает вопить. Позади телеги стоит мужчина «уредев» (друг), у которого в правой руке «тор» (танка). К вопящей невесте подходят двое мужчин и берут ее на руки, а она обнимает их своими руками за шеи. Таким манером её вносят на крыльцо избы, где её встречает пожилая женщина, одетая в вывороченный полушубок с вывороченной же шапкой на голове, называемой «офта» (медведь). Она кидает на молодую горсть хмеля и говорит: «Как легок хмель, так пусть будет легка твоя нога». Затем молодую вносят в избу и ставят около печки. Там ей дают немного закусить. У молодой голова закрыта платком. Через час молодую ведут в амбар, где приготовлена уже постель и где её ожидает молодой. Подойдя к двери амбара, провожающие молодую говорят: «Вяргис кундак ревя!» («Волк, волк лови овцу!»). Тогда молодой открывает дверь и берет молодую за руки и тащит в амбар. Если молодой тщедушный, а

молодая сильная, то ему помогают «уредев» (дружка) и сваха (кудава – авт.). Потом молодых запирают в амбаре, а родственники их гуляют, т.е. пиршествуют и веселятся. На другой день молодых поднимают и приводят в избу. Молодая всё ещё покрыта платком. Тут зовут мальчика, который снимает с головы молодой платок и говорит (если она взята, например, из деревни Арапиной в Наскафтым) «Арапинась чополгаць, Наскафтымьсь валдылгаць» (в Арапине потемнело, а в Наскафтыме рассвело). Потом он три раза обернет платок вокруг головы, после чего платок повяжут концами назад. Молодая тогда со всеми раскланивается и подносит всем браги. Через два или три часа ей дают другое имя, смотря по тому, за кого она вышла замуж: за старшего, среднего или младшего сына этой семьи. «Аша-ава» (белая баба) в первом случае, «пра-ава» (хорошая баба) во втором, «вежа-ава» (меньшая баба) – в третьем. Давая новое имя, берут каравай хлеба, прикладывают молодой ко лбу и стучают обухом топора по хлебу, при этом говорят: «Пара-ава, вежа-ава, эр’ак лямьс аша-ава» («Хорошая баба, меньшая баба, будешь носить имя белая баба»). После этого гости собираются уходить, на улицу выносят стол с брагой и вином, и молодая выходит провожать гостей, исключительно родню со стороны молодого. Тут сваха поет: «Вай-дяк, вай-дяк, вай-дяк! И дявя вай-дяк, вай-дяк-дяк! Пасиба кшизынк, салызынк! Пасиба пара валузунк и пасиба ломанькс тямзунк! Меze сэвиник семиник Вере-пазысь пешт’асэ!» («Вай-дяк, вай-дяк, вай-дяк-дяк! И дявя вай-дяк, вай-дяк-дяк! Спасибо за хлеб, за соль! Спасибо за хорошие слова и спасибо за почет! Что съели и выпили – Господь вам дополнит!»)¹.

Нами записаны воспоминания Т.А. Асташкиной о том, как проходили свадьбы по сватовству в селе Вышелей Городищенского района в 1930 – 1940-е годы: «Свадьбу играли один раз в год в Михайлов день, то есть 18 ноября. Сватовство начиналось с приходом родителей и родственников жениха в дом невесты и передачи родителям невесты сапожек и платка. Родители же невесты им передавали сапоги и пояс. Причем сапоги жениха и невесты должны быть одинаковыми. Жених собственными руками должен был изготовить кровать, на которой молодые будут спать в новом доме. Невеста не сидела сложа руки – она готовила собственное приданое: шила одеяло, подушки, простыню, полотенце. Полотенце девушка самостоятельно вышивала как для свадебного стола, так и для венчания в церкви. Свой свадебный наряд невеста также шила и вышивала сама.

Накануне свадьбы невесту подготавливали её самые близкие подружки, при этом они рассказывали о будущем муже.

Прежде чем молодые сядут в коляску или сани, отец невесты должен был с иконой обойти лошадей, а эту икону отдать дружке жениха. Затем сваха или крестная мать невесты, связав жениха и невесту полотенцем, обводила их вокруг свадебного поезда три раза по часовой стрелке. Перед ними ходил уредев. У него на груди висело полотенце, в руке сабля, которой он на

¹ Маркелов М.Т. Избранные труды. Саранск, 2009. С.209 – 210.

каждом углу дома творил крест. У свахи на груди венок из метелок, окрашенных в разные цвета. Только потом молодые садились в коляску или сани. Этот обряд связан с тем, что мордва верили в то, что молодых могли сглазить в любой момент свадьбы, особенно они были не защищены в момент отъезда из дома невесты.

Первый день свадьбы играли в доме жениха. Во второй день искали ярку (молодую жену) в доме жениха, а когда находили, шли гулять в дом невесты. В третий день гости шли в баню. Мать жениха дарила веник парню, который должен вскоре жениться».

Вторым способом заключения брака являлся обычай похищения невесты. Он возник в глубокой древности, но в XIX веке этот обычай на прямую зависел от экономических возможностей семей жениха и невесты. Потому что такая форма заключения брака позволяла сократить многочисленные свадебные расходы, путем не выполнения многих свадебных ритуалов. Похищение обычно происходило с согласия девушки. Поэтому молодые заранее договаривались о времени побега. Иногда к похищению прибегали в случае не согласия родителей невесты выдать её замуж за того человека, за которого она хотела выйти. Бывало и так, что девушку увозили и без согласия. В данном случае её прятали в соседней деревне у родственников жениха. Спустя некоторое время начинались переговоры с родителями невесты на предмет их согласия на этот брак. Они шли долго, но в конце концов, примирившись с совершившимся фактом, начинались переговоры о размерах выкупа и приданого. Так, в XIX веке жених из села Пиксанкино решил с товарищами украсть девушку-красавицу из соседнего села Наскафтым. Но их сговор не остался в тайне, он стал известен родителям девушки. Они решили примерно наказать участников этой затеи следующим образом. Самая старая родственница девушки переделалась в её платье. Она-то и была похищена пиксанцами. Только по прибытии домой похитители обнаружили подлог. Не состоявшийся жених и его товарищи были опозорены так, что об этом рассказывают старожилы Наскафтыма и по сей день.

Третьим способом заключения брака был добровольный уход девушки (без согласия родителей) к жениху. Это наносило оскорбление родственникам невесты и вызывало их недовольство. При этом они не пытались её вернуть и вынуждены были вступить в переговоры с родственниками жениха по поводу оформления брака. В такой ситуации условия бракосочетания диктовались стороной жениха.

Активное участие в свадьбе принимали родственники жениха и невесты. Их личное участие считалось обязательным. Всякое уклонение от свадьбы строго осуждалось общественным мнением. Несмотря на семейный характер, по смысловому содержанию свадьба далеко выходила за рамки семьи и превращалась в праздник для всего села. На ней во всей полноте проявлялись народные таланты.

Рождение ребенка всегда было событием огромной важности для каждой семьи. Родильные обряды и приметы были ориентированы в основном на

удачный исход родов, сохранение и защиту здоровья матери и ребенка. Они подразделялись на три цикла:

1. Обряды и приметы, связанные с беременностью;
2. Сопровождающие появление ребенка на свет;
3. Послеродовые обряды очищения.

Причем для родильных обрядов, характерна скрытность, таинственность. В них участвовал узкий круг лиц – сам новорожденный, его матушка, свекровь, теща или повивальная бабка как главные исполнители. Отец, свекор, тесть, родственницы, соседки и священник были в этих обрядах персонажами второго плана.

В традиционной обрядности мордвы, связанной с рождением ребенка прослеживается много аналогий с соседними народами. Девушку с детства берегли и готовили к семейной жизни и к роли матери.

В период беременности женщина соблюдала запреты в отношении определенных предметов и действий, чтобы роды прошли благополучно и ребенок был здоров. Беременная женщина должна была избегать огласки срока родов, не участвовать в ссорах (дитя будет нервным), грубо обращаться с животными – пинать свинью, кошку, собаку (ребенок будет мучиться волосяницей), женщине также запрещалось хранить что-либо за пазухой (у младенца появятся бородавки или пигментные пятна), перешагивать через оглоблю (ребенок родится горбатым), пить воду из ведра (ребенок будет страдать насморком), смотреть на покойника и посещать кладбище (роды будут тяжелыми). Если беременная была вынуждена участвовать в похоронах близкого человека, то должна была носить в кармане серебряную монету. Причем все эти приметы женщины стараются соблюдать и по сей день.

Существовали приметы определения пола будущего ребенка: если живот у беременной острый, выдающийся вперед – значит, родится мальчик, плоский и широкий – девочка.

Рожать уходили тайно в одиночку либо в сопровождении повитухи, которая знала, как правильно принять младенца, остановить послеродовое кровотечение, заговорить младенца от золотухи и других болезней. Как правило, роды проходили бане. Для их облегчения совершались разнообразные магические действия, имитирующие «свободный выход» ребенка из чрева матери: развязывались узлы на одежде роженицы, распускались ее волосы, открывались печные трубы и двери во всех жилых и хозяйственных постройках.

Судьбу новорожденного мордва пытались определить по некоторым приметам уже в день его рождения. Если он родился в «рубашке» (около плодная пленка), то его ожидала счастливая судьба. Родившийся утром был обречен на трудную жизнь, требующую многих усилий. На легкую жизнь мог надеяться ребенок, появившийся на свет вечером. Если ребенок крикнет несколько раз и замолчит, то долго жить не будет – слабый. Продолжительный детский крик означал, что ребенок родился крепким и будет жить долго. Первое обмывание новорожденного совершала повитуха

или же бабушка младенца, положив в воду деньги. Родившейся девочке, прежде всего, умывали лицо и ягодицы, чтобы она была красивой и хорошо сложенной. Во время купания говорили слова-пожелания, чтобы девочка выросла пригожей. Мальчика начинали мыть со спины, чтобы вырос широкоплечим, крепким и здоровым. Иногда мальчиков парили дубовым веником, чтобы были сильными и здоровыми, долго жили, а девочек – березовым, чтобы росли красивыми.

Для перевязывания пуповины чаще всего использовались волосы матери, играющие роль оберега для ребенка. Считали, что сохранность отсохшей пуповины обеспечивает благополучие ребенка. Поэтому ее тщательно прятали за матицу или в сундук. Новорожденному старались как можно быстрее дать имя, так как боялись, что ребенок, умерший без имени, не найдет свое место на том свете, т.е. душа его будет блуждать.

В день рождения ребенка дома устраивали моление над хлебом – кшинь озондома (м.), кши ознома (э.). На стол ставили каравай хлеба – шумбракши, кашу, яйца, и повитуха или свекровь молодой матери поднимала хлеб и молила Нороваву беречь младенца, дать ему счастья и здоровья.

На обеспечение новорожденному в будущем богатой жизни был направлен обряд качания колыбели – лавсень нюряфтомс (м.), лавсень нурсемс (э.). Отец роженицы делал колыбель, а мать пекла лепешки и пироги. При их выпечке она приговаривала: «Пахарем пусть будет», если родился мальчик, или: «Пряхой пусть будет», если родилась девочка. Лепешки и пироги помещали в зыбку и все женщины, присутствующие при этом обряде, по очереди качали её, желая ребенку сытой и здоровой жизни.

Одним из самых торжественных обрядов детского цикла было крещение (кстиндамо м., лемдема э.). К нему готовились все родственники новорожденного. Важная роль в проведении крестин отводилась крестным родителям: крестной матери – крестной тядя (м.), крестной ава (э.) и крестному отцу – крестной аля (м.), крестной тетя (э.). Кума готовила подарки ребенку: рубашку, крест, шапочку, пояс, пеленку, в которую принимали младенца от попа после купели, причем девочку принимала кума, а мальчика – кум. Между крестниками и крестными были очень близкие отношения. Это выражалось во взаимопомощи, в подарках, которые они дарили друг другу по праздникам.

Младенца следовало окрестить в течение шести недель после рождения. До этого женщина считалась нечистой, поэтому она принимала пищу за отдельным столом. Ей запрещали замешивать квашню и вообще стряпать из теста. Народное средство первичного преодоления такой нечистоты у мордовских женщин состояло в трехкратном посещении бани роженицей и ребенком. Завершалось послеродовое очищение с крещением дитя в церкви и омовением лица и рук матери водой крещенской купели.

После крещения в течение трех-семи дней знакомиться с новорожденным приходили, соседи, знакомые и родственники. Идти знакомиться полагалось обязательно с угощением, иначе жизнь ребенка будет необеспеченной. Имя человеку давалось при крещении. Его определял

либо священник (по святцам), либо родители. Из седой старины пришел обычай, когда имя давала повитуха по своему выбору. Иногда ребенка называли по месту или времени его рождения. Так, если он появлялся на свет во время жатвы, его могли назвать «Нуяльте» (от нума м., нуема э. – жатва), если рождался на пашне — «Паксяльте» (от пакся – поле), во время уборки «Кочкельте» (от кочкамс – убирать) и т.д. В тех семьях, где дети умирали часто, новорожденному давали имя первого встречного человека, предмета или животного. Обоснованием такого выбора имени было то, что поскольку встретившийся человек, животное или предмет здравствуют, так и ребенок будет здоровым и счастливым.

Как и сейчас, в былые времена любимым занятием детей были **игры**. Давайте посмотрим, в какие игры играли наши прадедушки и прабабушки. Все без исключения игры в сельской местности проводились на свежем воздухе. Игры были направлены на воспитание у человека воли, внимания и чувства товарищества, а также способствовали их физическому укреплению. В то время большинство игр были подвижными. Причем мальчики имели свои игры (в «бабки», «шар», «чижа», «лапту» «прятки» и другие); девочки играли отдельно от них и имели «девчачьи» игры (в «краски», «горшки», «пары», «жмурки» и другие). Зимой же девчонки и мальчишки любили кататься на санках и «ледянках» с горы. Лыж и коньков в селах раньше практически не было. Иногда, особенно в морозную погоду, девчонки и мальчишки играли дома. В селе Новые Пичуры Наровчатского района нам удалось записать правила подобной игры, которая называлась «Карёкт». В неё играло от 5 до 8 человек. Один был водящим, а остальные садились рядом на кровать или скамью, как можно ближе друг к другу. Затем прятали руки за спиной и кто-то один брал карёкт (что-то наподобие ремешка) и передавал его соседу, а тот, в свою очередь, своему соседу и т.д. Задача водящего отнять карёкт у сидящих. Он подходил к ним и обнимал того, у кого, по его мнению, был карёкт. Если он не угадывал, то его били по спине этим ремешком, и все начиналось сначала. Если же водящий находил того, у кого карёкт и его отнимал, то он садился на место проигравшего, а тот становился водящим.

Событием исключительного трагизма в жизни каждой семьи являлась смерть близкого человека. Этому посвящены **похоронные и поминальные обряды**. В их основе лежала вера в загробную жизнь. Смерть представлялась как переход в мир иной, где для умершего продолжалось то же существование, что и на земле. Люди считали, что после смерти человек в потустороннем мире «сеет... хлеб, торгует, пьяница пьет, вдовец или холостяк женится, девушка выходит замуж. Как и на земле люди группируются в этом загробном мире по родам... Смерть не есть прекращение бытия, а особое состояние, в котором совершается переход в иную жизнь»¹. Умершие предки наделялись особенностью быть всеведущими и заботиться о благосостоянии оставшихся в живых потомков.

¹ Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895. С. 183.

Существовало представление о том, что живые должны заботиться об умерших, а те за это посылают свое благосостояние и счастье. Тех, кто не оказывал должного почтения предкам, они могли наказывать.

Похоронный обряд условно делится на три цикла: к первому относятся обрядовые действия, связанные с фактом смерти человека и подготовкой его к погребению; ко второму – относятся обрядовые действия и обычаи, связанные непосредственно с похоронами; к третьему – относятся поминки.

К наиболее важным обрядовым действиям первого цикла относятся обмывание и одевание усопшего. По сообщениям выдающегося русского этнографа XVIII века Ивана Ивановича Лепехина: «Мужской и женский пол снаряжают во гроб во все то платье, какое нашивали в праздничные дни»¹. Как бы дополнением служит высказывание блестящего знатока и исследователя религиозных верований восточных финно-угров начала XX столетия Уно Харвы-Холмберга: «Вначале (на мужчину – авт.) одевали рубашку и брюки, а затем лапти... На женщину вначале надевали три рубашки и три нижние юбки, пояс и только затем верхнюю одежду»². Мужчину снаряжали всеми необходимыми ему при жизни вещами в древности это были – кресало, кремь, меч, нож, ремесленные инструменты и т.д. в более поздний период – деньги. Женщину снабжали украшениями и предметами хозяйственно-бытового назначения: веретена, пряслица, льячки, иглы и т.д. Если усопшая была незамужней, кроме «всего прочего с ней хоронили головной убор замужней женщины, для того, чтобы девушка там могла выйти замуж»³. С принятием православия этот обряд постепенно стал исчезать.

Вскоре после смерти человека в его доме начинали собираться родственники и соседи. Покойного помещали на лавке в переднем углу, а рядом на окно ставили стакан с водой. Для того чтобы душа, выйдя из тела, окунулась в ней или утолила жажду. Эту воду называют ойме лисьма ведь (ойме – душа, лисьма – источник, ведь – вода). После смерти человека на стол ставили воду, хлеб, соль и зажигали свечу, на стену над покойником вешали полотенце и одежду. Это делалось для того, чтобы душа, которая, по представлениям мордвы, 40 дней находилась дома, не страдала от голода и жажды. На полотенце душа якобы отдыхала. После 40 дней полотенце и одежду отдавали первому человеку, пришедшему на поминки, или его брал кто-то из ближайших родственников покойного. Такой обряд существует и по сей день в селе Новый Мачим.

В дом покойного не приходили с пустыми руками, а несли с собой провизию или деньги. Появление денег в захоронениях Уно Харва-Холмберг объясняет следующим образом: «Почти повсеместно у мордвы в гроб были положены или укреплены на одежде монеты, которые, как предполагалось,

¹ Лепёхин И.И. Дневные записи путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771. С. 17.

² Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsenki, 1952. S. 27.

³ Harva U. Op. cit. S. 36.

нужны были для того, чтобы иметь возможность «купить себе место» на том свете или дать вознаграждение тому, кто переводил человека через «огненный поток»¹.

Важным элементом похоронного обряда являлось размещение тела умершего. В глубокой древности умершего заворачивали в луб или войлок. Причем этот обычай сохранился у мордвы вплоть до начала XIX века. Затем стали хоронить в колодах. Сохранились описания подобных колод: «По бокам колод делали четыре окошечка: по два с каждой стороны. Этот обычай был связан с представлением о том, что колода на том свете должна служить покойнику жилищем, а через оконце душа умершего должна по мере необходимости выходить на свободу»². Этот обычай сохранялся до начала XX века. Затем стали хоронить усопших только в гробах.

В похоронном обряде наибольшей сложностью отличался второй цикл, который был связан с выносом умершего, доставкой его на кладбище и погребением. День погребения выделялся и выделяется обрядовой насыщенностью, особой эмоциональностью и массовостью. Большая часть элементов этого обряда носила религиозно-магический характер и должна была обезопасить дом и всех живущих в нем от вредоносного воздействия смерти. Для этого принимались меры как коллективного, так индивидуального оберегания. Поэтому когда гроб с телом покойного выносили из дома, избу с целью «очищения» окропляли с веника водой, а усопшего просили дать оставшимся в живых долгую жизнь. После выноса из избы умершего в селе Вышелей (ныне Городищенский район) переворачивали табуретки или стол на котором стоял гроб. Но повсеместно в обязательном порядке в доме мыли пол. При выносе гроба из помещения старались «преградить смерти дорогу в этот дом». Для этого в одних селах его выносили так, чтобы не задеть им дверных притолок, иначе «смерть зацепит и других членов семьи»³. В других, наоборот, при выносе гроба им трижды касались верхней и нижней перекладины двери. В селе Старая Селя (ныне Никольский район) при выносе покойного со двора через ворота, гроб три раза поднимали вверх, для прощания усопшего с домом. За воротами останавливались и звали умерших ранее родственников встречать покойника. Когда его несли по улице, каждый родственник возле своего дома ставил стол, на котором были хлеб и соль, а также лавку для гроба с покойным. В недалеком прошлом гроб на кладбище носили на холстах, специальных носилках или отвозили на телеге. Причем на кладбище каждый род или большая семья имели свое определенное место. «Мордва хоронили своих

¹ Harva U. Op. cit. S. 37.

² Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия (из записок уездного землемера Милюковича, доставленных в 1783 году Масленникову, составлявшему в это время описание Симбирского насетничества // Тамбовские епархиальные ведомости. 1905. № 18. С. 223.

³ Несмелов Н. К истории и этнографии мордвы Инсарского уезда (села Паево и Пшеново), 1906 г. // Архив Русского географического общества. Ф. 28. Оп. 1. № 29. С. 11.

покойных по родам, так как считалось, что на том свете люди живут родами», – писал Уно Харва-Холмберг в начале XX века¹.

Священным местом у мордвы было кладбище. В давние времена кладбища устраивали подальше от жилья, у воды, по берегам рек, иногда за 100 верст от селения, а когда мордва стала крещеной – выбирали сухие места на пригорке.

Защитниками и хранителями кладбища считались Калмазорава и Калмазоратя. Полагали, что их место у ворот кладбища. Калмазораву называли «держательница всех могил», «хозяйка кладбища», «матушка». Она представлялась в виде женщины в белом одеянии.

Хозяевами-держателями называли первых похороненных на кладбище женщину или мужчину. Иногда во время основания кладбища хоронили не умерших, а изображения мужчины или женщины, вырезанные из разных пород деревьев (женщины – из березы, мужчины – из сосны или дуба), и давали им имена. Первого покойника, которого считали основателем кладбища, хоронили стоя с посохом в руках.

Хранителей кладбища почитали, обращались к ним, только тогда, когда на могилах предков проводили поминки, просили помощи в исцелении больного родственника или от женского бесплодия: «Хозяйка кладбища, старая Маре, ты хозяйка, ты покровительница над всеми покойными, сжался над Петром, кто-то из покойных причинил ему болезнь».

Чтобы лучше задобрить хранителей кладбища, в один из летних поминальных дней устраивали для них жертвоприношения.

В селе Новый Мачим перед тем как копать могилу необходимо было «откупить» могильное место на кладбище. С этой целью в ворота кладбища первой входила самая близкая родственница умершего с хлебом и солью. Выбрав место для могилы, она очерчивала её контуры и помещала в центре деньги.

Когда умершего приносили к вырытой могиле, в неё бросали захваченные кушанья, для того, чтобы расположить к погребаемому родичей, которые умерли раньше. Затем начинали опускать покойника в могилу, обращаясь к нему с просьбами простить всех и не бояться нового жилья. Гроб опускали на специальных холстах или полотенцах, которые по преданиям служили мостом через реку в загробную жизнь.

После помещения тела на дно могильной ямы его начинали засыпать. Затем над могилой устраивали холмик. В древности на нем ставили обрубок слепи, на котором вырезали тамгу – знак семейной собственности, позднее эти знаки стали помещать и на крестах.

Если первые два цикла похоронного обряда были отмечены страхом перед покойником, то в третьем – поминальном, об умершем заботились, старались задобрить, чтобы заручиться его покровительством. На следующий день после похорон ему носили завтрак. По этнографическим данным поминки совершались на третий, девятый, двадцатый и сороковой день после

¹ Harva U. Op. cit. S. 131.

смерти. На них приходили все родственники умершего, принося с собой что-нибудь съестное. На поминки в некоторых селах «приглашали» и умершего. Так, например, в селе Вышелей и по сей день, существует обычай назначать «эзем озай» (заместителя поминаемого покойника), к которому все родственники покойного должны обращаться так же как обращались при жизни к покойному. Совершив поминальный обряд в доме умершего, шли провожать его душу на кладбище. Здесь на могиле вновь раскладывали различную снедь. С кладбища возвращались с песнями и весельем¹. Особое значение придавалось поминкам на 40-й день после смерти. Считалось, что 40 дней душа находится ещё в доме, поэтому поминки в этот день были как бы окончательными проводами умершего в потусторонний мир. Эти поминки отличались большой торжественностью и театрализованностью. В этот день как бы пополнялись запасы питания, одежды и всего прочего, необходимого умершему в потустороннем мире. В старину с этой целью закалывали животное. Его мясо варили и съедали во время поминок, а кровь по частям разливали в каждое блюдо или использовали для приготовления поминальных блинов. Иногда разводили во дворе костер и через него перепрыгивали, в силу того, что наши предки верили в очистительную силу огня.

По традиции и сегодня до 40 дней в доме покойного на столе стоят хлеб и соль, на стене висит полотенце, перед иконой горит свеча. Соблюдаются и «проводы души». Участникам 40-дневных поминок раздают ложки, кресты, женщинам – головные или носовые платки, мужчинам – полотенца.

В заключение следует отметить, что мордовский похоронно-поминальный ритуал вплоть до конца XIX века не утратил некоторые черты язычества, в виде многочисленных магических действий. Для этого люди очень часто использовали огонь, воду, золу, нож и т.п. Однако в целом поминальные и погребальные обряды этого периода проходили в рамках православия. Выражая почтение предкам, люди рассчитывали на их покровительство и помощь в делах, ожидали исцеления от болезней, избавления от несчастий. Несмотря на то, что согласно христианству покойник бессилен оказывать какое-либо влияние на живых.

Яркую, очень живую, многообразную сторону крестьянской жизни представляли **традиционные народные праздники**. Они впитывали в себя что-то от каждого этапа развития общества. Постепенно создавалось единство сложных религиозных и этнических представлений, обрядов и обычаев, устного, музыкального, драматического, хореографического творчества. В XIX веке они достигли своей логической завершенности. Многие из них, несмотря на все перипетии истории, сохранились до наших дней.

Кажется удивительным, что у крестьян праздничная культура по своему богатству, яркости, всеобщности и роли в общественном сознании занимала

¹ Минх А.Н. Моляны и обряды мордвы Саратовской губернии // Этнографическое обозрение. 1892. № 4. С 125 – 126.

одно из ведущих мест. Между тем именно труженики особенно ценили время праздничного досуга.

Условно традиционные народные праздники могут быть разделены на две группы: календарные и праздники села.

Издrevле все праздники мордвы приурочивались к земледельческому календарю, с конца XVIII века, с принятием православия, они стали называться календарными. Многие из них остались почти не затронутыми влиянием христианства и справлялись как языческие. Да и те, которые приняли христианскую форму, не потеряли своих языческих особенностей. Ритуал каждого праздника прочно держался в народном быту.

Наиболее массовый характер, среди календарных праздников, носили празднества зимнего периода. В них участвовали все от «мала до велика». Но особенно народ любил Святки и Масленицу.

Время от Рождества до Крещения называли **Святками**. У мордвы-мокши он назывался «Роштувань куд», а у мордвы-эрзи – «Роштувань кудо» («Рождественский дом»). Праздник сопровождался разнообразными святочными обрядами, песнями, увеселительными играми, в которых участвовала главным образом молодежь.

Примечательной чертой этого цикла было колядование, или славление: молодежь ходила группами от двора ко двору, исполняла песни, посвященные Рождеству Христову, величание хозяину, хозяйке и их детям. Иногда парни и девушки объединялись в группы, вооружались колокольчиками, дубинками, лопатками, печными заслонками и с большим шумом ходили от дома к дому, отгоняя «нечисть», которая, по поверьям, особенно опасна в начальные дни года.

Пожалуй, не менее характерно, чем хождение славильщиков, было для святок участие ряженых. Наиболее распространенными у мордвы были маски зверей, особенно медвежьи. Большой частью наряжались парни и мужчины. Надевали они на себя вывороченные шубы, маски, иногда просто мазали лицо сажей, пугали людей, заходили в дома, просили угощения, смотрели, кто сколько напрял пряжи. У кого пряжи оказывалось мало, того валяли в снегу. Ряженный в маску медведя выступал в роли покровителя прядильщиц.

К вечеру забавы с ряжеными сменялись играми в избе – начинались святочные посиделки. На Святки молодежь обычно гадала. Вот как проходило гадание в селе Мачкасы в конце XIX века: «Гадали на многое. Побегут на берег Узы, лягут около проруби и слушают, что услышат; или услышат молотильщиков – урожайный год будет, или еще что. Ложились и на перекрестках дорог – сама ложилась – слышали все тогда, как скрипит телега со снопами – также к хорошему году. Ходили молодые люди ночью и на гумны из одоньев через головы (встает к одонью спиной – поднимает голову и ртом вынимает колос) колос с соломой вытаскивать. Если соломинка с колосом – хлеб хорошо уродится, если только соломинка вытаскивается – неурожайный год будет. Бабы выносили на улицу мочки и на ночь оставляли на улице – если мочка заиндевет – в наступающий год

будет хорошая пряжа конопляная, льняная, посконная. Перед Новым годом во всех домах едят горох: намочат и едят, чтобы уродился горох. Перед Новым же годом гадают и на отпечаток на снегу. Выйдут, если свежий снег падет, на улицу, ложатся на снег и отпечаток на снегу оставляют (до утра) – утром приходят отпечаток смотреть – если по отпечатку ходили – не будет во весь год счастья»¹.

В давние времена не забывали мордва и Кельме атю – старика-Мороза. На Рождество самый пожилой и почитаемый человек в крестьянской семье угощал Кельме атю ложкой овсяной каши, которую клали в дымоход, а угостив, гнали кочергой, но умиловленный старик не обижался. Весной тоже кланялись Кельме ате, прося не повредить посевы. Ставили для него на подоконник кисель.

Старик-Мороз ростом невысок, с длинной белой бородой. Снежные облака – его волосы, его дыхание вызывает стужу. Живет он в холодной стране в ледяном доме. Стены у дома, крыша и окна ледяные. Внутри дома лавки и печь ледяные, в печи ледяные дрова лежат. Кельме атя в снежной шубе и в снежной шапке за ледяным столом сидит, сосульки грызет.

На Новый год (Од киза м., Од ие э.) повторялся весь комплекс рождественских обрядов, некоторые в расширенном, либо видоизмененном виде. Расширялся круг гадающих, в этом обряде уже принимали участие не только молодые, но и старики, гадали не только о суженых, но и об урожае, о приплоде скота, о погоде. В новогоднюю ночь во многих селах жгли костры, прыгали через них. Этот обряд связывался с верой в очистительную силу огня. На крещение катались на лошадях по улицам и вокруг села.

Судя по записям известного финского ученого Хейкки Паасонена, в эрзянском селе Собакине Городищенского уезда Пензенской губернии Новый год олицетворялся в образе «матушки Нового года» («Од год матушка»). Обращаясь к ней, здесь говорили: «Новый год, матушка, мы молимся новому году. Смотри, здесь бар-бар пироги! («Бар-бар» – междометие, воспроизводящее блеяние овец – авт.). Мы молимся за овец, пусть размножается скот, пусть двор будет полон! Дай работающим здоровья!» Затем пироги съедали, отдавая остатки овцам.

Мокшане Наровчатского уезда в Новый год также совершали определенные церемонии, целью которых было вымолить удачу в разведении скота, особенно свиней. Здесь к Новому году забивали свинью, голову, ноги, уши и хвост которой отделяли от туловища и варили, а затем относили в конюшню².

По части веселья со Святками успешно соперничала Масленица, которая была последним зимним праздником в сельскохозяйственном календаре. Она являлась самым шумным, разгульным и любимым праздником. Не случайно в народе ее называли «пьяной», «широкой», «сырной», «святой», «разгульной» и т.п. Масленица праздновалась в течение последней недели

¹ Маркелов М.Т. Избранные труды. Саранск, 2009. С. 190.

² Мокшин Н.Ф. Мифология мордвы: Этнографический справочник. Саранск, 2004. С. 213.

перед Великим постом. Название Масленица возникло потому, что на этой неделе, по православному обычаю, мясо уже исключалось из пищи, а молочные продукты еще можно было употреблять. Погулять в волюшку перед семью неделями поста – таков был дух этого праздника. Масленица в отличие от Святков знаменита совсем другими развлечениями народа. На пензенщине дети обычно строили снежные городки. После завершения работы они делились на две команды, одна защищала городок, другая – штурмовала. Очень часто в эту игру включались и взрослые. Также во время празднования Масленицы строили карусель, имитирующую форму солнца и его лучей. Врывали на горе большой кол, на него надевали колесо, к которому лучшеобразно прикрепляли жерди, а к ним привязывали санки. Несколько человек крутили эту карусель, остальные катались.

На масленицу обычно выходили в общество молодожены, чему посвящался специальный обряд. Парни привозили большие салазки, двое молодых мужей садились на них друг против друга, на колени себе сажали жен, другие парни их катали. Молодушки за это их должны были угощать. Завершался праздник сжиганием символического чучела зимы.

Но, к сожалению, этот праздник сегодня уже редко празднуется. В настоящее время Масленица слилась с проводами зимы, сопровождаемыми катанием на санях, проведением состязаний и угощением блинами. К сожалению, и этот праздник начинает исчезать из быта сельской мордвы.

Весенне-летние обряды большей частью группировались вокруг крупных христианских праздников. Последним воскресеньем поста является Вербное воскресенье. По традиции в этот день в храмах совершался обряд освящения вербы. С давних времен считалось, что верба обладает магическими свойствами. Она будто бы предохраняет людей от козней злых духов, охраняет скот и посевы от разных бедствий. Это поверье органически перешло и в христианство. В связи с этим появился обычай слегка ударять друг друга вербой.

Большая группа обрядов концентрировалась вокруг Пасхи – одного из главных христианских праздников. В основе празднования Пасхи лежит история чудесного воскресения Иисуса Христа, распятого на кресте по приговору иудейского суда. Святость этого праздника была такова в глазах крестьян, что развлекательная сторона проходила приглушенно. В конце страстной недели хозяйки пекли куличи в обстановке строжайшего поста и молитв – нельзя было даже попробовать крупицу скоромного теста. В полночь на Крестный ход ходили, как правило, все. На Пасху люди обязательно христосовались, дарили друг другу яйца, священник с причетом ходил славить Христа по домам.

Обряд христосования заключался в обмене поцелуями при произношении пасхального приветствия «Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!». Он идет еще от тех дней, когда первые христиане, узнав о воскресении Иисуса Христа, радостно передавали эту благую весть и братски целовали друг друга.

Обычай дарить крашеные яйца очень стар. Многие народы считали, что яйцо символизирует тайну жизни, её первооснову. Символика пасхального яйца – ещё шире. Яйцо – одно из звеньев бесконечной цепи рождений и смертей: из «неживого» яйца рождается живое существо, которое сносит неживое яйцо, из которого, в свою очередь... Иными словами, яйцо – символ не только рождения, но и возрождения. Поэтому оно и стало главенствующим на Пасху.

У мордвы в первый день Пасхи девушки, образуя две группы, обходили все дома, совершая обряд, напоминающий колядование. Они выбирали из своей среды старосту – одну из тех девушек, которая принимала участие в этом обряде не менее четырех раз. В каждом доме к их приходу собирали два стола и угощали лучшими блюдами.

В мае праздновался Николин день, к которому мордва приурочивала языческие обряды: в поле старухами и стариками проводилось моление, посвященное сохранению озимых, а в селе свой обряд проводила молодежь. Нарядив заранее двух подружек парнями и двух барышнями, девушки ходили по улицам, веселя односельчан.

День Святой Троицы (Пятидесятница) праздновался на пятидесятый день после Пасхи. Этому дню предшествовала троицко-семицкая неделя. Именинами земли-матушки называли Троицу в народе. В этот день нельзя было вскапывать (тревожить) землю. Обычно в селах гуляли весело и шумно. Люди радовались пышному расцвету природы, приходу на землю света и тепла. Троица всегда зеленый праздник. Дворы, дома и церкви снаружи и внутри украшались зеленью и цветами. Главная же роль отводилась березе. Без троицкой березки этот праздник все равно, что Рождество – без елки.

Мокшане Белинского района издавна Троицу празднуют совсем не так, как мордва других районов. На Троицу в последнее её воскресенье в селах организуются кулачные бои с четко регламентированным началом и концом, определенным числом обязательных участников, «судебной» коллегией, местом проведения состязания (луг возле с. Линевка). В празднике участвуют не только местные жители, но и по возможности все, кто когда-то покинул свою малую родину. Функции данного празднества разнообразны: весело провести время (и в старину, и сегодня играют в орлянку и карты), познакомиться с девушкой или юношей. Еще совсем недавно понравившейся красавице дарили орнаментированную узорами палочку или прут; считалось, что принятие подарка является знаком выражения согласия на будущие встречи.

В кулачных боях выявляются сильнейшие мужчины. Возрастного ценза для участников боев практически никогда не существовало, лишь морально-этические нормы поведения сдерживали представителей среднего и старшего поколений. Своих представителей выставляют мокшане с. Пичевка, Козловка, Корсаевка, Киселевка, Линевка, Доньшино, Озерки, Пяркино, Светлый Путь, Преображенка и другие. В боях участвуют и жители русских сел Городок и Кукарки. Возраст зрителей колеблется от 16 – 17 лет до самого

преклонного. Отношение к бойцам во всех населенных пунктах очень уважительное.

К месту проведения кулачных боев начинают собираться около 15 – 17 часов. На лугу участники и зрители образуют круг 20 x 20 (30 x 30) метров. Внутри него могут находиться только бойцы и судьи. Последние являются, как правило, представителями старшего поколения, нередко в прошлом сами хорошие бойцы. В руках у них прутья, по некоторым данным, орнаментированные узорами, которые, по всей видимости, когда-то носили информационный или магический смысл. Судьи формируют пары из желающих принять участие в бое. Кроме желания бойцов учитываются возраст и физические данные. В 19 – 20 часов, когда набрано нужное количество пар, начинаются бои. Следует указать, что как победитель пары, так и побежденный могут бороться по нескольку раз, но уже с другими противниками. Получившие травму, сильный ушиб, нокаут, исключаются из дальнейшего состязания. Бои останавливаются при появлении крови и нокауте. Кроме того, со стороны судей и зрителей к участникам предъявляются определенные требования: наносить удары только руками; не зажимать в руках никаких предметов; не трогать упавшего соперника; возобновлять бой только после того, как упавший поднялся и изъявил желание продолжать схватку; прекращать бой сразу после поднятия руки судьей и т.д. Судьи и зрители строго следят за тем, чтобы бой не переходил в драку, это морально и физически наказуемо со стороны как судей, так и зрителей. Через 1,5 – 2 часа после окончания схваток пар начинаются бои на выявление сильнейшего – «на любака». Все правила остаются в силе. Упрощается лишь ряд требований: не ограничивается количество участников и в меньшей степени учитываются их возраст и физические данные (примерно равные масса и рост). Каждый сам рассчитывает свои возможности. В ходе этого отбора остается только пара сильнейших, которая и заканчивает эти своеобразные соревнования. Следует отметить, что победитель получает чаще всего лишь моральное вознаграждение. По всей видимости, за длительный период существования этих боев выработался своеобразный «кодекс чести» участника. Проигравшие обычно не держат зла на победителей, потому что в будущем году, хорошо подготовившись, могут взять реванш. «Бейся открыто, при людях – пусть видят, что ты честно вызвал кого-либо на схватку и выиграл (проиграл), держись постоянно в хорошей физической форме, исключи из памяти месть и зло, и ты сможешь стать победителем», – говорят участники этих состязаний¹.

В последний день Троицы устраивали её проводы. Во многих селах этот праздник носит название Тундонь ильтема (Проводы весны). Раньше в эрзянском селе Большое Пермиево (Никольский район) перед праздником юноши каждого конца села предлагали кандидатуры девушек на роль

¹ Николаев С.Д. Современные праздники и обряды мордвы Пензенской области // Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре. Труды НИИГН. Саранск, 2005. Т. 4 (121). С. 107 – 108.

березки (символ плодородия). После тщательного обсуждения и отбора оставляли двух-трех, которые считались не только красивыми, но и скромными, добродетельными (в русском обычае был примерно аналогичный отбор «русалок»). В это же время девушки на посиделках договаривались об украшениях и месте, где должны были наряжать березки. В настоящее время это носит спонтанный характер.

Праздник начинался с игры мужчин – катания раскрашенных яиц. Участники соревнования расставлялись попарно по ширине оски (городка). Выбитые яйца игрок брал себе, часть из них шла потом на плату за «коня». Одновременно на месте, где наряжали березки, девушки и женщины делали различные украшения из разноцветных кусочков ткани, лент, бумаги, фольги, цветной проволоки, ранее – из живых цветов.

Во второй половине дня молодежь с. Большое Пермиево с песнями под гармонику шла в лес выбирать березу. По некоторым данным, при её выборе исполнялся ряд магических действий с приношением каких-либо даров хозяйке леса Виряве. Украшать березу начинали около 15 – 16 часов. В этом участвовали женщины всех возрастов. Каждая семья была обязана принести либо украшение, либо материал для его изготовления. Перед началом праздника девушки по очереди шли переодеваться в праздничную одежду. Ни в коем случае нельзя было оставлять березку без присмотра. Потеря её до или во время торжеств, по мнению жителей села, могла привести к несчастью.

К 18 – 19 часам собирались все участники праздника. Исполняя русские и мордовские песни, частушки, процессия направлялась к центру села. По словам старожиллов, это место считалось священным, т.к. раньше здесь бил родник, а позднее была построена часовня. Во время праздничного шествия исполнялись «Тундонь морот» (веснянки), среди которых были «Вай, пакся, вай, нумонне» («Ой, поле, ой, полевой участок»), «Розь паксяв» («На ржаное поле»), «Пакся ало лужомне» («Ниже поля лужок»), «Адядо, ялгат, адядо, оят» («Пойдемте, товарищи, пойдемте, друзья») и другие.

Во главе процессии одного конца села шел гармонист, позади – женщина. В окружении юношей и мужчин она несла украшенную березку, на вершине которой был прикреплен букет украшений, называемый «счастье». Ближе к месту сбора начиналось восхваление красоты березки в песенной и речитативной формах. Порядок процессии другого конца села был несколько иным. Здесь впереди всех шествовал юноша с березкой, по бокам которого шли молодые девушки, а после них – гармонист и остальные участники. Уже около «священного» места начиналась оценка красоты березок с переплясами и частушками, при этом березки постоянно держали в руках.

С этого момента во дворе ближайшего от места сбора дома начинали делать «коня». Для этого брали две палки толщиной с черенок лопаты и соединяли их через просверленные в четырех местах отверстия свитыми из мочала жгутами. Эти черенки во время движения клали на плечи идущих. Последние просовывали голову между жгутами. В с. Большое Пермиево голову коня делали из соломы или сена, в с. Карамалы использовали череп

лошади. Шкурой мог служить брезент, ранее – домотканое полотно. Хвост и гриву делали из мочала. На голову «коня» надевали уздечку, которая четко фиксировала его лицевую сторону. Иногда специально выделяли глаза. Голову на палке нес идущий впереди. Во время изготовления «коня», в котором участвовали только мужчины, специально назначенный юноша или мужчина с войлочной шляпой или фуражкой обходил участников праздника, требуя платы за это и исполнение роли «коня». Раньше платой были яйца и деньги, сейчас – только деньги, на которые покупают вино и угощение. В это же время юноши высматривали среди присутствующих двух самых красивых, на их взгляд, девушек (заранее выбранных и назначенных на эту роль). Договорившись между собой, юноши внезапно хватали их, взваливали на плечи и несли в дом, во дворе которого изготовлялся «конь». Не так давно во время проведения данного праздника девушки старались спрятаться в укромных местах (подвалах, на чердаках и т.д.), а юноши – отыскать их. При этом нередко происходили совсем не шуточные столкновения между девушками и юношами, братьями и родственниками девушек. Это объяснялось тем, что девушки, которым было 17 – 19 лет, согласно обычаю, в течение года обязательно должны были выйти замуж, чего в этом возрасте не особенно хочется.

В доме начинали наряжать девушек. Издавна основным элементом наряда являлась мужская военная или обычная фуражка с разноцветными лентами. В 1950 – 60-е годы её накрывали фатой. Интересный момент отмечают представители старшего поколения. Когда девушек наряжали, подруги заново заплетали им волосы в одну или две косы, что являлось своеобразным показателем зрелости этих девушек, изменения их социального статуса, символом половой зрелости и готовности к браку и деторождению.

До начала шествия к ржаному полю изготовленного «коня» «выводили под узду» в круг перед домом, здесь он бегал, прыгал, брыкался и старался кого-либо смять. Через непродолжительное время его снова заводили во двор и поправляли (ремонтировали) все снаряжение.

Наряженных девушек выводили на улицу и вручали им изготовленные березки. С этого момента их самих называли березками. Вокруг каждой из них собиралось несколько юношей, которые охраняли не столько девушек, сколько березки. Это обусловлено общепринятым мнением, что березка должна быть доставлена к ржаному полю в целости и сохранности. Затем появлялся «конь», который начинал выказывать беспокойство. По ходу праздника его несколько раз старались в шутку напоить колодезной водой.

В 20 – 21 час праздничное шествие с песнями и частушками направлялось к ржаному полю. Не дойдя до него, процессия останавливалась и девушки-«березки» начинали перепляс, а участники праздника определяли, кто из них лучше пел и плясал. После этого на краю ржаного поля, несмотря на охрану, молодежь валила деревца и старалась схватить какое-либо украшение. Особо ценился букет «счастье», закрепленный на вершине. Считалось, что это украшение принесет в дом счастье, удачу, благополучие.

После плясок и пения возле поля участники возвращались в село, где веселье продолжалось до утра.

По сей день жители села, переехавшие на другое место жительства, стараются принимать участие в этом празднике, который в определенной степени является организующим и сплачивающим началом для мордвы данного населенного пункта¹.

Осенние праздники начинались с момента созревания фруктов и хлебов. В последние годы доброй традицией стало празднование в городе Пензе в конце августа Спаса, который объединяет медовый, яблочный и ореховый Спасы. Этот праздник призван объединять все православное население Пензенской области.

В недалеком прошлом в начале октября праздновался Покров. В этот день женщины совершали обряд «покров баба». На каждой улице одна из женщин надевала вывернутую наизнанку шубу, обувала лапти, на шею вешали пучок пеньки, из пеньки же делала бороду, садилась верхом на палку, брала в руки веник и в таком виде ходила из дома в дом. Войдя в дом, она плясала, пела и проводила веником по стенам и потолку, что выражало пожелание хорошего урожая и здоровья всем. В каждом доме «покров бабе» обязательно преподносили пирог. Недели через две после Покрова во многих мордовских селах проводился большой праздник Вель-озкс (Сельское моление), посвященный Вельаве. Он был самым торжественным и многолюдным праздником мордвы. В нем более всего отражалась самобытность мордовского народа. На празднике во всем многообразии были представлены земледельческие традиции народа. С помощью магических действий, молений, ритуальной еды, пения молитвенных песен и жертвоприношений люди пытались заручиться благосклонностью богов, добиться от них содействия в получении необходимых благ в целом для всей общины и для каждой семьи в отдельности.

Сначала «почетные» старики избирали из своего состава озатя – ответственного за проведение общинного моления. Он должен был обладать хорошими организаторскими способностями.

Некоторые обрядовые элементы сохранились в ряде населенных пунктов в проводах юношей в армию (возможно, со времен рекрутства). Ещё существует (в сильно трансформированном виде) обычай ходить в гости к близким родственникам. Однако сегодня это объясняется чаще желанием юноши попроситься с представителями старшего поколения, у которых нет возможности присутствовать на проводах. В селах Сабаново и Вичкилей Никольского района юноша перед отъездом бросает через ворота деньги. Раньше это была серебряная монета. Считалось, что её должна была подобрать девушка, которая станет женой этого юноши или обязательно в ближайшее время выйдет замуж. В селах Малое и Большое Пермиево, того же района, после проводов все участники по возвращении заносили поленья

¹ Николаев С.Д. Современные праздники и обряды мордвы Пензенской области... С. 105 – 106.

в дом и практически обкладывали ими печь по её высоте. Безусловно, в основе этих обрядовых элементов лежали определенные представления и пожелания благополучного возвращения, готовности к солидарности и взаимопомощи, укрепления кровной связи родственников и односельчан¹.

Традиционные народные праздники были тесным образом связаны со всем укладом жизни. Они привлекали людей не только своей магической таинственностью, но и зрелищностью, интересом к определенному обряду и, конечно, желанием каждого человека повеселиться, показать свои исполнительские способности в индивидуальных и массовых плясках, хороводах и песнях.

¹ Николаев С.Д. Современные праздники и обряды мордвы Пензенской области... С. 109.

ГЛАВА IV.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

В первой главе вы уже узнали о современных религиях, которые исповедуют жители Пензенской области. Сейчас же мы поговорим о **верованиях**, которые существовали у мордовского народа до принятия им христианства. Эти религиозные воззрения принято называть **язычеством**.

В язычестве наиболее ярко и образно отражалась жизнедеятельность, среда обитания, материальная культура, хозяйство и духовная культура народа.

Мордва, как и все язычники, обожествляли весь окружающий мир, наделяли душой деревья, озера, реки, животных, насекомых, гром, молнию и т.п. Названия мордовских божеств состояли из двух слов. Первое слово обычно обозначало объект олицетворения, а второе – женщину, мать. Например, божество земли называлось Модава (Масторава), где мода (мастор) – земля, ава – женщина, мать. Наряду с божествами в образе женщин встречаются божества и в образе мужчин, например, Модатя (мода – земля, атя мужчина, старик). Они считались мужьями женских божеств.

Как уже говорилось в предыдущих главах, земледелие было одним из древнейших занятий мордовского народа и теснейшим образом связано с природно-климатическими условиями. Поэтому в язычестве мордвы большое место занимали божества олицетворяющие **силы природы**. Это, прежде всего, божества: земли – Модава (Масторава); солнца – Шиава, Шибавас (м.), Чиава, Чипаз (э.); поля – Паксяава; урожая – Норовава; воды – Ведява; ветра – Вармава; огня – Толава; луны – Ковава; грома – Пурьгинепаз (паз – бог); молнии – Ёндоппаз. Этим и многим другим божествам, кроме молений и жертвоприношений, мордва посвятили множество легенд и сказок.

В памяти народной живет красивая легенда о матери богов, родившей четырех богов и четырех богинь, покровительнице девушек, хранительнице женщин при родах – Анге Патяй: «Летом в полдень можно заметить, как над плугом и нивами вдруг словно бы мелькнет легкая тень и вместе с нею дохнет порыв ветерка. Это пролетает Анге Патяй вечно юная богиня плодородия. Увидеть ее нельзя, для людей она незрима. Но её присутствие ощущает всё живое на земле.

Анге Патяй заставляет цвести и плодоносить растения. Она способствует размножению животных, птиц и рыб. Она покровительствует любви и браку. Охраняет новорожденных»¹.

Говоря об этом божестве, следует заметить: известные исследователи мордовского народа И.Н. Смирнов, М.Е. Евсевьев, У. Харва-Холмберг, Н.Ф. Мокшин полагают, что никакого божества Анге Патяй в традиционных

¹ Легенды и придания мордвы. Саранск, 1982. С.16 - 17.

верованиях мордвы не было. Она является «собственной выдумкой» П.И. Мельникова впервые поместившего её в «Очерках мордвы»¹.

Вся жизнь мордвы была тесно связана с лесом, покровительницей и «держательницей» которого считалась Вирява, а её мужем был Вирятя. В сознании человека Вирява выглядела либо в виде обнаженной женщины с длинными нерасчесанными волосами, либо женщиной ростом с молодую березу в белой рубахе, украшенной яркой вышивкой, на шее сверкала золотая сюлгама, в ушах блестели серебряные серьги с прикрепленными к ним пучками лебяжьего пуха. Но она могла превращаться в кошку, собаку и волка и в таком виде приходить в село. О ней в народе существует много сказок. Одну из них со слов мордовского крестьянина поместил в «Пензенских епархиальных ведомостях» священник А. Снежницкий: «Мой дедушка видел Вираву своими глазами... Заплутавшись в лесу, ночью один одинок сидел он около огонька. В полночь слышит шум, треск деревьев, видит Вираву идет; деревья большие и малые ей кланяются. Он скоро наскоро от огня задом-задом, ушел в кусты. Вираву разметала огонь в сторону, лукошко с грибами далеко забросила. На заре, закричав а-а-а-у... ушла, не сделав дедушке зла»².

Вираву могла помочь человеку, но могла и погубить его. Вирятя в сравнении с Виравой играл менее заметную роль. В мифах об этих божествах отражается борьба земледельческого народа с лесом – с одной стороны. С другой – жизнь в окружении лесов содействовала не только развитию охоты, но и лесного скотоводства, собирательства, бортничества, других лесных промыслов, способствовала освоению леса. Здесь лес выступал в качестве кормильца. По этой причине мордва не очень боялась лесной стихии, хотя образ Виравы возникал, видимо, как олицетворение, прежде всего, чувства страха перед лесной стихией, лесной чащей, где можно сбиться с пути, заблудиться, встретиться с опасным зверем.

В настоящее время сохранились лишь некоторые отголоски верований в Вираву, и то преимущественно в селениях, находящихся в лесной местности. После принятия христианства Вираву, как и другие языческие божества, приобретает черты нечистой силы, вера в нее тускнеет. Вместо образа религиозного, Вираву все более трансформируется в художественный образ, становится популярным персонажем мордовского фольклора.

Издавна люди верили в целительную силу воды. К божеству воды – Ведяве обращались за помощью при бесплодии; невеста молилась ему, прося благословение на долгую и счастливую брачную жизнь, чтобы у неё родилось много сыновей и дочерей. Во время свадьбы невесту и жениха обрызгивали водой, чтобы у них было счастье и большое потомство.

Отвечая на вопрос ребенка, откуда берутся дети, мордва обычно говорила, что их дарит Ведява, поскольку именно к ней они обращались не

¹ Мельников П.И. (Андрей Печёрский). Очерки мордвы. Саранск, 1981.

² Снежницкий А. О Вираве // Пензенские епархиальные ведомости. 1870. № 20. С. 629.

только при бесплодии, но и при родах, полагая, что божество это может смягчить боль и защитить новорожденного.

Считали, что вода и глазные болезни лечит. Зачерпывала знахарка рукой воду, глаза больного промывала, а сама заговорные слова нашептывала, болезнь изгоняющие.

Вода и животным могла помочь при бесплодии. Поэтому, выгоняя скот в первый раз, в день Святого Георгия, в стадо, его тоже обрызгивали водой.

Освященная в Крещение вода считалась целебной, приносящей здоровье, способной защитить от нечистой силы. Её хранили целый год.

Ведява – добрая, она помогает влюбленным, загоняет рыбу в крестьянские сети, посылает дождь на поля в засуху. Своим внешним обликом она похожа на женщину. Ведява обычно представляется сидящей на берегу на пне с опущенными в воду ногами, расчесывающей медной гребенкой свои волосы. Она видится то молодой и красивой с шелковистыми белыми волосами, маленьким носом, черноглазой, пышногрудой, с тонкими губами, то старой страшной старушкой с ужасным лицом и черными волосами. Поэтому её не стоит сердить. Достаточно водной хозяйке обидеться, как изменится не только её нрав, но и облик. Тогда лучше держаться от неё подальше.

Ведятя же строго следит за порядком в своем водном хозяйстве, чтобы рыба хорошо плодилась, чтобы источники, которые питают реки и озера, не засорялись, чтобы вода была чистая и прозрачная. Чаще всего Ведятя выходит на берег в человеческом обличьи, но может и превратиться в любую рыбу или прибрежную корягу.

К Ведяве и Ведяте обращались мордовки при белении холстов, бросая в воду кусочки хлеба и холста, говоря: «Ведязор с серебряной бородой, Ведязорава с шелковыми волосами! Я жертвую вам хлеб, соль, холст, будьте ко мне добры, защитите меня во время беления холстов от всего злого! Выбелите мне холст как следует!»

Образ Ведявы также широко бытует в мордовском фольклоре, в котором он носит не столько религиозный, сколько художественный характер. В эпических песнях о мироздании она выступает покровительницей животных, заповедной рыбы. В песнях, воспевающих земледелие, Ведява – наставница человека, заставляющая неразумного охотника или рыболова бросить эти промыслы, стать земледельцем, заставляет понять, что земледелие более выгодно, чем охота.

Каждый год весенние лучи солнца пробуждают природу от зимнего оцепенения, и кажется, что вместе с ней пробуждается дремавшая всю зиму человеческая энергия.

Наблюдая за солнцем, древний человек спрашивал себя: «Куда же оно уходит, где бывает ночью?». Людская фантазия рисовала его жилище за большой горой, где оно устраивалось после дневных трудов и скрывало свою благодатную силу зимой.

Солнце представляли как в женском, так и в мужском образе. Его олицетворением считались – Шиава, Шибавас (м.), Чиава, Чипаз (э.). Солнце

почиталось божеством милосердным, имя его сделалось синонимом счастья. По представлениям мордвы красное солнце обитало на востоке – в стране вечного лета и плодородия, поэтому двери своих домов они делали на восток, чтобы первые солнечные лучи, попадая через дверное окошечко внутрь помещения, возвещали им о начале нового дня и звали к молитве солнцу. В старину люди имели обыкновение клясться солнцем: «Пусть поразит меня божество солнца, если я вру!».

Природа солнца – источника света и тепла, от которого зависела жизнь, хозяйственная деятельность, благосостояние земледельцев, была непонятна им. Поэтому солнце наделялось сверхъестественными свойствами, т.е. обожествлялось. Культ солнца представлял собой не что иное, как народный земледельческий культ. Солнце почиталось мордвой, прежде всего, как податель и покровитель урожая. Полагали, что солнце вращается по небосводу утром на быке, днем на волке, вечером на зайце, а ночью спит за большой горой. Когда солнце заходило за облака, мокшанские дети обычно кричали: «Свети, милое солнышко, свети, милое солнышко, если ты не будешь светить, ничего не вырастет, если ты будешь светить, вырастет хороший урожай, я отдам тебе мою пеструю курочку, я отдам тебе мое крашеное яичко!»

Мордва обращалась к богу солнца наряду с иными божествами. Например, в XIX веке в эрзянском селе Собакине Городищенского уезда отмечая праздник «Бабань каша» («Бабья каша»), говорили: «Чипаз, кормилец, защити наши хлеб и соль, защити нашу богиню урожая от мороза, пошли тепло в большой холод, прохладу в сильную жару!». Затем так называемая покш баба («большая бабушка» или ведущая моление женщина) дотрагивалась до всех горшков с кашей и сдвинув каждый немного с места, продолжала: «Посмотри, Чипаз, мы приготовили тебе хлеб-соль, а богине урожая кашу!» Отрезав от каждого каравая по треугольному ломтю и взяв с каждого горшка по ложке каши, она передавала все это своей помощнице, которая, в свою очередь, пожилому мужчине, относившему их на холм, расположенный где-либо поблизости, чтобы солнце могло принять их жертву своими первыми лучами. Молились, стоя на коленях¹.

Скрылось за горизонтом жаркое солнце, блеснули последние лучи, и день погас. На смену ему на небосводе появилась молодая луна. Сначала она совсем бледная, но чем темнее ночь, тем ярче луна, напоминающая в первые дни своего рождения серебряный серп. Низко кланялся народ, заведя новую луну, снимал шапки и читал молитвы: «Новорожденная луна, посланница Чипаза, ты живешь перед богом, ты знаешь его милость, у тебя нет построенного дома, нет огороженного двора, на небе живешь ты, делаешь свою работу, по небу вращаешься ты, знаешь небесные пути-дороги, твои глаза далеко видят, твои уши далеко слышат, посмотри на меня своими глазами, послушай меня своими ушами, погляди на мои поклоны, услышь

¹ Мокшин Н.Ф. Мифология мордвы... С. 293.

мои слова. Если пойдешь ты к Нишке, Расскажи ему обо мне. Вот тебе хлеб, дай мне здоровья!»¹.

Богиню – покровительницу луны мордва называли Ковава. Обращались к ней чаще в новолуние. Как только появлялся рожок молодого месяца, кланялись ему. Для себя просили счастья, здоровья, а ему желали ясного света и быть круглым как каравай.

Бога луны мордва называли Ковпаваз (м.), Ковпаз (э.) и считали посланцем Нишкепаза. Бог луны жил на небе, и не было у него ни дома, ни двора огороженного. Находясь на небе, он все видел и слышал, а потом обо всем рассказывал Нишкепазу.

«Ков» в мокшанском и эрзянском языках обозначает не только луну на небе, но и отрезок времени – «месяц». Время считали по возрасту луны: от рожка молодого месяца до полной луны. Особо ждали новую луну, во время её появления проводили жертвоприношения по разным поводам. Новолуние считали самым благоприятным для начала любого дела. В новолуние праздновали новоселья.

Перед новой луной на небе царит безлунье, и в эту пору, наоборот, лучше новое дело не начинать, всё равно ничего хорошего не получится. Ворожить же о здоровье – самое время: убывающая луна уносит с собой болезнь.

В полнолуние сеяли, огороды сажали, так как полная луна предвещала богатый урожай.

В религиозно-мифологических воззрениях мордвы важное место занимало обожествление огня, который олицетворялся в образах Толавы и Толоньпаза. Возникновение его культа было связано, в первую очередь, с разнообразными функциями огня в жизни людей. Наиболее важной причиной был безотчетный страх перед разрушительной силой огня (боязнь пожара). Толава – виновница всех пожаров. Ее красную рубаху увидишь и в горящем лесу, и на тлеющем торфяном болоте. Она мелькает и в пылающей скирде соломы, и в загоревшемся человеческом жилье. Без ног она идет, без рук достает, без глаз светит, без ушей слышит, без зубов кусает, без рта глотает. Жадная Толава ничего за собой не оставляет, лишь золу, но подует ветер, и та развеется. Дружит Толава с Вармавой, вместе порой злые дела творят.

С другой стороны, огонь – один из главнейших позитивных факторов в культурном развитии человечества, он способствовал его становлению, защищал людей от хищных зверей, давал им тепло и удобоваримую пищу. В свое время потеря огня для первобытных людей, не умевших искусственно добывать его, была большим несчастьем. Поэтому они стремились постоянно поддерживать его и почитать. Люди побаивались и часто обращались к Толоньпазу за милостью и при этом, низко кланяясь, говорили: «Бог огня,

¹ Мокшин Н.Ф. Мифология мордвы... С. 162.

хозяин огня, играющий бог, танцующий бог, ты играешь и танцуешь без малейшего ветерка, велика твоя сила, велика польза, приносимая тобой...»¹.

Немаловажным источником культа огня была его связь с домашним очагом и тем самым с семейно-родовым культом очага, как идеологическим отражением семейно-родовых связей.

Люди считали, что огонь, как и вода, обладает чудодейственной силой, охраняет человека от многих несчастий. Такое представление основано в известной мере на реальных свойствах огня. В связи с этим и возникли соответствующие поверья, остатки которых сохранились вплоть до наших дней. Этим же объясняется возникновение целого ряда магических обрядов, связанных с употреблением огня в лечебно-предохранительных и очистительных целях. Так, например, свадебные пироги обводились зажженной лучиной, чтобы не были испорчены душманом, злодеем. Зажженной лучиной обводили также внутри сундука невесты, прежде чем уложить туда все те вещи, которые она брала с собой, выходя замуж. Считалось, что этим обрядом сундук (парь) очищается от нечистой силы. Знахарки обращались к Толаве с просьбами вылечить от ожогов, говоря при этом, к примеру, так: «Толпаз, Толава, Толава, синяя женщина...! Посмотри с добрым сердцем... сделай добро. Без ног догнал (огонь – авт.), без рук поймал, без глаз увидел, без ушей услышал, без рта укусил, без зубов съел, без языка проглотил... Сделай добро (возьми болезнь – авт.)»².

Слыша звуки, возникающие при горении, люди верили в существование «языка» огня, который пытались понять. Им казалось, что, поняв этот язык, они смогут повелевать огнем и укротить его.

О языческих божествах олицетворяющих силы природы можно говорить много – велико их количество, но ведь и природа необъятна. Однако наш рассказ нужно завершать. Закончим мы его мифом о Пурьгинепазе – боге грома.

Громовержец Пурьгинепаз то ли сын, то ли зять Нишкепаза. Дом его далеко в небесах. Повелевает он дождем и градом. Стрела бога грома – ослепительная молния. Ничто не могло спастись от этой меткой стрелы. Только молния громовержца могла настигнуть и убить неуязвимых злых духов, которых насылает на людей Шайтан. Когда Пурьгинепаз радуется теплоте дождю, обильному урожаю, он посылает на землю разноцветную радугу, которую благодарные люди называют то дождевой, то громовой, то Божьей.

Бог грома мог приносить людям не только добро, но и зло. Кому громовержец покровительствовал, тому посылал тихий дождь, поливал его хлеб и кормил круглый год, а на кого сердился – на того насылал крупный град и всякие несчастья. Народ побаивался этого сильного и грозного бога, старался задобрить его. Жертвовали ему овец, пуре медовое, хлеб да соль. Обычно просили в молитвах: «Спаси нас, бог грома». Но чаще всего молили

¹ Юрченкова Н.Г. Указ. соч. С. 397 – 398.

² Мокшин Н.Ф. Мифология мордвы... С. 273.

о дожде, особенно при сильной засухе: «Сердитый бог Пурьгинепаз, на огнедышащих лошадях мчишься ты по небу, земля дрожит, люди боятся твоего голоса, а молнией ты освещаешь всю землю. В твою честь мы сварили три корчаги медового пуре, все мужчины села собрались здесь, принесли хлеб-соль и поклонились перед тобой. Дай нам тихий дождик, не посылай на наш урожай разрушающего града. Кого ты не любишь, того убей своей молнией, своим громом»¹.

Долго сердился Пурьгинепаз, грохотал гром, во все небо сверкала ослепительная молния, пока не испепелила злых духов. Наконец все стихло. Земля же после этой грозы, на радость людям, как будто умылась и помолодела.

Но не только благодатный дождь мог посылать Пурьгинепаз людям. Он был хранителем вековых традиций, оберегал мордву от врагов и нечистой силы. Сметал их ливнем, а убивал огнем и молнией. Покровительствовал громовик мордовским воинам. Уходящие на войну молили Пурьгинепазу хранить их во время смертельной битвы, помогать в бою с врагом.

В жены выбрал бог грома земную девушку – Литову. Вот как об этом рассказывает древний мордовский миф: «В летний солнечный день собрались девушки на поляне. Одна краше другой, глаз не отвести. Веселились они, песни пели, забавлялись, цветы собирали, венки плели. Небо было чистым и безоблачным. Внезапно на востоке появилось чёрное облако, порывистый ветер поднял тучи пыли, каждая травинка пригнулась к земле, молния сверкнула, вдалеке раздались первые раскаты грома. Постепенно ветер усилился, раскаты грома раздавались всё ближе и ближе. Пошел такой сильный дождь, что в двух шагах ничего не видно. Все девушки разбежались, попрятались кто-куда. Только одна Литова стоит, как будто застыла. Тут дождь внезапно прекратился, и из-за темной тучи на колеснице, запряжённой двумя огнедышащими конями, появился сам Пурьгинепаз. Одет он с ног до головы во все черное: чёрные сапоги, шаровары, черная рубаха, а сверху накинута черная плащ. Глаза как огонь горят, молниями сверкают, в правой руке держит дождь, в левой – град. Спустился Пурьгинепаз на землю, подхватил на руки красавицу Литову и стремительно унесся в небо.

Одобрил Верховный бог выбор Пурьгинепаз и благословил их на долгую и счастливую жизнь. Дети, рожденные от их брака, жили на земле, были до смерти своей правителями мордвы, князьями, а после смерти вернулись на небо к своим родителям»².

Каждый мордовский двор имел своих покровителей. О них мы уже довольно-таки подробно рассказали во второй главе нашего повествования. Мы лишь напоминаем, что хранительницей дома была Кудава, а двора и скота – считалась Кардаз сярко. Здесь мы хотим внести небольшое дополнение. Под татарским влиянием у мордвы для обозначения дома со

¹ Юрченкова Н.Г. Указ. соч. С. 384.

² Там же. С. 372.

всеми надворными постройками стало использоваться слово «юрт», поэтому появились божества – Юртава и Юртатя.

Олицетворением зла в мордовском пантеоне языческих божеств является Шайтан. По мнению некоторых этнографов, он появился под влиянием мусульманской мифологической традиции и был аналогом мордовского божества Идеявось (м.), Идемевсь (э.).

Шайтан появился из плевка плывущего по волнам Великой воды Всемогущего Бога. Он получился злым и коварным. Назвавшись другом Всевышнего, стал помогать ему в сотворении мира. Три раза нырял Шайтан на дно океана за илом, но лишь на третий раз, помянув имя Божье, достал его. Однако часть ила утаил во рту. Когда Бог творил землю, которая разрасталась на воде и во рту нечистого, тот выплюнул утаенную часть и из нее возникли холмы, горы, скалы.

Так и пошло. Все время Шайтан пытался испортить творения Бога. Он во всем подражал ему и всюду следовал за ним. На прозрачное и голубое небо, созданное Всевышним, нечистый набросал черные свинцовые тучи. Однажды у Ведявы украл ключи и бросил их на дно моря. Для всех это было несчастьем, так как пошел проливной дождь, причинивший много горя. Бог создал поверхность рек совершенно гладкой, как зеркало, но Шайтан дунул изо всех сил и поднял такую бурю, что люди, жившие по берегам взбунтовавшихся рек, обязательно погибли бы, если бы их не спас Всевышний.

Однажды Шайтану пришла мысль создать человека и он попытался слепить его из горшечной глины и песка, которые набрал в 77 различных странах земли. Мучился, мучился нечистый, ничего не получается. Форму никак не найдет: то на свинью похож у него человек, то на собаку, то на ненавистную рептилию. К тому же, сотворенное им существо не говорило, а лаяло или хрюкало. Тогда Шайтан призвал на помощь летучую мышь, которой приказал свить гнездо на небе, в одном из уголков полотенца Всевышнего. Летучая мышь так и сделала. Под тяжестью гнезда и мышей полотенце упало, и злой дух обтер им человеческое тело, которое сразу приняло обличье Всевышнего. Осталось только оживить его, но опять ничего не получилось у Шайтана. Пришлось обратиться за помощью к Богу. Всевышний предложил Шайтану сохранить тело, созданное им, а сам вложил в него душу. С тех пор злой дух имеет власть над человеком только при жизни, а после смерти душа возвращается к своему создателю по полотенцу, которое тот спускает до земли. Тело же, сотворенное Шайтаном, становится пылью.

Не обошлось без вмешательства Шайтана и при создании женщины. В отсутствие Всевышнего он подошел к женщине и сделал так, что все гадкие вещи, распространенные вокруг неё злым духом, вошли в неё – отсюда причина привязанности Шайтана к женщине.

Шайтан вмешивался не только в дела Всемогущего Бога. По примеру Анге Патяй, которая, высекая искры из своего огнива, создавала маленьких добрых божков, нечистый тоже стал высекать искры из кусочков кремня. Эти

искры превращались в злых духов, причинявших вред всему, что создавали добрые духи. Это были тринадцать дочерей Шайтана (чертова дюжина), которые не дают покоя людям, из них двенадцать лихорадок и одна ветряная оспа. Злые божества могли напустить на человека различные болезни. Так, у мордвы-мокши носителем болезней считался Фатесятя, который представлялся людям в виде старика, обросшего волосами с наполненной ядами коробкой в руках.

Бог дал Шайтану душу, но не смог вдохнуть её прямо в нечистого, поэтому положил в яйцо, яйцо поместил в утку, а ту пустил плавать в Великую воду, окружающую землю. Всем созданиям Шайтана он тоже дал души и поместил их в яйца, поэтому, чтобы убить злого духа, необходимо разбить яйцо.

Однажды Шайтан предложил Всевышнему отправиться на покой, так как тот стал стар и одряхлел. Править же миром он собирался сам, так как был еще молод и полон сил. Бог очень рассердился, проклял его за все злые дела и отправил навечно под дно морское, в ад, в огонь, где ему суждено мучиться из века в век. С тех пор Шайтан заключен в вечном огне, который не может покинуть.

Чужбина в мордовской мифологии представлена злым Дячкой Най-Наем, который живет вдали от мордовской земли. Во дворе его дома врыты сорок кольев чугунных. На них головы человечьи, только на одном ничего нет. Подошел к пустому колу хозяин дома, лохматый старик с сучковатой дубиной, стукнул по нему, послышался звук гулкий, подобный колокольному. Крякнул он от удовольствия и медленно поднялся на резное крыльцо, присел на верхнюю ступеньку.

Не водились бы с ним люди, не приходили бы в дом его, да есть приманка для молодых парней – дочери красивые да умные, особенно младшая. Но женихов принимает Дячка Най-Най неприветливо, задание дает с подкавыкой, не выполнимое простым человеком. Провинившихся он казнит и голову на кол сажает...

Долго все это продолжалось, может быть, даже целые века, но пришли иные времена. Появился красивый мордовский парень, понравился он младшей дочери, и убежали они, обманув старика. Так кол пустым и остался.

Призраков и приведения мордва называли Шопача (м.), Чопача (э). Полагали, что у каждого человека, как живого, так и покойного, есть призрак. В случае, когда один из супругов умирал или долгое время отсутствовал, если оставшиеся дома муж или жена очень тосковали, то чопача (шопача) начинал мерещиться, мучить и томить человека. Поэтому родные старались не оставлять его одного ни днем, ни ночью. Считали, что чопача (шопача) может неожиданно появиться у постели, стучать по стенам жилья, хватать спящего за ноги. Особенно опасными считались призраки людей, умерших, которых не почитали, не поминали, т.е. оставшихся без попечения, без должного внимания. Бытовали поверья, что они могли превращаться в огонь и подняться из гроба, чтобы высосать кровь живущих и убить их.

Разными средствами пытались изгнать призрака, но не всегда он исчезал насовсем. Самым лучшим считалось такое средство: на шею человека, к которому приходил Чопача, вешали кусочки собачьей и свиной печени, а также древесный уголь, которым опаливали свинью. Обязательным было условие, чтобы ночью у изголовья больного человека приговаривал колдун: «Чопача, которого не поминают, у тебя нет дома, ты ходишь неведомыми путями-дорогами. Где тебя не ждут, там появляешься. Ты не боишься людей, ты не боишься свиней, тебя не могут поймать ни человек, ни собака. Уходи отсюда! Если ты меня не боишься и не перестанешь приходить сюда, то я прикажу изгнать тебя железному мудрому старцу, живущему на дне большой воды, в ледяном доме, не боящемуся ни свиней, ни собак. Он загонит тебя в гнилое дупло, там твой дом, живи, пока не сольются небо и земля»¹.

Человек во все времена задумывался, как появилась земля и живые существа на ней. Тысячелетние фантазии и знания людей окружающей действительности нашли свое отражение в мифах о **сотворении мира**.

Бескрайние небеса представлялись человеку кристальным куполом, который простирается как стены и крыша над полом-землей. Мерцающие звезды, солнце и луна будто прикреплены к этому куполу и совершенно неподвижны.

Выше, по ту сторону небесного свода, жили боги. Люди думали, что вход на небо прост: достаточно пролезть между краем неба и земли или в отверстие, через которое проходят на небо облака, дуют ветры. Через «окно» в небесном куполе на землю пробивается вечный свет, несущий людям жизнь и благополучие, через него воды орошают землю дождями.

Небо состоит из нескольких ярусов. Их может быть два, а то и семь. На самом верхнем ярусе живут боги. По одним рассказам, небо появилось из верхней половины скорлупы Мирового яйца, по другим – создано Всевышним – Шкаем, Шкабавазом (м.); Нишке, Нишкепазом (э.).

Давным-давно небо было гораздо ближе к земле, так низко, что облака задевали за печные трубы, и его можно было достать рукой. Когда небо было так близко, человеческие молитвы быстро доходили до богов. Но облака мешали женщине топить печь и она пожаловалась Богу. Тот рассердился и поднял небо выше и поселился далеко за облаками, то ли на Млечном пути, то ли в созвездии Веста, а может, на самом солнце. Хоть и далеко он был от земли, которую сотворил много лет назад, но его глаза видели все, что там происходило.

Тридцать лет под деревом и тридцать лет на дереве проспал Всевышний после создания земли. Дерево же за это время выросло, овраги заполнились водой, забили родники, травы и цветы покрыли голую землю, появились звери, запели птицы.

Никто не видел Бога в истинном виде. То он представлялся высоким человеком с длинной белой бородой, длинными густыми ниспадающими волосами, большими глазами, то мог обращаться в голубя, орла, лебедя,

¹ Юрченкова Н.Г. Указ. соч. С. 406 – 407.

зайца, волка, коня, медведя. В таком виде он являлся людям и был неузнаваем. Как и у людей, была у Всевышнего семья. Супруга Анге Патяй появилась из яйца, которое он раздавил ногой. Стала она матерью богов, покровительницей любви и брака. Жили вместе с ними на небесах две любимые дочери Кастарго и Везорго – умницы и красавицы (в некоторых мифах женой Всевышнего была Шкабавас-ава (Нишке-ава) и было у них три дочери). Зятем стал грозный бог грома Пурьгинепаз, женившись на младшей дочери Везорго.

Чтобы узнать о людских бедах, иногда по ночам Всевышний подслушивал под окнами. Докладывали о людских делах его помощницы – богини. Особенно усердной была Норовава.

Всемогущий любил людей, помогал им в бедах и несчастьях. Однако провинившихся в чем-либо мог наказать. Все-таки Бог был добрым, и, если обращались к нему с молитвой и низким поклоном, он прощал великодушно кающихся в содеянном.

В честь Шкая (Нишке) благодарные люди устраивали сельские и домашние моляны. Обращались за помощью к нему по самым разным поводам: во время болезни и в засуху, при родах и крещении, во время похорон и на поминках. В различных заговорах, заклинаниях тоже поминали имя Бога. В жертву Всевышнему приносили домашнюю птицу и мелкий дворовый скот, кашу, пироги и обязательно пуре.

Посланицей Всевышнего на земле была его любимая птица – лебедь в золотом оперенье. Посылал её Бог к людям, чтобы их жизнь посмотреть и испытать на верность. Оберегал Всевышний эту птицу и людям это завещал.

Но не всем покровительствовал Бог на земле. Собаку и летучую мышь он проклял за помощь Шайтану при создании человека. Собаке он навечно приказал носить вонючую шерсть Шайтана и служить человеку, а летучую мышь лишил крыльев. Бог проклял змею и создал её без рук и ног, так что она может передвигаться только своим телом и всегда старается спрятаться.

В народе существовали различные поверья, связанные со Шкаем (Нишке). Нельзя переплывать через отражение солнца в воде, чтобы не задеть веслом бороду Всевышнего; нельзя пересекать солнечные лучи, падающие через окно, иначе наступишь на ногу Бога. Верили, что была у Шкая (Нишке) золотая люлька на золотых цепях и серебряной проволоке, которую он опускал до земли, чтобы помочь подняться на небо девушкам, оставшимся без женихов.

С присоединением к России началась христианизация мордовского народа, в ходе которой дохристианские верования и обряды не столько вытеснялись, сколько смешивались, синкретизировались с христианскими. В результате этого длительного процесса христианский бог получил теоним Нишке, Шкай, т.е. стал называться именем мордовского дохристианского бога. Теоним этот он носит до сих пор.

По представлениям наших предков боги царили над миром. Они распоряжались теплом и светом, дождем и ветром, громом и молнией и т.д.

Боги могли дать или отобрать урожай, приплод скота, детей. Добиться их расположения человек мог **жертвоприношениями**.

В далекие времена, на заре земледелия, когда человек был бессилен в борьбе с природой, и земледелие полностью зависело от её капризов, земледелец прибегал к различным способам, чтобы обеспечить хорошие результаты своего труда. Одним из них было жертвоприношение в честь богов, от которых, по его мнению, зависел урожай. Также он совершал различные магические действия, чтобы увеличить плодородие почвы, используя различные приметы и гадания. Некоторыми приметами люди пользуются и по сей день, потому что они сформировались в результате длительных наблюдений человека за природой.

Прежде чем принести то или иное животное в жертву, его подвергали испытанию, чтобы узнать, угодно оно божеству или нет. Для этого на спину жертве лили холодную воду. Если животное вздрагивало, то оно угодно богу. Если же оставалось спокойным, то его в жертву не приносили. Каждому божеству приносилась отдельная жертва, обычно около определенного дерева. Перед ним разжигался костер, для приготовления жертвенного мяса. Чуть поодаль устраивался невысокий помост вместо стола, на котором раскладывалась жертвенная трапеза. При жертвоприношениях использовалась особая посуда, которая в другое время не употреблялась. Все действия при жертвоприношении сопровождались многочисленными обрядами. После жертвоприношения все кости зарывались в землю, а шкура вешалась на дерево. Интересное описание жертвоприношения у мордвы оставил итальянский купец Исофат Барбаро, который побывал в наших краях в XV веке: «В известное время года они берут лошадь, которую приобретают сообща, и привязывают ей все четыре ноги к четырем кольям, а голову – к отдельному колу. Все эти колья вбиты в землю. Затем приходит человек с луком и стрелами, становится на соответственном расстоянии и стреляет в сердце до тех пор, пока не убьет лошадь. Потом её обдирают, из шкуры делают мешок, над мясом совершают какие-то свои обряды и съедают его; шкуру туго набивают соломой и зашивают её так искусно, что она кажется цельной; вместо каждой из ног подставляют прямой брусочек дерева – так, чтобы лошадь могла стоять, будто живая, на ногах. Наконец, идут к какому-то большому дереву, обрубая соответственным образом сучья и прилаживают сверху помост, на который помещают эту лошадь стоймя. В таком виде они ей поклоняются и приносят в дар соболей, горностаев, белок, лисиц и другие меха»¹. Участники жертвоприношения верили, что теперь боги пошлют им счастье и благополучие.

Как уже говорилось выше, в представлениях мордвы языческие божества имели человеческое обличие. Также как человек они рождались, женились и умирали. Сверхъестественными делали их некоторые тайные знания, которыми они обладали. Прежде всего, они были способны по

¹ Барбаро Исофат. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С.134 – 159.

собственному желанию превращаться в великанов, животных, рыб, птиц и т.п. В отличие от восточных славян мордва никогда не изображали собственных божеств в виде идолов.

Человеку во все времена хотелось заглянуть в будущее. Люди полагали, что это можно сделать с помощью **гадания**. Гадали по полету и крикам птиц и животных. Вглядывались в движение огня и дыма в костре. Гадали, глядя на бегущую воду.

Самые интересные и таинственные гадания – на Рождество или Крещение. В эти дни приходят с того света души умерших, да и нечистая сила приближается к человеческому жилью. Гадать лучше вечером, в полночь или до первых петухов. Некоторые в гадальную ночь слушали под окнами, и какое слово прежде услышат, по тому и предсказывают свою судьбу. Если в доме говорили о хорошем, то и подслушивающему якобы предстоял хороший год, если плохой разговор слышали, то и гадающему будет плохо в этом году. Лучшим местом для подслушивания считались поле, река или перекресток дорог. Пожилые женщины бегали подслушивать верхом на метлах на развилку дорог, к проруби или к колодцу. К церковным дверям ходили подслушивать по одному. То, что там слышали или видели, считали предзнаменованием будущих событий.

Девушки непременно в крещенский вечерок гадали на женихов. Таких гаданий великое множество. Например, девушки бегали ночью к овцам, пытаясь нащупать одну из них наугад: если оказывалась белая, то жених будет блондином, если черная – брюнетом. Брали в темноте из поленицы полено: если оно суковатое, то быть девице за богатым, а если попадется гладкое – то за бедным. Спрашивали имя первого встречного, чтобы узнать, как будут звать жениха. На Троицу девушки плели венки, а потом бросали их в ручей или реку. Если венок пойдет ко дну или поплывет против течения, то хозяйка его умрет, если же венок будет держаться на поверхности и поплывет по течению, то хозяйка проживет долгую-предолгую жизнь.

Многие люди испытывали судьбу, разными способами заглядывали в будущее, только никому не удавалось изменить по своему усмотрению того, что на роду написано.

Христианизация Пензенского края началась с падением Казанского ханства и постепенным включением его территории в состав Русского государства. Мордва раньше других народов Среднего Поволжья стали воспринимать христианство.

Большую роль в деле христианизации края сыграли монастыри, которые стали возникать здесь в XVI – XVII веках.

При насаждении христианства правительством применялись различные меры. В XVI веке, когда местные феодалы поднимали восстания против русской колонизации, христианство стремились вводить, действуя методом убеждения. Принимавшие эту веру, оставаясь жить в языческой среде, очень быстро от нее отходили и продолжали придерживаться своих старых верований. Поэтому в XVII веке все больше и больше стали применяться насильственные методы. В связи с этим особую группу законодательных

актов составляют указы и доклады Сената, касающиеся христианизации нерусского населения Поволжья. 16 мая 1681 года царь Федор Алексеевич подписал указ о предоставлении льгот нерусскому населению в случае крещения: «А как они крестятся, и им во всяких податях дано будет льготы на шесть лет»¹. По всей вероятности данный указ не возымел ожидаемого результата и через пять лет вышел новый указ правительства, в котором говорилось о том, что новокрещенная мордва «в христианской вере не тверда, в церкви божии не приходит и отцов духовных у себя не имеет»². 1 сентября 1720 года выходит сенатский указ «О льготе новокрещенным от всяких сборов и податей на три года» как видно из названия указа срок льгот сократился на половину, кроме того, в нем дается разъяснение кому дается льгота «...оную льготу давать только тем, которые святое крещение примут, по расчислению тягла, а на прочих остаточных в неверии всякие подати имать с другими в ряде...»³. В связи с этим правительство боролось с принятием нерусскими народами ислама. 12 сентября 1728 года выходит «Наказ губернаторам и воеводам и их товарищам, по которому они должны поступать». В частности, в пункте 19 говорится: «В Российской Империи живут: мордва, чуваша, черемиса, остяки (ханты –авт.), вотяки (удмурты – авт.), лопари (саамы – авт.) и иные им подобные... Магометане превращают их в свою веру, и обрезавают, чего воеводе и губернатору накрепко смотреть и до того не допускать. Если же магометане будут продолжать приобщать к своей вере их разыскивать и казнить смертию, сжечь без всякого милосердия»⁴.

Для координации действий по христианизации нерусского населения Поволжья создается специальное учреждение, которое впервые упоминается в 1733 году «...в Контору новокрещенных дел отданы из Казанской губернской канцелярии, из неположенных в штате доходов 721 рубль...»⁵. Следует полагать, что речь идет о Комиссии новокрещенных дел организованной в Свияжске, Контора же новокрещенских дел была создана в 1740 году в Казане.

Правительство прекрасно осознавало, что для проведения этой политики в жизнь нужны кадры. Выход был найден, на наш взгляд, весьма удачный – священнослужителей стали готовить из нерусского населения Поволжья⁶.

Касаясь проблемы христианизации, мы не можем обойти, отрывочно цитируемый во многих работах, именной указ Сенату от 11 сентября 1740 года «Об отправлении архимандрита с некоторым числом священнослужителей в разные губернии для обучения новокрещенных христианскому закону и о преимуществах новокрещенным дарованных».

¹ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т.2. С. 47.

² Кузнецов С.К. Мордва. М., 1912. С. 53.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ). СПб., 1830. Т. 6. С. 235.

⁴ Там же. Т.8. С. 100.

⁵ Там же. Т.9. С. 244.

⁶ Там же. С. 483.

Согласно указу эта категория населения освобождалась от рекрутской повинности, работы на казенных заводах и подушной подати на три года. Вместо них эти повинности должно было выполнять некрещенное население. В инструкции новому архимандриту Дмитрию говорилось: «3. Кто добровольно не креститься тех насильно не принуждать. 4. Русские проживающие с новокрещенными должны смотреть за ними, чтобы они придерживались всех православных обычаев, а если они ослушаются, то докладывать священнику, если после этого они не поймут – докладывать архимандриту, который их должен штрафовать. 5. У новокрещенных из мусульман желательно, чтобы при крещении их детей крестными были русские, которые давно проживают совместно с ними. 6. Новокрещенных стараться селить с крещенными или среди русских. При переселении давать столько земли, сколько они имели прежде... 8. Если новокрещенные не могут быть поселены среди русских, разрешить им организовывать новые поселения... 12. Кто не захочет жить в селах, а в городах своими домами или у купцов и других чинов в работе по найму или без найма таким давать на это разрешение... 15. Кто крестился тому причиталось давать ...каждому по кресту медному... да по одной рубахе с порты, и по сермяжному кафтану с шапкою и рукавицы, обуви чирьки с чулками, а кто познатнее, тем при крещении давать кресты серебряные, кафтан из сукон крашенных, кого цвета кто похочет, ценою по 50 копеек аршин (71,12 см – авт.), а вместо чирьков сапоги ценою в 45 копеек, женскому полу волосники и очельники, по рубахе холщовой, да денег, мужскому полу, кои от рождения выше 15 лет, по рублю по 50 копеек, а от 10 до 15 лет – по рублю, а кои ниже 10 лет, тем – 50 копеек; женского пола от 12 лет и выше по рублю, а прочим, кои ниже 12 лет по 50 копеек; сверх же сего, которые Святое крещение с женами детьми примут всею семьею, давать в дома их по иконе...»¹. Кроме этих льгот новокрещенных отпускали из тюрьмы за незначительные преступления (воровство, ссора, драка)².

Местным феодалам запрещалось владеть крещеными крестьянами. Кто отказывался креститься, тот лишался земли. Крещенные же помещики временно освобождались от налогов. Стремясь сохранить свои владения, многие феодалы принимали православие. Некрещенных изгоняли с насиженных мест. Многие крестьяне, боясь насилий и угроз, либо соблазненные подарками, принимали крещение. Часть населения, спасаясь от христианизации, бежала на левобережье Волги. Некоторые оказывали вооруженное сопротивление миссионерам. Недовольство этой политикой правительства особенно ярко проявилось во время крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Духовенство было вынуждено отказаться от насильственной христианизации.

В середине XVIII века болезненно завершилось официальное крещение мордвы, бывшее во многом невольным и принудительным. В 1764 году была

¹ ПСЗ. Т. 11. С. 252 – 254.

² Там же. С. 918 – 919.

закрита Контора новокрещенских дел. Новокрещенными стали заниматься духовные консистории, губернские, провинциальные и воеводские канцелярии.

Крещенные мордва только формально стали православными. На самом деле они ничего не понимали ни в церковном богослужении, которое проводилось на чужом им языке, ни в христианских обрядах, которые они отказывались выполнять. Будучи формально христианами, они по-прежнему оставались язычниками.

В XIX веке средневековые методы христианизации стали уступать место более цивилизованным. Была признана целесообразность знания священнослужителями инородческих языков как средства усиления миссионерской проповеди, укоренения христианства в душах и жизнедеятельности новокрещен. Понадобились учебные пособия по изучению этих языков. В 1838 году в Москве была издана «Мордовская грамматика, составленная на наречии мордвы-мокши». Её написал магистр Тамбовской духовной семинарии Павел Орнатов, преподававший по поручению Тамбовской епархии мордовский язык воспитанникам семинарии.

Окончательное выражение идея христианизации нерусских народов Российской империи на их родных языках получила в так называемой «системе Н.И. Ильминского», утвержденной Советом министра народного просвещения 26 марта 1870 года циркуляром «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев». Перед церковно-школьной системой стояла задача сохранения и закрепления формально крещеных инородцев в новом вероисповедании, задача ознакомления их с христианским вероучением и превращения из формально крещеных в истинно верующих.

Николай Иванович Ильминский (1822 – 1891) – сын протоиерея Николаевской церкви города Пензы, выпускник Пензенской духовной семинарии, затем Казанской духовной академии, был оставлен в последней «наставником естественных наук и турецко-татарского языка», с 1847 года утвержден в степени магистра, затем профессор Казанской духовной академии и Казанского университета, действительный статский советник, член-корреспондент Российской Академии наук. Монархист по своим убеждениям, он всю свою жизнь верой и правдой служил царю и православной церкви, но в отличие от многих своих предшественников отвергал насильственные методы христианизации, резонно полагая, что посредством их можно добиться лишь обратных результатов.

Несмотря на то, что система Ильминского преследовала в первую очередь миссионерские цели, она сыграла некоторую положительную роль в деле обучения народов Поволжья грамоте, способствовала формированию их литературных языков, подготовке национальных кадров интеллигенции, росту национального самосознания. И все-таки миссионерско-просветительную роль этой системы образования не следует переоценивать хотя бы по той причине, что большинство мордовского народа было неграмотным. Например, по переписи 1897 года, среди мордвы Пензенской

губернии грамотность составляла у мужчин – 11,1%, женщин – 1,5% (у русских соответственно: мужчин – 23,7%, женщин – 6,3%)¹.

Миссионерская деятельность Н.И. Ильминского и его последователей среди инородцев нашла поддержку инородческого духовенства и на первом общем собрании народов Поволжья, состоявшемся 15 – 22 мая 1917 года в Казани. 19 августа 1917 года учредители Мордовского культурно-просветительного общества, созданного в ходе названного собрания, обратились с воззванием к мордовскому народу, в котором говорилось: «Религия есть святая святых души человека, поэтому весьма желательно введение богослужения на родном языке. В настоящее время пусть священники говорят мордве проповеди на родном языке. Великую пользу принесут они этим религии и национальному делу»². Несмотря на проводимую работу, церковные и полицейские власти в своих донесениях о религиозной жизни мордвы сетовали на слабую приверженность их к христианству.

В чем причины живучести дохристианских религиозных верований и обрядов мордвы? Почему христианская религия на протяжении столетий так и не смогла искоренить их?

Ответ на эти вопросы надо искать в социально-бытовом укладе мордвы, её образе жизни. Дело в том, что мордовские дохристианские верования и обряды более тесно связаны с окружающим миром, с трудовой, общественной и семейной жизнью народа, чем христианская религия, которая слишком далека от непосредственных, повседневных нужд и забот крестьянина, слишком абстрактна. Мордва в свое время с большей охотой и без всякого принуждения со стороны официальных властей заимствовала, например, многое из дохристианских верований и обрядов русского народа, и это вполне понятно, так как данные верования и обряды были очень сходны с мордовскими, были приспособлены к хозяйственно-бытовому укладу русского крестьянина, который мало отличался от хозяйственно-бытового уклада мордовского крестьянина. Этим объясняется также переосмысление, видоизменение и приспособление христианской религии и обрядов в сознании мордвы с точки зрения ее дохристианских верований и обрядов.

Итогом длительного взаимодействия христианства с дохристианскими верованиями и обрядами явилось возникновение мордовского варианта православия, представляющего собой русское православие, адаптированное применительно к дохристианским верованиям и обрядам мордвы.

Христианского Бога мордва стала называть именем своего дохристианского верховного бога – Шкай, Шкабавас (м.). Нишке, Нишкепаз (э.). Мордовские божества грома (Пурьгинепаз) и молнии (Ёндоппаз) отождествились с Ильей-пророком – покровителем громов и дождей. Многочисленные православные святые (Петр, Павел, Николай,

¹ Сандина Т.И. Развитие народного образования в Мордовии. Саранск, 1969. С. 11.

² Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1998. С. 174.

Фрол, Лавр и др.) перемешались с дохристианскими мордовскими божествами и составили единый синкретический пантеон. Например, в народной песне «Большое поле» говорится о том, как православный Никола (по-мордовски Микола) «делит счастье» мордве, сидя на ветвях дуба в компании с Нишкепазом и Норовпазом. В другом аналогичном сюжете Никола выступает вместе с Нишке и Архангелом¹.

В мордовских избах появились иконы, постепенно ставшие обязательной принадлежностью целого ряда мордовских обрядов – новоселья, свадьбы, различных праздников. «Мордовские праздники, большие моляны, – писал уроженец Пензы В.О. Ключевский, – приурочивались к русским народным или церковным празднествам, семику, Троицыну дню, Рождеству, Новому году. В молитвы, обращенные к мордовским богам, верховному творцу Чампасу, к матери богов Анге-Патяй и её детям, по мере усвоения русского языка вставлялись русские слова... Видя в мордовских публичных молянах столько своего, русского и христианского, русские люди начинали при них присутствовать, а потом в них участвовать и даже повторять у себя отдельные их обряды, и петь сопровождавшие их песни.

Все это приводило к тому, что, наконец, ни та, ни другая сторона не могла отдать себе отчета, чьи обычаи и обряды она соблюдает, русские или мордовские... Иезуит Авриль, едучи в 1680-х годах из Саратова, видел, как языческая мордва пьянствовала на Николин день, подражая русским»².

Выдающийся мордовский этнограф М.Е. Евсевьев, проведя в 1892 году в деревне Кардафлей Городищенского уезда целое лето, писал: «Кардафлейская мордва, несмотря на свое почти двухсотлетнее пребывание в лоне православной церкви, весьма немного успела заимствовать от нее, кроме чисто внешней стороны: она усердно соблюдает посты, ходит в церковь, ставит свечи перед иконами и в то же время – и, кажется, еще усерднее – исполняет и все языческие обряды»³.

В XIX – начале XX века основное внимание правительства направлялось на закрепление православия. С этой целью священники с помощью полиции вели борьбу с языческими обрядами и жестоко наказывали крестьян путем штрафов и побоев за несоблюдение Христианских обрядов. Естественной реакцией крестьян было сопротивление насилию со стороны православного духовенства. Идейной основой этой борьбы было сохранение своей национальной самобытности, что в конечном итоге мордовскому народу и удалось.

Безгранично богато **устное народное творчество** мордовского народа. Оно неиссякаемый источник для современных писателей, поэтов и композиторов. Как это обычно и бывает, на это богатство долгое время ученые не обращали внимания. Серьезное изучение пензенского фольклора

¹ Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы... С. 176 – 177.

² Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Ростов на Дону, 2000. Т. 1. С. 282.

³ Евсевьев М.Е. Избранные труды. Саранск, 1966, Т. 5. С. 363.

началось лишь в середине XIX века. Этнографы и фольклористы стали записывать сказки, легенды, предания, песни, загадки, пословицы и поговорки – все, что составляет жанровое многообразие устного народного творчества или фольклора. В этих произведениях отражены мировоззрение, история, быт, хозяйственные занятия, другие стороны жизни человека, а также его мечты и надежды, стремление к преобразованию действительности.

Приобщение человека к устному народному творчеству происходило с детства, как в семье, так и вне семьи. Хорошей школой для этого были зимние посиделки – своеобразный клуб сельской молодежи. Сама атмосфера посиделок была такова, что петь на них не стеснялись. Напротив, стыдно было не петь. Здесь в сознании каждого молодого человека создавался образ идеального жениха и невесты, которые должны обязательно уметь петь песни и рассказывать сказки.

Самым популярным фольклорным жанром являлись **сказки**. По своему характеру эти произведения делились на сказки о животных, волшебнo-фантастические и бытовые. В сказках животные, как правило, наделялись человеческими качествами. Волк – глупый и грубый, лиса – хитрая и завистливая, заяц – трусливый и беззащитный и т.п. Так, например, в ряде мордовских сказок медведь женится на девушке, у них рождаются необычные люди-богатыри, носители возвышенного, защитники народной правды.

В волшебнo-фантастических сказках отразились верования людей в сверхъестественные существа. Например, в мордовских сказках главными действующими лицами были языческие божества – Вирява, Ведява, Пурьгинепаз; положительными героями – богатыри; отрицательными – змеи. В этих сказках положительные персонажи обязательно побеждают. В волшебнo-фантастических сказках мордовского народа присутствуют волшебные предметы: шапка-невидимка, ковер-самолет, волшебные платок, яблоки, гребешок, полотенце и т.п.

К бытовым сказкам относятся устно-поэтические новеллы и анекдоты. Темой этих произведений являются приключения хитрецов, похождения ловких людей. В них отрицательными героями большей частью выступали священнослужители и богатые люди, которые, в конечном итоге, оказывались обманутыми простыми мужиками. В таких сказках часто упоминаются и сельскохозяйственные культуры (рожь, ячмень и, особенно, просо), орудия труда (соха, грабли, прялка, веретено) и многие другие предметы.

Значительное место в устном народном творчестве мордовского народа принадлежит **легендам, преданиям и быличкам**. Легенды представляют собой поэтические рассказы о необыкновенных событиях, но воспринимаются слушателями как достоверные, происходившие в глубокой древности. Предания – это широко известные в народе устные рассказы, которые дают правдоподобные объяснения реальных исторических фактов, деталей жизни и быта, названий отдельных местностей, деревень, сел,

городов, рек и озер. Былички – это рассказы о людях, сверхъестественных существах воспринимаемые как правдоподобные.

Произведения несказочной прозы, записанные в XIX столетии передавали память о реальных событиях, которые причудливо переплетались с традиционными сказочными мотивами и сюжетами. Легенды и предания мордовского народа отражали не только крупные исторические события, (взаимоотношения русского царя с мордовскими старейшинами, борьба мордвы с ногайцами и т.п.), но и общественные отношения, а также рассказывали откуда пошли названия населенных пунктов, рек и озер. В качестве примера, приведем предание мордовского народа, которое объясняет название реки Суры: «Когда мордва пришли к Волге, там жил какой-то народ. Он не пустил их идти вниз по Волге. Тогда мордва вернулись назад, но сверху, с Волги, их тоже теснили другие люди, отгоняя их от Волги. Мордва ходили туда-сюда, и искали, где им жить. Они пришли на такое место, где в Волгу с юга течет другая река. Старики собрались вместе и стали советоваться: что делать? Куда дальше идти? Один самый старый человек сказал: «Вот эта река, как палец, показывает, куда идти. Нам надо идти по этой реке и там жить». Его послушались и пошли вверх по этой реке, так других народов тогда не было, никто не жил. А место было для охоты хорошее, лесов много. Так они и остались жить здесь. А реку стали называть Сур – она, как палец, им показала, где жить. Сур, по-мордовски, – палец. Так стало название этой реки Сур. А уже после стали говорить – Сура»¹. Хотя по предположению уже неоднократно упоминавшегося нами М.С. Полубоярова название реки гибридное от финно-пермского шур («река») и рау (древнемордовское «река»). Какая часть названия древнее, остается неясным. Начальный ш превратился в процессе фонетической корреляции в с. Таким образом, цепочка преобразований шур > щуррау > сурау привела к современной русской форме, так как понятие «река» в русской речи требует окончания, свойственного словам женского рода².

Древними жанрами народов Пензенского края являются также **пословицы, поговорки и загадки**. Эти жанры лингвисты называют паремическими. Они являются самым сложным искусством народного слова. Не случайно про пословицу эрзяне говорят: «Валмеревксэсь нармунь нерышка, домкачизэ покш эрькешка (Пословица с птичий клюв, да мудрости в ней целое озеро)». То же самое можно сказать о поговорках, загадках. Краткость – сестра таланта. В пословице, поговорке, загадке народ испокон веков не только выражал свою житейскую мудрость, но и оттачивал, сам того не зная и уж вовсе об этом не думая, свое умение, талант коротко, ярко, метко, точно сказать весомое, поучительное.

Причем пословицы являются преобладающими в паремическом творчестве мордвы. Они многообразны как сама жизнь. Бывают пословицы-

¹ Анисимова А.П. Песни и сказки Пензенской области. Пенза, 1953. С. 25.

² Полубояров М.С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. М., 2010. С. 175.

приметы: «Лопа прай – сексе сай. (Лист падает – осень идет)»; пословицы-афоризмы: «Эряфсь фалу моли инголи, и кие аф кенери мельганза, ся фалу иляды фталу. (Жизнь идет только вперед, и кто не успевает за ней, тот всегда отстает)»; Пословицы-максимы: «Улихть ломатть, конат эряйхть кода панчфнень етка палакст: кяждост лама, а цебярьсна аш; синь мяльсна куцемс сембода вяри, а ляткшнихть сембода алу сяс, мес синь или тапасазь, или сязендсазь. (Есть люди, которые живут как крапива среди цветов: зла в них много, а добра мало; они хотят подняться выше других, но остаются ниже всех)».

Другим видом паремического творчества мордвы являются поговорки: «Сон моли тоза, сонцьке аф содасы коза. (Он идет туда, сам не знает куда.)»; «Кирдык пряцень, кулят! Азорсь тон улят. (Эквивалент: Терпи, казак, – атаманом будешь!)».

К разновидности пословиц относятся: приговорки, считалки, заклички и скороговорки.

Третьим видом изречений является загадка – «содамо евкс» (э.), «содама ефкс» (м.). Загадки разнообразны не только по своей художественной форме, но и по своим социальным и эстетическим функциям и назначению.

Происхождение загадок относится к родоплеменному строю. Их зарождение, по всей вероятности, связано с древними тотемистическими (тотемизм – вера человека в происхождение своего рода от животного или растения) и первобытно-анимистическими воззрениями (анимизм – обожествление людьми всей окружающей действительности), с условной древней тайной речью, к которой человек прибегал, боясь давать настоящие названия опасным животным, вредоносным предметам и явлениям. Запреты, табу слов, связанные с первобытным тотемизмом, были присущи и мордве. Вместо запретных слов человек первобытного общества стал произносить «подставные» слова. Так, в отдельных мордовских селах крестьяне, чтобы не навлечь на себя беды и не сказать дурного слова о нечистой силе, избегали употребления самого слова «нечистоесь», называли его «тонатась» (тот самый).

Мордовская загадка выполняла и другие потребности человека – развивать свои умственные способности, чтобы этим самым глубже понять окружающую действительность. Поэтому в древности у народов, стоящих на низкой ступени развития, загадки служили средством испытания мудрости. Наряду с функцией испытания мудрости загадка в течение времени приобретает и роль развлечения, становится средством разумного и полезного отдыха, дополняя потребность людей, особенно молодежи, в играх и развлечениях. Причем самыми распространенными являются загадки-метафоры: «Аф суски, аф увай, а куду кивок аф сувай. (Эквивалент: Не лает, не кусает, в дом никого не пускает)».

Меняются времена, власти, нравы, но, в сущности, главные жизненные устои остаются непоколебимыми. Добро оно, как и прежде, остается добром, а зло – злом. Трудно сказать, о чем поведает нашему читателю такая пословица: «Скирды на гумне – хлеб в достатке». Но вот эта: «Доброго

человека по глазам узнаешь» – и десять, и двадцать, и сто лет пройдет – всегда будет понятна.

Коротенькая ёмкая фраза, органично вплетающаяся в устную речь – это красота нашего языка. От природы талантливый, умный человек знает массу пословиц, поговорок, загадок.

Самым же распространенным жанром устного народного творчества у всех народов Пензенского края были, да и остаются, песни. Весь песенный фольклор отражает и познает жизнь двумя способами: повествованием о событиях или действующих лицах и раскрытием чувств героя или автора. Первого рода произведения – эпические, второго – лирические.

Мотивы и сюжеты мордовских песен отображают общечеловеческие ценности. Они возникли в древнейшие времена, сохраняют в себе первобытно-общинные категории времени и пространства, доносят до нас свое первобытное семантическое ядро сквозь призму художественной памяти поколений.

Эпические песни необычны. Они отражают иной, чем у нас, уровень мировоззрения, одним из элементов которого является чудо. Герои здесь всесильны, совершают необыкновенные подвиги. Когда они в движении, весь космос начинает сотрясаться, когда они спокойны, все в мире стабилизируется.

В песенном творчестве мордовского народа вплоть до начала XX столетия сохранились эпические песни, где главными героями выступала девушка Литова и родоплеменной вождь мордвы Тюштя. Эти песни, претерпевшие многократные трансформации, составляли целые циклы, они интересны как свидетельство перехода эпоса, основанного на мифологических предпосылках, к эпосу, покоящемуся на реально историческом опыте трудового народа.

К примеру, в произведениях о Литове устами героини рассказывается о той пропасти, которая отделяет простых людей от богатых. Речь Литовы, обращенная к напуганным сельчанам, говорит о разделении общества на два противоположных класса.

Разнообразны были и сюжеты мордовских героических песен. В одних при строительстве крепости девушка отдает жизнь за счастье людей. В других, звучит тема осуждения охоты человека на животного. Девушка, став женой охотника, во время охоты превращается в птицу и примерно наказывает своего мужа.

Жанровой особенностью балладных песен является то, что в них на первый план выдвигаются интересы отдельного человека, его бытовая семейная жизнь и личные конфликты, нередко кончающиеся трагической развязкой. Действие может происходить как в реальном, так и в фантастическом, сказочном мире.

Другой особенностью этих песен является наличие в них элементов древних культов, например, культа медведя. Балладный характер имеют и многие мордовские песни о брачных испытаниях. Особенно близки к реализму мордовские исторические баллады – песни о полоне, которых в

эпическом творчестве большое количество, – это самый большой цикл песен. Они повествуют о событиях, случавшихся в условиях татаро-ногайских набегов («Ушмин Бая», «Вирь чиресэ»).

К эпическим же относятся исторические песни, отражающие исторические события, рассказывающие о легендарных личностях, они ближе других стоят к реалистическим повествованиям. Однако в сюжете подобных песен нередко оказываются и такие события, каких в реальной истории никогда не было. Они отражают действительные политические конфликты, характерные для данного исторического момента и важные для народа.

Характерной особенностью мордовских исторических песен является их балладный характер. Как и русские, мордовские исторические песни бытуют по циклам: песни времени Ивана IV, о крещении, о Пугачеве, о Павле I и т.д..

Глубокие земледельческие традиции мордвы отражены в песнях о состязании коня и сокола. Сокол – символ охоты, конь – земледелия. У дуба или березы они спорят, кому быть кормильцем народа. В споре всегда побеждает конь.

Однако во второй половине XIX века в мордовской среде все активнее стали распространяться семейно-бытовые песни, в которых изображалась тяжелая жизнь женщины. Эти песни были очень эмоциональными и строились обычно в вопросно-ответной форме.

Читая в этой книге о традиционных, сельских и семейных праздниках, вы, наверное, обратили внимание, что каждое творчество не обходилось без песен, стихов, шуток, танцев и т.д. Однако песни сопровождали крестьянина и в повседневном труде. Все вместе они составляют, так называемую, обрядовую поэзию. Общее представление о ней вы уже получили в предыдущей главе. Здесь отметим, что календарные обряды, составляющие основу традиционных народных праздников (Святки, Масленица, Троица и т.д.), во второй половине XIX – начале XX века потеряли свое значение. В результате этого сократилась и календарно-обрядовая поэзия. Заклинания превратились лишь в песни, которые исполнялись для собирания подарков.

Записывать мордовские песни впервые начали в 1790 году, и с тех пор работа по сбору песенного богатства мордовского народа не прекращается. В истории культуры Пензенского края остались имена выдающихся народных сказителей. Мордовская сказительница Ефимия Петровна Кривошеева создала немало произведений о тяжелой женской доле. Однако её произведения увидели свет лишь в 1936 году, после смерти их автора. Большим авторитетом пользовалась в Пензенской области сказительница, фольклористка, писательница Александра Петровна Анисимова, расцвет творчества которой пришелся на 1940 – 1950-е годы. Она записала много русских и мордовских фольклорных произведений.

Для песенного народного творчества мордвы в прошлом было характерно одноголосие, а затем получило развитие двухголосие.

Тесное общение народов Пензенского края между собой приводило к взаимообогащению их устного народного творчества. Особенно заметное

влияние русского фольклора прослеживается у мордовского народа. Именно под влиянием русских в конце XIX – начале XX века в мордовское песенное творчество входит частушка, на праздниках начинают исполняться русские народные песни.

В неразрывной связи с песенным народным творчеством находится **инструментальная музыка**. В народной поэзии певец и музыкант запечатлены веселыми, жизнерадостными людьми, способными выходить победителями из сложных ситуаций. В мордовской лирической песне «Тебя ищет батюшка» молодая девушка отвечает отказом на предложение отца выйти замуж за сыновей дьякона, писаря, предпочитая им веселого волынщика.

Характер труда и быта народа определили устойчивые формы музицирования, где вокальное искусство было более характерно для женщин, а инструментальное – для мужчин.

Народные музыкальные инструменты делятся на духовые, струнные и ударные. У мордвы наиболее распространенными народными духовыми инструментами были нюди, нудей – двойной кларнет из двух скрепленных по бокам полых тростниковых трубок одинакового или разного размера. На нюди исполнялись ритуальные и плясовые наигрыши и инструментальные сопровождения к ритуальным песням на молениях, на празднике «Рождественский дом» и на свадьбе, а также к пастушьим песням. Другим мордовским народным инструментом являлась фам (м.), пувама (э.) – вид волынки. По материалу изготовления они делились на два типа: 1) воздушный резервуар волынки делали из шкуры телянка; 2) его изготавливали из коровьего или свиного пузыря. Играли на ней следующим образом: перед началом игры исполнитель вынимал из воздушного резервуара голосовые трубки и его надувал, затем зажимал отверстие, вставлял голосовые трубки и исполнял свой наигрыш, придавливая обе стороны воздушного резервуара локтями до тех пор, пока в нем оставался запас воздуха. Играли на волынке по преимуществу плясовые, ритуальные и бытовые наигрыши, причем в их исполнении участвовали обычно два, а иногда и более волынщиков. В то время как один из них играл, другие подготавливали инструменты для игры.

К струнным мордовским народным инструментам относились скрипки – гарьзе (м.), кайга (э.). Они имели обычно три струны из конского волоса и смычок из ивового прута, с натянутым на него конским волосом, который натирался сосновой смолой. Наигрыши на скрипке были сходны с наигрышами на нюди. В отличие от нюди и фам, скрипки встречались гораздо реже.

К ударным музыкальным инструментам мордвы относились шавома (м.), чавома (э.). Он обычно употреблялся для исполнения сторожевых сигналов, а в ансамбле с другими музыкальными инструментами – для выбивания ритма плясок. Звучащим телом шавомы была гладко выструганная и пропитанная специальным составом из смолы и конопляного масла доска из березового дерева длиной 45 – 50 см, шириной – 25 – 30 см.

Кальхциямат состоял из пяти-шести деревянных пластинок из ясеня неодинаковой длины и толщины, скрепленных лыком или ремешком из кожи; самая большая пластинка длиной 45 см, самая маленькая – 20 см. Исполнитель ударял по деревянным пластинкам специальными деревянными молоточками или обычными деревянными ложками. По тембру инструмент напоминал ксилофон.

Кальдердема представляла собой гладко выструганный деревянный брус цилиндрической формы длиной 15 – 20 см, шириной 7 – 8 см., с выточенной у нижнего края ручкой и вырезанными по краям цилиндра зубьями, с прикрепленной к верхнему краю цилиндра и его ручке деревянной или металлической скобой, в середине которой туго укреплялась гибкая деревянная пластинка – вибратор. При вращении бруса пластинка перескакивала с одного зуба на другой, издавая сухой звук (треск).

Как одиночный инструмент кальдердема использовалась в прошлом пастухами для отпугивания волков от стада и стариками на молянах для ритуального отпугивания злых духов, а в наши дни распространена в качестве детской игрушки.

При исполнении традиционных инструментальных наигрышей ансамблями из волынки или нюди, а позднее скрипки и гармони, на кальдердема исполнялась партия трещотки.

Со второй половины XIX столетия традиционные мордовские инструменты начали вытеснять русские балалайки и гармони.

Любая вещь, которой крестьянин пользовался ежедневно, кроме того, что она приносила ему практическую пользу, еще и несла в себе определенные представления человека о красоте. Его эстетические идеалы формировались вместе с историей народа. Память об отношении прошлых поколений к жизни, быту, трудовой деятельности передавалась потомкам не только через фольклор, но и посредством **декоративно-прикладного искусства**.

Декоративно-прикладное искусство было развито у всех народов Пензенского края. Среди них получили распространение: художественная обработка дерева и глиняной посуды, вышивка, узорное ткачество, ювелирное дело и аппликация.

Художественной обработкой дерева мордва занимались издавна. Потому что дерево было наиболее доступным материалом. Из него делали большое количество разнообразных поделок, необходимых в хозяйстве и быту. Деревянные изделия часто украшались резьбой, особенно домашняя утварь. Огромное внимание мастера уделяли украшению обрядовой посуды. Резьба встречалась на ковшах и черпаках, чашах, солонках, мебели, прялках, дугах, хомутах и некоторых других предметах. Мордовский орнамент резьбы по дереву состоял из вертикальных, горизонтальных и наклонных полос, елочек, треугольников, зигзагов, диагонально-пересеченных квадратов, крупных штриховых треугольников и круглых розеток. Мордва особенно тщательно отделывали ручки ковшей, на концах которых обычно вырезалась фигура какого-либо животного – коня, медведя, птицы. У мордовского народа

наибольшим своеобразием отличалась резьба на донцах прялок – формы которых были в виде женских фигур. Поэтому композиция узоров повторяла женские шейные и нагрудные украшения в порядке их ношения.

Под влиянием русского населения в XIX веке в крае начал распространяться обычай украшения домов резьбой. Резьбой украшались фронтоны, карнизы, наличники, окна и ворота. Первоначально резьба была глухая (преимущественно трехгранно-выемчатая), то есть орнамент вырезался с помощью долота таким образом, что сверху выглядел плоским, затем появилась высокорельефная резьба – «корабельная резь», перенесенная с кораблей и барок в XIX веке в народную архитектуру. В конце XIX столетия глухую и корабельную резьбу вытесняет более легкая и дешевая пропильная резьба, которая выполнялась с помощью лобзика. Орнамент глухой резьбы состоял из геометрических фигур, розеток, листьев винограда, фигурок птиц и животных. Богатство орнамента пришло с пропиловочной резьбой. Карнизы и наличники богато украшались тонкой пропиловкой и напоминали кружево.

В начале XX века самодельные предметы домашнего обихода и орудия труда стали заменяться фабричными изделиями, поэтому резьба стала применяться только для украшения внешнего облика жилища. Она сохраняется и до наших дней.

Основным украшением народной одежды и полотенец была **вышивка**. У мордвы вышивка наносилась без предварительного рисунка, по счету ниток – гладью. Причем эрзянки вышивали на лицевой стороне холста, а мокшанки в основном – с оборотной стороны. Для вышивания использовались красные, темно-синие, желтые и зеленые нитки. В мордовской вышивке наиболее характерным элементом орнамента является ромб с продленными и загнутыми сторонами. Он получался за счет наложения ромбов один на другой по горизонтали или вертикали. Вышивка часто была плотной, напоминающей ковер, но всегда сочеталась с белым фоном холста.

Вышивание было не только обязательным, но и любимым занятием девушек, за которым они проводили много времени. Обучение вышиванию начиналось с шести-семи лет. К десяти годам девочки уже знали несколько способов вышивания. Владение сложным искусством вышивки считалось по праву одним из больших достоинств девушки.

С XVIII века у мордвы широкое распространение получает шитье бисером. Оно использовалось в отделке головных уборов и других украшений народного костюма. Причем мордва-эрзя использовала бисер как отделочный материал, мордва-мокша как основной при изготовлении нагрудных и шейных украшений. Цветовая гамма бисерного шитья по сравнению с вышивкой выглядела несколько богаче, так как использовался бисер красного, зеленого, желтого, черного и белого цветов. Орнамент бисерного шитья был также геометрическим. Его основу составляли ромбы, косые кресты и зигзаги. В XIX веке в мордовском женском народном костюме применялись бисерные кисти. Они заменили многие бытовавшие

ранее металлические украшения. Однако бисерные украшения в чистом виде были редкостью. Как правило, бисер шел в сочетании с бусами, монетами, пуговицами и вышивками.

Во второй половине XIX столетия, когда в деревню стали проникать яркие фабричные ткани, вышивка стала постепенно исчезать. В настоящее время традиционная мордовская вышивка почти исчезла. Её используют только художники-специалисты при создании новых орнаментов на базе традиционных рисунков вышивки.

Большое место в декоративно-прикладном искусстве мордвы принадлежало узорному ткачеству. В конце XIX века узорное ткачество достигает своей вершины. В это время применялась различная техника тканья – бранная и закладная. Узорные ткани делали из льняных, конопляных, хлопчатобумажных и шерстяных ниток. В орнаменте узорных тканей мордвы преобладали геометрические фигуры.

Ткаными узорами украшались полотенца, особенно праздничные, скатерти, занавески, элементы одежды и многое другое. Для узорного ткачества мордвы было характерно сочетание красного орнамента с белой основой ткани. Однако узорное ткачество у мордвы не получило такого широкого распространения как у татар. Узорные ткани в основном использовались для отделочных работ при украшении одежды. Браная техника узорного тканья больше характерна для эрзи, закладная – для мокши. Узоры набирались красными, светло-зелеными, зелеными и синими нитками. Орнамент этой ткани был таким же как и у вышивки, то есть геометрическим (ромбы, косые кресты, елочки и зигзаги).

У мордвы-мокши было распространено художественное вязание. Мордва-мокша украшали наколенники, которые вязались из черной и белой шерсти. Их орнамент представлял собой черные и белые квадраты, расположенные в шахматном порядке, а также из елочек и зигзагов.

Многие народы Пензенского края при украшении одежды использовали технику аппликации, то есть нашивания разноцветных кусочков ткани на одежду. У мордвы материалом для подобных узоров служили бумажные и шелковые полосы ткани, тесьма, кожа и т.п. Аппликация во многих случаях заменяла вышивку, что и определяло её орнаментальные мотивы. Мордовские мастерицы очень часто полосы ткани обшивали бисером, блестками, мишурой.

Вы, наверное, обратили внимание, что основной отличительной чертой любого художественного изделия является орнамент. И это не случайно. Потому что он несет основную эстетическую и смысловую нагрузку в декоративно-прикладном искусстве, который во многих случаях (наряду с языком и фольклором) определял этический облик народа. В целом декоративно-прикладное искусство и в настоящее время является неотъемлемой частью быта любого народа и отражает его национальную самобытность.

К сожалению, история не сохранила конкретного значения каждого элемента орнамента. Вероятно, в глубокой древности они были связаны с

магией, которая должна была защищать человека от всех несчастий и связать его с добрыми духами. Поэтому нашего далекого предка орнамент успокаивал и радовал. Из этой радости и рождалось чувство прекрасного. Само понятие красивого, украшенного, узорчатого становилось равнозначным хорошему, доброму, благожелательному, оберегающему. Так, в народном представлении всякий орнамент становился заклинанием, каждый магический знак превращался в орнамент.

Духовная культура мордовского народа, созданная в определенных географических и исторических условиях, сохранила свою специфику вплоть до наших дней. Эта специфика хорошо проявляется в религиозных верованиях, фольклоре и декоративно-прикладном искусстве. Несмотря на огромные трудности дня сегодняшнего, духовная культура мордовского народа продолжает развиваться. Но для того, чтобы она не угасла нужны, прежде всего, люди – настоящие патриоты Пензенской земли. Мы надеемся, что этими людьми станете вы, дорогие читатели!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот и закончился наш рассказ о мордовском народе Пензенской области. Конечно же, не все аспекты его жизни были затронуты в нашей книге. Подобная работа требует ежедневного к себе внимания.

Подводя итог, заметим, что природно-географические условия уже изначально определяли Пензенский край как зону контакта различных племен и народов. Начало заселения Пензенского края относится к эпохе мезолита. Несмотря на свою не очень большую территорию эта земля явилась колыбелью двух народов – мордвы-мокши и татар-мишарей. Но история сложна и противоречива. Со временем здесь стали проживать и другие народы – главенствующую роль, среди которых играют русские. Безусловно, русский народ оказал большое влияние на развитие материальной и духовной культуры местного населения, но и сам воспринял многие элементы культуры этих народов. Это зависит от того, что предками многих русских Пензенского края в прошлом были мордва, которые постепенно ассимилировались, но сохранили лишь отдельные черты материальной культуры, наиболее приспособленные к местным условиям.

Важно также заметить, что мордовско-татарские связи не были также односторонними. Исследовательница татар-мишарей Рамзия Гиниатовна Мухамедова пишет: «Такие детали материальной культуры мишарей, как косуля, путмар, лыковая обувь (прежде всего лапти), характерные для мордвы с глубокой древности, конечно, следует считать мордовскими заимствованиями. Роль культуры мордовского народа заметна и в развитии жилых и хозяйственных построек (особенно в планировке жилища) и некоторых других элементов материального быта татар-мишарей»¹.

На наш взгляд, все выше сказанное повлияло на то, что в Пензенском крае за всю историю его существования не было и нет межнациональной розни и этот исторический опыт, по нашему глубокому убеждению, будет интересен для всей России.

¹ Мухамедова Р.Г. Татары - мишари. Историко-этнографическое исследование. М., 1972. С. 226.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные и документальные материалы

Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940.

Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, И-1314; И-1435 Плановые отчеты Г.А. Корнишиной и С.Д. Николаева об этнографических экспедициях в Пензенскую область.

Этнографические обследования сельских поселений студентами исторического факультета Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского.

Статистические материалы

Перепись населения 1926 года. Поволостные и алфавитные списки населенных мест Пензенской губернии. Пенза, 1926.

Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811 – 1913 гг.) / А. Г. Рашин Статистические очерки. М., 1956. 288 с.

Статистическое описание Саратовской губернии, составленное Андреем Леопольдовым : в 2 ч. СПб., 1839. 143 с.

Периодическая печать

Антонионов А. Мордва (краткий историко-этнографический очерк) / А. Антонионов // Пензенские епархиальные ведомости. 1894. № 16, 17.

Ауновский В. А. Этнографический очерк мордвы-мокши / В. А. Ауновский // Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. Симбирск, 1870.

Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия (из записок уездного землемера Мильковича, доставленных в 1783 году Масленникову, составляющего в это время описание Симбирского наместничества // Тамбовские епархиальные ведомости. 1905. № 18.

Гвоздев Б. Н. Из быта мордвы-эрзи (этнографический этюд) / Б. Н. Гвоздев // Вестник Пензенского общества любителей естествознания и краеведения. 1925. № 1. С. 18 – 20.

Гераклитов А. А. Мордва в Саратовской губернии / А. А. Гераклитов // Саратовские губернские ведомости. 1854. № 8. С. 11.

Зеленин Д. К. (Рец.) Саратовская мордва. Мордовский этнографический сборник. Сост. А.А. Шахматовым / Д. К. Зеленин // Живая старина. 1910. Вып. IV.

Иллюстров М. Обряды мордвов при погребении и поминовении умерших и вероучение их о загробной жизни / М. Иллюстров // Пензенские епархиальные ведомости. 1866. № 2.

Инородческое население Пензенской епархии и его образование // Пензенские епархиальные ведомости. 1899. № 21.

Иссинский В. Браки «самокрутки» среди мордвов / В. Иссинский // Пензенские епархиальные ведомости. 1889. № 12.

Коженкова В. Е. К истории пуховязального промысла Пензенского края / В. Е. Коженкова // Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1989. Вып. 1. С. 83 – 86.

Козлов В. И. Миграции мордвы в капиталистической России / В. И. Козлов // Записки (история, археология, этнография). Саранск, 1958. № 19.

Леопольдов А. Ф. Свадебные обряды крестьян Саратовской губернии / А. Ф. Леопольдов // Московский телеграф. 1830. Ч. 36. № 23.

Леопольдов А. Ф. Статистическая записка о народах, населяющих Саратовскую губернию / А. Ф. Леопольдов // Московский телеграф. 1833. Ч. 52.

Минх А. Н. Моляны и обряды мордвы Саратовской губернии / А. Н. Минх // Этнографическое обозрение. 1892. № 4. С. 116 – 128.

Минх А. Н. Дело мордвы селений Захаркина и Славкина, Петровского уезда, о земле 1703 - 1798 годов / А. Н. Минх // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1898. Вып. 24. Отд. 1. С. 98 – 110.

Николаев С. Д. Современные праздники и обряды мордвы Пензенской области / С. Д. Николаев // Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре. Труды НИИГН. Саранск, 2005. Т. 4 (121). С. 104 – 109.

Н-лов Н. Н. Помочи у мордвы Пензенской губернии / Н. Н. Н-лов // Этнографическое обозрение. 1892. № 2 – 3.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 6, 9, 11.

Примеров А. Религиозные обряды и суеверные обычаи мордвов Краснослободского уезда / А. Примеров // Пензенские епархиальные ведомости. 1870. № 16.

Прозин Н. В. Город Краснослободск и Краснослободский уезд / Н. В. Прозин // Пензенские губернские ведомости 1865. № 40.

Прозин Н. В. Картины мордовского быта / Н. В. Прозин // Пензенские губернские ведомости. 1865. № 39, 40; 1866. 23, 24.

Прозин Н. В. Картины мордовского быта / Н. В. Прозин // Пензенские губернские ведомости. № 89, 90. 1864, № 39, 40. 1865;

Русанов И. Мордовский молян / И. Русанов // Пензенские епархиальные ведомости. 1868. № 1.

Смирнов Н. К. Мордовское население Пензенской губернии / Н. К. Смирнов // Пензенские епархиальные ведомости. 1874. №№ 1, 2, 3, 5, 6, 9, 21, 24; 1875. №№ 1, 2, 4, 6, 7, 10.

Снежницкий А. Мордовский праздник «Вермавы» (Вербного воскресения) и «Вирьавы» / А. Снежницкий // Пензенские епархиальные ведомости. 1871. № № 19, 20.

Снежницкий А. Праздник «Петрооскс» – Петров молян в день Св. Апостолов Петра и Павла в мордовском селе К-се / А. Снежницкий // Пензенские епархиальные ведомости. 1870. № № 20, 23.

Степанов П. Д. Районы распространения и численность Саратовской мордвы (материалы для этнографической карты) / П. Д. Степанов // Мордовский сборник. Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1930. Т. 8. Вып. 3. С. 33 – 54.

Троицкий А. И. Народные песни Пензенской губернии / А. И. Троицкий // Сборник Пензенского губернского статистического комитета. Пенза, 1905. Вып. VI.

Черапкин И. Г. Диалекты мордвы-мокши бывшей Пензенской губернии / И. Г. Черапкин // Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1930. Т. 8. Вып. 3.

Литература

Анисимова А. П. Песни и сказки Пензенской области. / А. П. Анисимова. Пенза, 1953. 280 с.

Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII – XIV вв. О татарах в Восточной Европе / С. А. Аннинский // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. 3.

Анучин Д. Н. Мордва / Д. Н. Анучин // Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. СПб., 1896. Т. XIX. С. 838 – 839.

Балашов В. А. Бытовая культура мордвы: традиции и современность / В. А. Балашов. Саранск, 1991. 256 с.

Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. 162 с.

Белицер В. Н. Народная одежда мордвы / В. Н. Белицер // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. М., 1973. Т. 101. С. 13 – 17.

Бромлей Ю. В., Подолный Р. Г. Человечество – это народы / Ю. В. Бромлей, Р. Г. Подолный. М., 1990.

Вихляев В. И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья / В. И. Вихляев. Саранск, 1977. 97 с.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и прочих достопамятностей / И. Г. Георги. СПб., 1792. Ч. 1.

Гераклитов А. А. Саратовская мордва (К истории мордовской колонизации в Саратовском крае) / А. А. Гераклитов. Саратов, 1926. 21 с.

Голубева Л. А. Мордва / Л. А. Голубева // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

Дербенева А. М. Этнонимические сведения об эрзе и мокше в работах восточных авторов X – XIV вв. / А. М. Дербенева // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976. Вып. 4.

Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края / И. И. Дубасов. Тамбов, 1993. 443 с.

Евсеев М. Е. Избранные труды / М. Е. Евсеев. Саранск, 1966. Т. 5.

Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива РГО : в 2 т. / Д. К. Зеленин. СПб., 1915.

Инжеватов И. К. Топонимический словарь Мордовской АССР / И. К. Инжеватов. Саранск, 1987.

История Мордовской АССР. Саранск, 1979. Ч. 1.

История Пензенского края. С древнейших времен до середины XIX века. Учебное пособие. Пенза, 2007. Ч. 1.

Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав / В. М. Кабузан. М., 1990. 346 с.

Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций / В. О. Ключевский. Ростов на Дону, 2000. Т. 1.

Ключевский В. О. Сказание иностранцев о Московском государстве / В. О. Ключевский. М., 1991. 334 с.

Козлов В. И. Расселение мордвы – эрзи и мокши / В. И. Козлов // Советская этнография. 1958. № 2. С. 43 – 54.

Козлов В. И. Расселение / В. И. Козлов // Мордва: историко-этнографические очерки. Саранск, 1981. С. 27 – 49.

Козлов В. И. Динамика численности / В. И. Козлов // Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск, 2004. С. 156 – 168.

Козлова К. И. Этнография народов Поволжья. Учебное пособие / К. И. Козлова. М., 1964. 364 с.

Корнишина Г. А. Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект) / Г. А. Корнишина. Саранск, 2008. 156 с.

Кулаков А. Е. Религии мира. Учебное пособие / А. Е. Кулаков. М., 1996. 349 с.

Кузнецов С. К. Мордва / Кузнецов С. К. М., 1910. 149 с.

Курицын И. И., Марденский Н. А. География Пензенской области. Учебное пособие / И. И. Курицын, Н. А. Марденский. Саратов, 1991. 46 с.

Курицын И. И., Юпатова В. Н. География населения Пензенской области. Учебное пособие / И. И. Курицын, В. Н. Юпатова. Пенза, 1992. 96 с.

Лебедев В. И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей / В. И. Лебедев. Пенза, 2006. 124 с.

Лебедева Л. В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены / Л. В. Лебедева. М., 2009. 183 с.

Легенды и предания мордвы. Саранск, 1982. 93 с.

Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства,

1768 и 1769 году / И. И. Лепехин. СПб., 1771. 537 с.

Лузгин А. С. Промыслы Мордовии / А. С. Лузгин. Саранск, 1993. 144 с.

Лузгин А. С. Промыслы и занятия / А. С. Лузгин // Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. 2-е изд., доп. и перераб. Саранск, 2004. С. 252 – 279.

Любимов А. Е. Краткий исторический очерк мордовского народа // Мордовское население Пензенской губернии, его прошлое и современное состояние / А. Е. Любимов. Пенза, 1927. 138 с.

Майнов В. Н. Очерки юридического быта мордвы / Майнов В. Н. Саранск, 2007. 293 с.

Макушин Н. П. Поселения мордвы. Исследования по материальной культуре мордовского народа: Сб. научных тр. Мордовской этнографической экспедиции / Н. П. Макушин. М., 1963. Вып. 2.

Маркелов М. Т. Избранные труды / М. Т. Маркелов. Саранск, 2009. 284 с.

Мартыненко О. П. Фольклор Пензенской области / О. П. Мартыненко Рязань, 1977. 91 с.

Мартьянов В. Н. Памятники прикладного искусства мордвы / В. Н. Мартьянов Саранск, 1971. 124 с.

Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы / П. И. Мельников. Саранск, 1981. 133 с.

Мифы древней Волги. Саратов, 1996. 688 с.

Мокшин Н. Ф. Материальная культура мордвы: Этнографический справочник / Н. Ф. Мокшин. Саранск, 2002. 208 с.

Мокшин Н. Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников / Н. Ф. Мокшин. Саранск, 1993. 240 с.

Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы: Этнографический справочник / Н. Ф. Мокшин. Саранск, 2004. 320 с.

Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы / Н. Ф. Мокшин. Саранск, 1998. 248 с.

Мордва Заволжья. Саранск, 1994. 184 с.

Мордва. Историко-культурные очерки. Саранск, 1995. 624 с.

Мордва. Историко-этнографические очерки. Саранск, 1981. 336 с.

Мордовский народный костюм. Альбом. Саранск, 1990. 384 с.

Очерки истории Мордовской АССР Саранск, 1955. Т. 1. 575 с.

Очерки истории Пензенского края. Пенза, 1973. 327 с.

Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи / П.-С. Паллас. СПб., 1809. Ч. 1.

Первушкин В. И. Известный и неизвестный финно-угровед / В. И. Первушкин // Исторические записки. Межвуз. сб. науч. трудов. Пенза, 1997. Вып. 1. С. 37 – 40.

Первушкин В. И. Исторический очерк административно-территориального деления Пензенского края / В. И. Первушкин // Краеведение. Пенза, 1999. № 1– 2. С. 7 – 9.

Первушкин В. И. Основы этнографии Пензенского края / В. И. Первушкин // Гошуляк В. В. История Пензенского края. Книга III. Пенза, 1998. С. 98 – 102.

Первушкин В. И. «Быть неутомимыми работниками на пользу родной исторической науки...». История Тамбовской, Саратовской и Пензенской губернских ученых архивных комиссий: моногр. / В. И. Первушкин. Пенза, 2008. 191 с.

Петербургский И. М. К вопросу о кузнечном и ювелирном ремеслах мордвы / И. М. Петербургский // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Сб. науч. трудов Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Саранск, 1974. Вып. 45.

Петерсон Г. П. Исторический очерк Керенского края / Г. П. Петерсон. Пенза, 2002. 106 с.

Полесских М. Р. Древнее население верхнего Посурья и Примокшанья / М. Р. Полесских. Пенза, 1977.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ). СПб., 1830. Т. 15.

Полубояров М. С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики / М. С. Полубояров. М., 2010. 224 с.

Поляков О. Е. Мордовские языки: их прошлое, настоящее, будущее / О. Е. Поляков // Поволжские финны (краткий исторический очерк истории и развития мордовского народа): Финно-угорские народы РСФСР. М., 1991.

Попов А. И. Названия народов СССР / А. И. Попов. Л., 1973. 244 с.

Путешествие Ахмеда Ибн-Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996. 50 с.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Промыслы Наровчатского уезда Пензенской губернии по обследованию 1912 года / сост. И. П. Селивановский. М., 1913. 221 с.

Разживин В. Ф., Широкова И. В. Народ Мордовии: социокультурная динамика (первая четверть XX – начало XXI столетия) / В. Ф. Разживин, И. В. Широкова. Саранск. 2007. 285 с.

Савин О. М. Живая память / О. М. Савин. Саранск, 1981. 176 с.

Савин О. М. Судьбы и память / О. М. Савин. Саранск, 2003. 328 с.

Самойленко А. И. Старообрядчество как основа формирования культурно-бытовых традиций села Поим / А. И. Самойленко // Российская провинция XVIII – XX веков. Материалы III Всероссийской научной конференции. Пенза, 1996. Кн.1.

Сандина Т. И. Развитие народного образования в Мордовии / Т. И. Сандина. Саранск, 1969.

Смирнов И. Н. Мордва. Историко-этнографический очерк / И. Н. Смирнов. Казань, 1895. 395 с.

Спрыгина Н. И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии. По материалам экспедиции 1925 г. / Н. И. Спрыгина. Пенза, 1928. 47 с.

Хвощев А. Л. Очерки по истории Пензенского края / А. Л. Хвощев. Пенза, 1922. 221 с.

Циркин А. В. Русско-мордовские отношения в X – XIV вв. / А. В. Циркин. Саранск, 1968. 111 с.

Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник / А. А. Шахматов. СПб., 1910. 848 с.

Щекатов А. А., Максимович Л. И. Словарь географический Российского государства / А. А.Щекатов, Л. И. Максимович. М., 1804. Ч. III – IV.

Юрченков В. А. Взгляд со стороны. Мордовский народ и край в сочинениях западно-европейских авторов VI – XVIII столетий / В. А. Юрченков. Саранск, 1995.

Юрченков В. А. Мордовский народ: вехи истории : в 2 т. / В. А. Юрченков. Саранск, 2007. Т. 1. 460 с.

Юрченкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации / Н. Г. Юрченкова. Саранск, 2009 . 412 с.

Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen / U. Harva. Helsinki, 1952.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ГЛАВА I. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О НАРОДАХ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ.....	8
Природно-географическая характеристика.....	8
Этногенез и этническая история мордовского народа.....	9
Административно-территориальное деление Пензенского края.....	18
Этнонимика.....	19
Мордовские названия на карте области.....	20
Динамика численности мордовского населения.....	22
Религиозный состав Пензенской области.....	26
Первые сведения о народах нашего края.....	28
ГЛАВА II. ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА.....	31
Земледелие.....	31
Животноводство.....	34
Крестьянские занятия и промыслы.....	36
Поселения	40
Жилища.....	42
Народная одежда.....	46
Пища.....	49
Домашняя утварь.....	53
ГЛАВА III. СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА И СЕМЬЯ.....	56
Семейные обряды и обычаи.....	63
Традиционные народные праздники.....	78
ГЛАВА IV. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА.....	88
Мордовская мифология и язычество.....	88
Христианизация Пензенского края.....	100
Устное народное творчество.....	105
Инструментальная музыка.....	111
Декоративно-прикладное искусство.....	112
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	116
БИБЛИОГРАФИЯ.....	117

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ПЕРВУШКИН Владимир Иванович, 1957 года рождения, окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института им. В. Г. Белинского (1983), доктор исторических наук (2009), профессор кафедры новейшей истории России и краеведения Пензенского государственного педагогического университета. Автор более 100 научных работ, в том числе 3 монографии и 4 учебных пособия.

ПРОШКИН Василий Яковлевич, 1946 года рождения, окончил факультет автоматики и телемеханики Пензенского политехнического института (1971), председатель Региональной мордовской национально-культурной автономии Пензенской области (2003).

Научно-популярное издание

**ПЕРВУШКИН Владимир Иванович
ПРОШКИН Василий Яковлевич**

МОРДВА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Редактор
Макет А. В. Первушкин

*В книге использованы фотоматериалы Пензенского государственного
объединенного краеведческого музея, Мордовского республиканского
объединенного краеведческого музея им. И. Д. Воронина, из личных архивов
авторов, а также работы А. С. Алешкина*

Внутреннее убранство жилища

Село Вышелей

Село Новый Мачим

Внутренний вид бани село Чумаево

Село Чумаево

Село Старая Яксарка

Село Старая Яксарка

Село Старая Яксарка

Жилища

Село Вышелей

Село Старая Яксарка

Село Чумаево

Село Старая Яксарка

Село Чумаево

Село Чумаево

Село Чумаево

Село Чумаево

Село Армиево

Село Армиево

Село Армиево

Село Армиево

Мордва Пензенской области

Фольклорный ансамбль «Яксарочка». с. Ст. Яксарка Шемышейского района

Фольклорный ансамбль «Килейне». с. Армиево Шемышейского района

Выступление фольклорного ансамбля с. Чумаево (Камешкирский район)
в с. Кулясово.

Выступление фольклорного ансамбля «Торама» (Республика Мордовия)
в с. Кулясово.

Выступление фольклорного ансамбля «Келу» (Республика Мордовия)
в с. Кулясово

Выступление танцевального коллектива «Каблучок» на празднике Спас. 2010 г.

Участники и гости научно-практической конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Г.К.Ульянова. с. Кулясово Камешкирский район

Выступление В.И. Первушкина
с. Кулясово Камешкирский район 2004 г.

Выступление В.Я. Прошкина
на празднике Спас. 2010 г.

Активист РМНК Пензенской области
В.А. Курышов

Директор школы с. Чумаево
М.А. Размоскина

Глава Армиевского сельского совета
М.Б. Вельмянкина

И.И. Карпов (Республика Мордовия)
и В.Я. Прошкин
на празднике Спас. 2010 г.

Встреча делегатов Самарской области
на празднике Спас. 2010 г.

Выступление ансамбля «Капельки»
Шемышейского района.

Выступление детского фольклорного
коллектива. с. Армиево

Мордовский детский
фольклорный ансамбль «Яксарочка»

Встреча ветеранов в музее р.п. Шемышейка

Старейшая жительница
с. Старая Яксарка

Предметы хозяйственно-бытового назначения

Село Чумаево

Село Старая Яксарка

Мордовская мифология

А.С. Алешкин. Бобо

А.С. Алешкин. Кенкш-Атя и Кенкш-Ава

А.С. Алешкин. Тюштя

А.С. Алешкин. Банява

А.С. Алешкин. Каштом-Ава

А.С. Алешкин. Нешкепирь-Ава

А.С. Алешкин. Замуж за Медведя

А.С. Алешкин. Кудатя

Народный костюм

Село Вышелей

Село Вышелей

Нагрудное женское украшение.
Село Вышелей

Костюмы женщин-мокшанок.
с. Новые Пичуры
Наровчатовского района

Экспонаты Шемышейского, Армиевского и Ст. Яксарского краеведческих музеев

1

2

3

4

5

1. Эрзянский девичий народный костюм начала XX века. Пензенская губерния Городищенский уезд.
2. Сялгам - нагрудное украшение женщины-мокшанки.
3. Сёргт – украшение к женскому головному убору из птичьих перьев.
4. Женский праздничный костюм 1930 – 1960-е годы. Село Старая Яксарка
5. Сялгам - нагрудное украшение женщины-эрзянки.

Образцы вышивки, ткачества и аппликации

Село Чумаево

Село Армиево

Село Армиево

Село Старая Яксарка

Село Вышелей

Село Новый Мачим

Село Старая Яксарка

Наличники

Село Чумаево

Наличники

Село Армиево

Село Армиево

Фотографии начала XX века

Проводы весны в с. Вышелей Городищенский уезд.
Краеведческий музей с. Вышелей.

Моление о лошадях. д. Кардафлей Пензенская губерния Городищенский уезд.
Фото М.Е. Евсевьева.

Жительницы с. Кочелай. Мордва-эрзя.
Пензенская губерния Саранский уезд.
Фото М.Е. Евсевьева.

Юноша с волынкой.
Фото М.Е. Евсевьева.

Третий день Троицы. Посещение подруг. с. Промзино Беднодемьяновский уезд.
1925 г. Из фондов ПГОКМ.

Сельское моление. с. Верхний Мувал Пензенская губерния
Городищенский уезд. Фото М.Е. Евсевьева.

Сельское моление. с. Верхний Мувал Пензенская губерния
Городищенский уезд. Фото М.Е. Евсевьева.

Жатва ржи. 1923 г. с. Болдово Рузаевский уезд. Из фондов ПГОКМ.

Молотьба. Пензенская губерния Саранский уезд. Фото М.Е. Евсевьева.

Мордва-мокша. с. Болдово Рузаевский уезд. 1923 г. Из фондов ПГОКМ.

Мордва-мокша. с. Вечкинино Наровчатский уезд. 1924 г. Из фондов ПГОКМ.

Внутренний вид избы крестьянина Сарайкина. с. Пазелки Городищенский уезд. 1923 г. Из фондов ПГОКМ.

Внутренний вид двора крестьянина Сарайкина. с. Пазелки
Городищенский уезд. 1923 г. Из фондов ПГОКМ.

Наружный типовой вид избы и инвентарь крестьянина Герасимова. с. Успенское Мокшанского уезда. 1923 г. Из фондов ПГОКМ.

Наружный вид типовой избы. с. Успенское Мокшанский уезд. 1923 г. Из фондов ПГОКМ.

Проводы весны. с. Большое Пермиево Никольского района

В.И. Суриков. Взятие снежного городка

Хозяйственные постройки

Село Вышелей

Село Чумаево

Село Армиево

